

84P7(2P-4KEM)

Крзевед

О-38

ISSN 0206—0248

1.1988

Январь-март

ОГНИ
КУЗБАССА

В. Сотников. Разговор. Эскиз. Акварель

№ 1 (99)

Год издания 40-й

Выходит
ежеквартально

ОГНИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

84Р7 (2Р-4Кем)
0-38

В НОМЕРЕ

Редактор

Виктор БАЯНОВ

Редакционная коллегия:

Сергей ДОНБАЙ

Геннадий ЕМЕЛЬЯНОВ

Валерий ЗУБАРЕВ

(отв. секретарь)

Владимир ИВАНОВ

Николай КОЛМОГОРОВ

Владимир КУРОПАТОВ

Владимир МАЗАЕВ

Владимир МАТВЕЕВ

Валентин МАХАЛОВ

Зинаида ЧИГАРЕВА

Геннадий ЮРОВ

ПАМЯТЬ СИБИРИ

- Э. Чиспияков. О происхождении шорцев 3
А. Чудояков. Культурные корни 6
В. Кладчихин. Подвижники 12

ПОЭЗИЯ

- Рассказ Ай Кара Кана (Ай Кара Кан рассказывает Кану
Пергену о злодействах свинцовоглазой Кара Шмельдей).
Запись и подстрочный перевод А. И. Чудоякова. Поэ-
тический перевод Любови Никоновой 16
Федор Чиспияков. Мечты и думы. Перевод с шорского
Б. Рахманова 40
Степан Торбоков. Добыча орехов. Перевод с шорского
В. Махалова 40

Сын тайги

- Валерий Зубарев. Старцева грива. Владимир Иванов.
Шорская изба. Михаил Анохин. Песня гор. Семен Пече-
ник. «По каменным морщинам...» 66

ПРОЗА

- В. Рудин, И. Скворцов. Кузнецкий остров. Сказ . . . 18
Г. Ижболдин. Очан. Повесть. Литературная обра-
ботка Л. Никоновой 42

ВНИМАНИЕ: ПРОБЛЕМА!

- Александр Зайцев. Околица 68
Борис Синявский. Больная жемчужина. (Заметки о «кар-
манной экономике») 75

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

- Валентин Махалов. В гостях у Аполлона, или Рассказ о
нашем первом путешествии по горной реке — с некоторы-
ми забавными подробностями 78

ШОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

- Василий Куспекон. Карагай 85
В. Васильев. Найон. Рассказ 87

390581

Кемеровское
книжное
издательство
1988

Адрес редакции:
650099, Кемерово-99,
Советский пр., 40,
тел. 26-88-48, 26-85-14

Рукописи
не возвращаются

Ведущий редактор
Т. И. Махалова

Художественный редактор
В. П. Кравчук

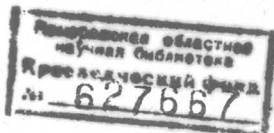
Технический редактор
Г. Н. Манохина

Корректор
В. А. Лузина

На первой стр. об-
ложки: В. Сотников.
Портрет шорки. Уголь, бу-
мага.

На четвертой стр.
обложки: В. Сотников.
Поселок Шор-Тайга. Бума-
га, перо, кисть.

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

НАШИ АВТОРЫ

Чиспияков Электрон Федорович родился в 1930 году в Ленинграде. Окончил Томский педагогический институт. Кандидат наук, доцент, работает на кафедре иностранных языков Новокузнецкого педагогического института. Опубликовал более 20 научных работ.

Чудояков Андрей Ильич родился в 1927 году в селе Карай (современный город Междуреченск). Окончил Казанский государственный университет. Кандидат филологических наук, доцент, работает на кафедре литературы Новокузнецкого педагогического института. Опубликовал более 20 научных работ.

Скворцов Иван Васильевич (1924—1987 гг.) родился в д. Смолино Кемеровской области. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Новосибирский педагогический институт. Работал учителем истории, директором Дома просвещения, директором школы в Новосибирской области, преподавал историю и политэкономия в Кемеровском строительном техникуме.

Ижболдин Георгий Михайлович родился в 1921 году в Алтайском крае. Работает директором горно-металлургического техникума в Таштаголе.

Куспеков Василий Григорьевич (1915—1972 гг.). Окончил Томский государственный университет. Участник Великой Отечественной войны. Проработал 37 лет учителем истории, основатель краеведческого музея в школе № 6 г. Междуреченска.

Сотников Владимир Ефимович родился в 1928 году в Курской области. Окончил Ленинградский институт имени И. Е. Репина. График, участник зональных, республиканских и международных выставок. Член Союза художников СССР.

Сдано в набор 24. 11. 87. Подписано к печати 19. 01. 88. ОП06030. Формат 70х90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,44. Усл. кр.-отт. 7,29. Уч.-изд. л. 7,37. Тираж 7000 экз. Заказ № 10557. Цена 45 к. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059. г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

Э. Чиспьяков,
кандидат филологических наук

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШОРЦЕВ

История Шории намного сложнее, чем многие себе представляют. Наивны, например, бытующие донныне мнения о шорцах, как об автохтонах, то есть живущих в Шории извечно, говорящих лишь язык. Не менее наивно и утверждение — будто бы шорцы происходят от монголов, завоевавших Южную Сибирь и внесших в нее свой антропологический облик.

Начиная с III—IV тысячелетий до н. э. волны миграции идут с запада — из Причерноморья; с северо-запада — из-за Урала (Подмосковье, Кама); с юго-запада — из Средней Азии, Ирана, Памира; с северо-востока — с Байкала; с востока — из современной Монголии. В Сибири селятся люди разных антропологических особенностей: европеоиды — центральноевропейские — типа южнорусских; полугеоепеоиды, полумонголоиды — ныне коми, удмурты, марийцы; средиземноморские европеоиды — памиро-ферганцы; байкальские монголоиды — эвенки, нанайцы; монголоиды — центральноазиатские — монголы, тувинцы, якуты. В конце I тысячелетия до н. э. здесь появляются турки — основные предки современных шорцев.

Носителями исторически складывающихся и сменяющих друг друга культур — от афанасьевской (III тыс. до н. э.) до одиновской (I—VII вв. н. э.) — были этносы совершенно раз-

ного происхождения, которые со временем перемешались, создав очень близкую группу народов Южной Сибири. Назовем этнический состав, сложившийся во второй половине I тысячелетия до н. э., то есть более близкий к письменным фиксированной истории. В Туве, в горном Алтае, на Иртыше и в Казахстане обитали ираноязычные европеоиды, позже известные как юэцжи — по китайским летописям; саки, массагеты, усунь — по европейским письменным источникам. Это были племена индоевропейской языковой семьи. Их язык очень близок к языку европейских скифов. Очень близким к скифскому был и антропологический тип, а также быт сибирских иранских племен.

Надо заметить, что внешний вид современных иранцев, в своей массе брюнетов, коренным образом отличается от облика античных иранцев. Те, что переселились в Иран, смешались с аборигенами и приобрели их антропологический облик. Иранцы же Европы и Сибири — скифы, сарматы, савроматы, юэцжи — оставались русыми и светло-русыми европеоидами.

Плотные поселения образовали в Минусинской котловине, Туве, Кемеровской области так называемые енисейцы — кеты. Они, как убедительно доказывает ученый Н. Л. Членова, в середине I тысячелетия до н. э. обита-

ли в Синьцзяне, в Монголии, во всей южной Сибири, в Казахстане. Пришли же из западных районов Ирана. У них очень своеобразный язык, имеющих общие черты с языками некоторых кавказских народов, с языком бурушаски, живших в Индии, а также с языком басков Испании. Некоторые ученые сближают кетский язык и с языками индейцев.

Народ был очень многочисленный. Но как это часто бывает в истории, он растворился среди других народов. Значительная его часть вошла в состав шорцев. В настоящее время кеты, в количестве одной тысячи, живут на севере Красноярского края.

В степном Алтае в I—VII веках н. э. сложилась одинцовская (верхнеобская) культура. Большинство ученых считает, что ее носителями были самодийцы. Они переселились на Алтай с севера, вытеснив оттуда кетов.

Самодийцы проникли в Сибирь в третьем-четвертом тысячелетиях до н. э. из Подмосковья, преодолев сложный путь через Урал. Пересекли территорию Западной Сибири и надолго освоили район Томска—Нарыма. В конце же первого тысячелетия до н. э. они стали перебираться в степные районы Алтая, где прочно утвердились в I веке н. э. Языки самодийцев лингвисты считают отдаленно родственными финским. Этнически они были близки саамам-лопарям.

Таким образом, в Южной Сибири до рубежа н. э., а именно до появления первых тюрков, проживали, с точки зрения языка и антропологии, в основном представители трех этнических групп. Это ираноязычные европеоиды североευропейского типа, кето-язычные европеоиды восточносредиземноморского (памиро-ферганского) типа и самоедоязычные и угроязычные монголоиды уральской малой расы.

Первые тюрки, появившиеся в Юж-

ной Сибири, обликом близки современным монголам, якутам, тувинцам. По ряду соображений можно с уверенностью предположить, что это были протобулгары — предки нынешних чувашей. Со временем протобулгары заняли на несколько столетий верховья Енисея и верхнюю и среднюю части бассейнов Оби и Иртыша. На юге контактировали с иранцами, а на севере с южными самодийцами и кетам, оставив в чувашском языке много черт их языков, о чем убедительно пишет чувашский ученый Г. Е. Корнилов. Позже протобулгары (и протохазары) под давлением новых пришельцев ушли на Северный Кавказ, Балканы, Среднюю Волгу. На Балканах они создали государство Болгарию, слившись со славянами и став славянами по языку, а на Волге — Волжскую Булгарию и Хазарию, растворившись среди тюрков-именковцев и тоже восприняв их язык. Лишь западнее Волги булгары сохранили свой язык, хотя и сильно смешавшись с финнами (с марийцами и мордвой). Здесь и сложился современный чувашский язык. Однако надо отметить, что булгары и хазары от Иртыша до Волги ассимилировали много иноязычных племен. В итоге современные чувашы выглядят значительно европеоиднее, чем их предки — монголоиды.

Интересно отметить, что в языках современных тюркских народов Сибири много черт, близких к чувашскому языку, в частности в произношении. В тех и других, например, слово никогда не начинается со звонкого согласного. Правда, протобулгарский язык очень сильно отличался от языков других тюркских народов, так как еще в Центральной Азии задолго до н. э. произошло разделение. Приблизительно в IV веке н. э. в горах Алтая и в Минусинской котловине обосновались тюркские племена, говорившие на языке обычного тюркского типа,

хорошо понятном современным шорцам, хакасам, алтайцам, татарам, узбекам, туркам. Эти племена восходили к известным по китайским летописям гянь-гуням северо-западной Монголии, жившим до гуннов у озера Киргизнур. С приходом гуннов они продвинулись на север в двух направлениях — в Минусинскую котловину и на Алтай. В Минусинской котловине смешались с обитавшими там многочисленными светловолосыми европеоидами — тагарцами (динлинами), образовав сильное тюркское государство кыргызов.

На Алтае же и на Иртыше в итоге слияния пришедших туда гянь-гуней с остатками разбитых ими юэчжей и протобугар, сложился народ, призванный позднее сыграть большую роль в истории Центральной, Средней и Западной Азии, — алтайские тюрки (тюркюты). Тюркюты расселились на обширной территории Прииртышья и на Оби, вытеснив из степного и лесостепного Алтая и из Кемеровской области на север и северо-восток южно-самодийцев.

Тюркюты степного Алтая и Кемеровской области, благодаря смешению с самодийцами и кетами, приобрели иные этнические черты. Поэтому будем называть их «тюрки Кузбасса» или «кузбасские тюрки» (по предложению археолога М. Г. Елькина).

Считаем, что непосредственные потомки кузбасских тюрков и кыргызов — те современные шорцы, что являются носителями мрасского диалекта, а также чулымцы среднего Чулыма и хакасы. Они говорят на так называемом з-языке (козан — заяц, казын — берега, позум — я сам), в корне звучит звук «з».

В IX веке на территории от верховьев Иртыша до Павлодарского Прииртышья на юге, до Кузнецкого Алатау на северо-востоке, до современного Омска на северо-западе и до линии Новосибирск—Томск на севере, то есть

на территории кузбасских тюрков, образовалось новое племенное объединение — кимаковское. Кимаков как этническую группу археологи связывают со сросткинской культурой. Ученые М. П. Грязнов и Д. Г. Савинов выделяют шесть локальных вариантов этой культуры: бикийский, барнаульско-каменский, новосибирский, кемеровский, восточноказахстанский, западноалтайский.

Относительно доалтайской истории кимаков известно мало. Но ясно, что они происходили от так называемых телеских племен, обитавших в Западной Монголии и верховьях Иртыша. Язык их имел ощутимые особенности, в частности в произношении. Например, вместо кузбасско-тюркского *з* они произносили *й*, вместо *ч* произносили также *й*, вместо *ш* — *ч* (кузбасское *козан* — кимаковское *койан*: заяц, кузбасское *чакшы* — кимаковское *йакшы*: хорошо, кузбасское *кеш* — кимаковское *кеч*: переправляться). Из шести локальных вариантов сросткинской культуры только один — кемеровский — полностью сохранил кузбасско-тюркские особенности культуры и языка.

В X веке на юге Алтая опять произошли важные события, приведшие к локальному «великому переселению народов»: на исторической арене появился новый сильный народ — каракытай (кидане). Кстати, не надо путать их с китайцами: к китайцам они никакого отношения не имеют, а были монголами или, как считают некоторые ученые, маньчжурами. Под их давлением обитавшие в северо-западной Монголии восточные теле, так называемые телеуты, переселились на реки Чарыш и Алей, левые притоки Оби. Эта экспансия постепенно распространилась до впадения в Обь реки Чумыш, где они основали свою ставку, не заходя ни севернее, ни восточнее.

Вторжение телеутов вынудило ки-

маков значительным количеством уйти на запад, где они перегруппировались и, втянув в свою орбиту другие тюркские племена, а также угров и алан-осетин, образовали новую конфедерацию под именем кыпчаки, или команы, кунны, половцы.

Новосибирский восточноказахстанский и западноалтайский варианты сrostкинской культуры дали начало в Западной Сибири тоболо-иртышским и барабинским татарам.

Часть населения бийского варианта продвинулась вверх по Бии до Телецкого озера, поглотив находившихся там самодийцев и распавшись на три народности — кумандинцев, туба и чалканцев.

Носители кемеровского варианта стали среднечулымцами.

Основательнее всех сдвинуться с места пришлось барнаульско-каменским кимакам, так как их территорию телеуты сделали своим политическим центром. Кимаки расселились по реке Кондоме, ассимилировав местных самодийцев, которые сами незадолго до того вытеснили кетов, живших до этого по всему Чумышу.

В низовьях Кондомы барнаульско-

каменцы, ставшие здесь кондомцами, встретились с кузбасскими тюрками — мрасцами, давно освоившими эту часть Притомья. Кондомцыполнили единый шорский народ.

Как видно из изложенного, сибирский регион заселялся в разное время и разными по своим истокам племенами. Кроме того, здесь происходили неоднократные перемещения. Не случайно антропологический облик шорцев очень разнообразен.

Выделим следующие типы:

центральноазиатский (Нижн. Мрассу) — монголы, якуты, тувинцы;
уральский (Нижн. Кондома) — ханты, манси, удмурты, марийцы;
памиро-ферганский (Верх. Кондома, Верх. Мрассу, Средн. Мрассу) — памирцы, часть узбеков, кавказцы;
байкальский (Нижн. Мрассу — эвенки, нанайцы;
южносибирский (Нижн. Мрассу, Нижн. Кондома) — казахи, ногайцы.

Прогнатизм, то есть лицо с выдвинутой вперед челюстью, характерен для жителей Нижней Кондомы.

Но, с единым языком, культурой, психологией, народ един.

г. Новокузнецк

А. Чудояков,
кандидат филологических наук

КУЛЬТУРНЫЕ КОРНИ

Современные шорцы — немногочисленный тюркоязычный народ, живущий в бассейнах трех рек: Кондомы, Мрассу и верховьев Томи, в Южной Сибири, в центре индустриального Кузбасса. Их предки славились кузнечным ремеслом: добывали желез-

ную руду, в кустарных доменных печах плавил сталь, изготавливали различные изделия из нее, обменивали их на продукты сельского хозяйства у стешных соседей, платили дань ханам-завоевателям. Наряду с этим занимались скотоводством, мотыжным земле-

делием, а позже и плужным, особенно в долинах реки Кондомы, т. е. в полустепной и степной частях Шории.

В начале XVII века русские казаки встретились с шорскими племенами в районе нынешнего города Новокузнецка, обложили их данью. Почти до середины XVIII века шорцы платили дань русскому царю, джунгарскому хану, иногда и киргизскому аю, изделиями из стали, пушминой и хлебом.

С начала XVIII века русские казаки называли шорцев кузнецкими татарами. Об этом имеются многочисленные исторические сведения. В «Описании Сибирского царства». 1787 г., историк Миллер пишет: «Живут они (кузнецкие татары) в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью-реккой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецкими, потому что железную руду плавят и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащие к звериному промыслу орудия».

В XIX веке царским указом шорским кузнецам было запрещено производство стали. Была потеряна одна из самых ведущих отраслей производства. Перестала развиваться «техническая» мысль. Народ обеднел интеллектуально и материально. Дань приходилось платить исключительно пушминой. От хищнического истребления животных горной тайги она сильно оскудела, люди нищали.

Память о былом ремесле навечно закрепилась в названиях городов и всего региона. Как бы в честь шорских кузнецов еще в начале XVII века был назван город Кузнецк, ныне Новокузнецк, много позже другой город — Ленинск-Кузнецкий, Кузнецкий угольный бассейн — Кузбасс.

Во второй половине XIX века крупные изменения произошли и в социальной жизни. После отмены крепостного права в России бурно развивается буржуазия в Сибири. Из числа за-

житочных шорцев вырастают шорские купцы-ростовщики, например, братья Тотышевы. В селе Мыски Федор Степанович Тотышев становится купцом первой гильдии, а в селе Осинники (Тагдагал) Алексей Иванович Куртегешев получает звание купца второй гильдии. Шорские торговцы появляются в Кузнецке, в ряде населенных пунктов Горной Шории.

Народ живет под тройным гнетом: его грабят царское правительство, русские купцы и шорские купцы-ростовщики.

В это время ростовщический капитал находится в стадии первоначального накопления, превращает вчерашнего шорца-крестьянина, охотника, скотовода — в буржуазного дельца, груто ломает характер, в целом весь социальный строй.

В процессе капитализации шорского народа большую роль сыграла золотая лихорадка. По всему краю были построены шахты, орты, оснащенные самыми современными для того времени техническими и промышленными средствами добычи золота. В Горную Шорию хлынул большой приток рабочих.

Коренное население края испытывало двойное влияние: русской буржуазии и русского пролетариата. Буржуазия ломала вековые традиции, нравственные идеалы, лишала опоры и надежды на лучшее будущее. Русский пролетариат распространял демократические взгляды на социальную и общественную жизнь.

В конце XIX века сильное воздействие стали оказывать русские народники, в особенности Н. И. Наумов, выступивший со своими рассказами и повестями о жизни горных шорцев в защиту их от разного рода капиталистических элементов. Одновременно на сознание шорского народа ощущимо влияют большевики. Благодаря пропагандистам марксизма ряд шорцев в

начале нашего столетия вступил в члены коммунистической партии. В числе первых коммунистов был Федор Николаевич Токмашев, секретарь райкома партии шорского (кондомского) национального района.

Во второй половине XIX века качественные изменения произошли и в духовной жизни шорского крестьянства. Алтайская духовная миссия, утвержденная в 1828 году, начала свою деятельность на Алтае с 1830 года и к концу XIX века успела христианизировать почти все население Горной Шории. Представители миссии открывают начальные школы. В северной Шории, в селе Кузедеево, работала одна школа, учителем был миссионер В. И. Вербицкий; на Алтае, в селе Улала (ныне Горно-Алтайск) — другая, более организованная и крупная, чем в Кузедееве. В этих школах учились и дети «алтайских инородцев».

Лучшие выпускники улалинской начальной церковной школы отправлялись в казанскую духовную семинарию. Перед Октябрьской революцией в Горной Шории были десятки выпускников начальных религиозных школ, семинарий, особенно Бийского катехизаторского училища. В середине 80-х годов в числе казанских семинаристов оказался шорец И. М. Штыгашев, автор первой автобиографической повести на русском языке, первого стихотворения на шорском языке.

Русская духовная миссия сыграла двойную роль. С одной стороны, борясь с шаманизмом, боролась и с народными обрядами, народным поэтическим творчеством, насаждала религиозную мораль, уничтожая живое и творческое начало в жизни народа, обращала его к средневековому прошлому. С другой стороны, через сеть школ приобщала молодежь к грамоте, знакомила с азами естественных наук и произведениями светского ис-

кусства. Нередко она невольно становилась посредницей между духовенством и светской культурой. Выпускники училищ и семинарий сами находили дорогу в светский мир, читали произведения классиков мировой и русской литературы.

Алтайская духовная миссия не успела полностью овладеть умами ни народа в целом, ни своих собственных питомцев. Многие выпускники Бийского катехизаторского училища впоследствии вступили в ряды коммунистической партии, например, Яков и Федор Кузьмичи Тельгерековы, Михаил Васильевич Чудояков. Ф. К. Тельгереков был первым председателем Горно-Шорского национального района, а Я. К. Тельгереков — автором школьного учебника на шорском языке. М. В. Чудояков заведовал отделом национальных школ г. Кузнецка, потом был директором первой средней школы в селе Мыски — центре Горно-Шорского национального района.

В годы первой мировой войны всю трудоспособную часть мужского населения Горной Шории мобилизовали на золотые прииски. Из их числа наиболее здоровых и молодых шорцев отбирали и отправили на западный фронт строить оборонительные сооружения и военные объекты. Шорский батальон долгое время находился в городе Гомель. Некоторые молодые шорцы добровольно ушли на фронт, на передовые позиции.

Многие шорцы вернулись домой после февральской революции с новыми настроениями, вобрав в себя демократические и революционные идеи. Они оказали сильное идейное влияние на все шорское население. В числе рабочих Кузбасса, восставших против капитализма, были шорцы. В годы борьбы с колчаковщиной в Сибири они участвовали в партизанской войне. Одним из организаторов большевистского подполья в городе Славгороде был учи-

тель Ф. К. Тельгереков. Шорский народ жил общими интересами с пролетариатом России.

По статистическим данным в 1900 году грамотные шорцы составляли всего один процент. «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» был написан шорским миссионером И. М. Штыгашевым и издан в Казани в 1885 году. В эти же годы вышло несколько книг религиозного содержания: «Священная история на шорском языке», Казань, 1883 г., «Указание пути в царствие небесное на шорском наречии», Казань, 1884 г. Примечателен «Словарь алтайского и аладагского наречий шорского языка» В. И. Вербицкого, Казань, 1887 г. По словам И. М. Штыгашева, над словарем В. И. Вербицкий работал вместе с ним, Штыгашевым. Под аладагским наречием подразумевается шорский язык — от Кузнецкого Алатау. Из ранних изданий книг на шорском языке следует указать на «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». В. В. Радлов в ней опубликовал восемь произведений шорского героического эпоса.

К сказанному следует добавить, что названия двух шорских родов Аба и Четтивер встречаются в древнетюркских письменных памятниках. Эти роды занимают одно из ведущих мест в древнетюркских государственных образованиях. Отсюда вытекают два вывода: 1) многие шорские племена восходят к древним тюркам Южной Сибири; 2) древние предки шорских племен были приобщены к древнетюркской цивилизации, были грамотны. Богатыри шорского эпоса умеют читать и писать; грамотны боги и богини. Богатыри пишут письма друг другу, читают громко письма небожителей, из

книг судьбы девицы узнают о своих нареченных, а богатыри — о своих суженых.

Наиболее крупные произведения шорского героического эпоса, в которых разработана тема борьбы богатырей против уплаты дани ханам-завоевателям: «Кан Кес», «Кан Арго печелиг Кан Мерген», «Ай-Маныс», «Ай-Толай», «Алтын-Сырык».

Подчеркивается нечеловеческая жестокость хана. В поэме «...Кан Мерген» говорится: «Из их спины ремень в четыре пальца шириною выдирали». Жестокому хану-захватчику и сборщику дани противопоставляется народный герой-освободитель. После победы над ханом Кара Мюкю богатырь Кан Мерген объявляет: «В нашем поколении (төле) вовек дани не брали. Как прежде ханами будучи (вы) жили, так и теперь в ваши земли отправившись, царствуйте!»

В поэмах «...Кан Мерген», «Ай-Маныс» и в других вместе с изображением борьбы богатырей против уплаты дани злым ханам особое внимание обращается на поведение чиновников, приемщиков дани, ханских послов, слуг и т. д. Все они показаны жестокими и наглыми грабителями народа, лично заинтересованными в сборе дани от покорных племен и народов.

В поэме «Ай-Толай» данники во главе с богатырем Ай-Толаем и его побратимом с оружием в руках восстают против сборщиков дани. Высоко оцениваются действия сестры героя — вдохновительницы и руководительницы.

Сорок богатырей натягивают тетиву одного общего гигантского лука, пускают одну всепокрушающую символическую стрелу. В объединенном выступлении против социального и иноземного врага заключается несокрушимая сила — такова общая идея поэмы. Это высокое достижение народной идеологии. Так могут мыслить

представители зрелого коллектива людей, составляющих сложную систему общественной жизни.

Социальная направленность шорского фольклора получает свое дальнейшее развитие в произведениях, широко использующих средства сказочной сатиры. К ним относится поэма «Алтын Тайчи», записанная от современного шорского сказителя С. Д. Пучинова в поселке Каз Таштагольского района Кемеровской области в 1978 году А. И. Чудояковым.

Творцы поэмы едко смеются над ханом, двумя его зятями и дочерьми хана Алтын Кастрыка, над их невежеством, чванством, хвастливостью, лицемерием, трусостью, моральной низостью, праздностью.

Социальное зло рассматривается с позиций народных нравственных идеалов. Изображением его выражается борьба за моральную стойкость, гуманизм, народное понимание истинного добра и справедливости. Высказывается мысль о том, что ханская власть, охраняемая мечом, закрывает человеку дорогу в будущее, оборачивается злом для самого аппарата насилия, разлагает его изнутри.

В таких произведениях, как поэмы «Алтын Сом», «Казыр-Тоо», «Алтын Кылыш» и других, человек раскрывается со стороны внутренних переживаний. Это чувство верности невест своим женихам, возникновение любви между мужчиной и женщиной, попытка молодых людей выступить против традиционных правил женитьбы, сломать сопротивление хранителей устаревших народных обычаев. Свою любовь пытается отстоять персонаж поэмы «Алтын Кылыш», сын мудрого Каткан Чула, но терпит неудачу. В поэме «Алтын Сом» принимается компромиссное решение. Богатырь Алтын Сом женится на своей суженой и в то же время приводит домой ту, которую

встретил и полюбил на пути к нареченной.

В первой группе эпических произведений разрабатываются эстетические категории героического, возвышенного и безобразного, во второй — категории сатирического, в третьей — намечается переход к трагическому. Но так, как, например, в казахской романтической поэме «Козы-Кортеш и Баян Слуга», эта категория еще не освоена.

Неоценимо велико значение произведений героического эпоса шорского народа. Воспевая подвиги героев, народ воспитывал молодежь в духе ненависти к угнетателям, поднимал самосознание, сеял дух свободы.

Кроме огромного количества эпических памятников, шорский фольклор богат народной песенной лирикой, состоящей из нескольких жанров: «сарын», или «ырын», — собственно песни, «такпак» — короткие песенки, «тандар» — плясовые задорные песенки, «айтысы» — импровизированные песни-диалоги между юношей и девушкой; песни балладного типа, исторические, свадебные и т. п.

Шорские протяжные песни наполнены любовью к родному краю, природе Горной Шории, близким родственникам, чувством тоски и грусти шорца, оказавшегося за пределами своей родины, родного очага. В них отражена тяжелая жизнь шорца-охотника, задавленного непосильной данью, стремящегося к свободе от социального гнета. Главная тема коротких песенок — любовь и дружба, тоска и разлука, несчастная любовь. В плясовых высмеивается лень, склонность к обжорству и т. д. Это и жанр социальной сатиры, клеймящий жадность купцов-ростовщиков и их стяжательство.

В народных песнях поется не о мифических богатырях, а конкретных жителей Горной Шории. Оставался один шаг к индивидуальному творчеству. В середине 80-х годов XIX века

это сделал один из шорских миссионеров И. М. Штыгашев. К поэтическому творчеству он шел сложным путем, испытал огромное идейное, нравственное, мировоззренческое и эстетическое влияние со стороны алтайских миссионеров, русского духовенства в целом.

Повесть «Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева» (Казань, 1885 г.) он написал в жанре, близком к житиям, повернутом в сторону средневековой древнерусской литературы. Автор повествует о своем поступлении в миссионерское училище и казанскую духовную семинарию, приобщении к православной христианской религии, выходе из тьмы невежества, исходящей от шорских шаманистов, облагораживающем влиянии алтайской духовной миссии и православной религии, а также о своем чувствительном сердце, своих духовных качествах истинного христианина.

Повесть насыщена заботами о христианизации всего шорского населения. На основе «братства» православной веры решаются проблемы интернационального союза единоверцев. Этим союзом автоматически снимаются все проблемы многонационального братства.

Мысли и переживания автора повести отражают духовную жизнь тех молодых людей, которые вступали в новый для них мир верующих. Искренность, простота и достоверность фактов, изложенных в повести, сильно действуют на читателя. Однако мысли автора вертятся вокруг небольшого круга вопросов, прежде всего христианизации шорцев — всеобщего братства христиан.

Автор не ставит своей целью изобразить светскую жизнь, но, рассказывая о себе, об отце, матери, братьях, родственниках, о своем путешествии из Матура (Хакасия) в северную Шо-

рию, в село Кузедеево, а потом на Алтай, в Улалу, оттуда в Казань, знакомит с трудовой жизнью односельчан, шорских племен, вообще с жизнью населения южной Сибири.

И. М. Штыгашев стоит за трудовую жизнь и трудовое воспитание молодежи. Особо он отмечает приобщение к труду всех учащихся кузедеевской и улалинской школ. Несмотря на учение, они не были оторваны от труда, работали на поле. Автор несколько раз возвращается к рассказу о своей трудовой деятельности, говорит о шорских крестьянах-хлебопашцах, истинных тружениках полей.

С грустью, гневом и негодованием он пишет о продаже шорскими крестьянам спиртных напитков русскими торговцами, о дурном влиянии на мораль шорского населения. Одновременно он выступает проповедником высокой русской культуры, но, к сожалению, не самой сильной ее стороны — религиозной.

Повесть заканчивается большим стихотворением, написанном на шорском языке, и изложением его содержания на русском. Если повесть написана под большим воздействием церковной книжной литературы, то стихотворение — под влиянием фольклора родного народа. Заметна параллелистическая конструкция стихотворных строк, попытка добиться начальной рифмы и аллитерации. И. М. Штыгашеву незнакомы силлабика и силлабо-тоническая система стихосложения. Количество слогов в стихотворных строках не учитывается. Оно колеблется от семи до одиннадцати. Рифма слабая, нередко случайная. Стопы не соблюдаются. Однако почерк твердый, мысли и чувства изложены четко. Автор достигает единства и целостности стихотворения логикой выражения сквозной мысли.

Стихотворение напоминает народные причитания по усопшим. В нем выра-

жено горе автора об умершем друге, казанском семинаристе-алтайце Моисее, и о смерти родного брата Иосифа. О своем горе И. М. Штыгашев может сказать сильно. Его слова правдивы, передают искреннюю скорбь поэта, потому они действительны.

Повесть и стихотворение созданы талантливым автором, человеком сильным в чувствах и мыслях, рано созревшим. Если бы была написана только повесть, то можно было подумать о сильном вмешательстве редактора, но

перед нами есть еще стихотворение, написанное на шорском языке. Шорский текст едва ли подвергался большой редакторской правке, потому что наверняка родным языком И. М. Штыгашев владел лучше, чем другие. Шорский текст говорит о его поэтической одаренности.

Современные шорские читатели высоко ценят повесть И. М. Штыгашева. В свое время высокую оценку ей дал и шорский народный поэт С. С. Торбоков.

г. Новокузнецк

В. Кладчихин

ПОДВИЖНИКИ

Память поколений и документы донесли до нас десятки имен выдающихся подвижников науки, общественных деятелей, так или иначе связанных с Сибирью, Кузбассом, Горной Шорией. И перечень их деяний начинается не с эпохи открывателя Кузнецких углей Михайлы Волкова, а гораздо раньше. Упомянем хотя бы о некоторых из них.

К 1622 году относится запись распросных речей томских казаков Ивана Володимирца о том, что около острога на Кондоме и Мрассу в горах «кузнечных людей тысячи с три... — и далее:... а живут они в горах, а на горах растет всякий лес, и тот лес расчищают, пахут пашни, сеют пшеницу, ячмень, коноплю» (сборник князя Хилкова, 1879).

Знаменитый В. Н. Татищев, создатель Уральской канцелярии берг-коллегии, занимавшийся изучением Сибири по личному указанию Петра I, первым отметил, что «железо в Си-

бири за главный металл почитаться может». Реализацией этого предположения были заняты многие его современники. Один из них — первый русский академик, будущий исследователь Камчатки С. П. Крашенинников. В числе других студентов Московской славяно-греко-латинской академии он был включен в состав организованной Сенатом и Академией наук второй камчатской экспедиции. В 1734 году ему выпала честь стать помощником академиков И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера. Вместе они тем же летом совершили небольшую поездку вверх по Кондоме, где осмотрели выплавку железа из местной руды «кузнечными татарами». Эти воспоминания потом увидели свет в собрании трудов, изданных при содействии его ближайшего друга и соратника М. В. Ломоносова.

В этих же трудах можно найти первое описание инструмента, с помощью которого велась добыча руды. Это была мотыга, которая служила одновре-

менно и сельскохозяйственным орудием. Лемех в форме полукружья, остро отточенный, на деревянном черенке. Гмелин наблюдал, как работники ломали на берегу Кондомы руду. Они мотыгой удаляли покрывавший руду дерн. Применялся при этом и другой инструмент, напоминающий ныне известное кайло.

Через десять лет в этих краях побывал не столь знатный ученый, бывший рудоприемщик демидовских заводов Петр Шелегин. Он имел более практическое, чем академичское, задание. Найти новые рудные базы для дальнейшего развития Колывано-Воскресенских металлургических заводов. Так залежи по Кондоме и Мрассу были занесены на новые карты вместе с серебряными и медными месторождениями.

В 1773 году крестьянами Мурашовым, Бессоновым и Хабаровым были найдены залежи, содержащие до 25 фунтов железа на пуд руды. Вскоре после этого было открыто Сухаринское месторождение и началась его разработка, продлившаяся до 1858 года.

В 1816 году горный инженер Векель на правом берегу Тельбеса в 30 верстах от впадения его в Кондому открыл руды Тельбесского магнитного железнняка. Тогда же начались его разработки для Томского железоделательного завода.

Обстоятельная разведка Тельбесской группы, как, впрочем, и других месторождений Шории, началась в середине прошлого века. Практического применения они в ту пору не получили. Слишком далеко располагались от заводов.

Но разведка продолжалась. В середине 50-х годов XIX века тщательные поиски железных руд в Тельбесской группе месторождений проводились уже государственными горными организациями. Но поскольку окрестные железоделательные заводы (Томский,

например) к тому времени оказались закрытыми, интерес к этим богатствам снизился.

К тому же, на состоянии горных отраслей отрицательно сказывалась золотодобыча. Огромные прибыли, получаемые золотодобытчиками, не шли ни к какому сравнению с прибылями владельцев железоделательных заводов. И, в конечном итоге, частный капитал, привлеченный сибирским золотом, подавил деятельность казенных горнорудных предприятий.

Именно с развитием этой отрасли связан приезд в Горную Шорию в 1844 году одного из основоположников российской геологии, профессора Московского университета Г. Е. Щуровского.

Он с помощниками поднялся на лодке с шестью по Томи и Мрассу до улуса Сосновского. Там они осмотрели промыслы, описали геологические особенности здешней природы. Все это легло потом в изданные труды, содержащие интересные сведения, наблюдения, характеристики.

Более регулярное геологическое изучение земель началось с образованием в 1894 году при Кабинете Геологической части.

Первая работа нового учреждения — геологическая съемка северной части Алтайского горного округа для карты в масштабе 10 верст в дюйме. Среди привлеченных к этой важной работе оказался заслуженный профессор Петербургского университета, впоследствии член-корреспондент академии наук А. А. Иностранцев. Он расценил Тельбесскую группу как весьма ценную и предложил построить в устье Кондомы чугунолитейный завод.

Однако твердой уверенности в том, что открытые участки пригодны для промышленной эксплуатации, у исследователей по-прежнему не было. Тем не менее район привлекал внимание предпринимателей. В 1896 году было

создано акционерное общество Восточно-Сибирских заводов, которое и взяло его в аренду. В это время с помощью магнитометрических методов было обнаружено новое крупное месторождение — Темиртауское — и несколько мелких проявлений. Но на основание нового предприятия у акционеров не хватило капитала.

Наконец в 1911 году французский владелец артиллерийских заводов Шнейдер послал в Кузбасс своих экспертов. Те усмотрели перспективу района, которая совпадала с оценками русских ученых. И в 1912 году царский кабинет отдал земли с их недрами в аренду франко-бельгийской компании, представителем которой был царский приближенный Трепов, брат министра внутренних дел, известного к тому времени своим приказом при расправе с рабочими в 1905 году: «Патронов не жалеть». Аренда должна была действовать 99 лет, то есть до 2011 года.

Наконец пришло время, когда русские ученые обратились к богатствам Горной Шории не для обогащения российских и заморских миллионеров, а на пользу своему отечеству. Так будущий город Таштагол оказался на жизненном пути профессора Томского технологического института, впоследствии академика М. А. Усова, основателя сибирской научной школы геологов.

Случилось это в годы создания рудной базы для проектировавшегося Кузнецкого металлургического комбината. По воспоминаниям начальника Кузнецкстроя С. Франкфурта, профессор вначале доказывал... полное отсутствие промышленных запасов руды в этом районе. Но, повинаясь необходимости, возглавил работы и сам детально исследовал Тельбесское месторождение, которое считалось тогда крупнейшим в Сибири. После 1928 года М. А. Усов руководил работами своих аспирантов и консультировал геологов, занимавшихся изучением желе-

зородных месторождений. Академик В. А. Обручев отмечал, что это время с 1919 по 1938 год, в течение которого все геолого-разведочные работы проводились под руководством Усова, заслуженно может быть названо «усовским периодом».

В 1929 году было открыто Казское месторождение, которое вскоре же и было разведано.

Непростую работу взяли на себя специалисты, которым предстояло расширить границы известных запасов для того, чтоб развивающаяся металлургия Кузбасса была в максимальной мере обеспечена собственным сырьем. Полвека жизни потратил на это выпускник Томского индустриального института А. С. Калугин. Он исследовал Шерешевское, Темиртауское, Ташелгинское и другие месторождения. Научный и практический опыт позволял ему утверждать необходимость в ориентации именно на местные залежи.

Не меньший вклад внес в данную проблему Г. Л. Поспелов. При исследованиях подземных богатств Шории он ввел в геологическую науку новые принципы и методы физики, химии, математики.

Среди геологов широко известна двухтомная монография «Железорудные месторождения Алтае-Саянской горной области», изданная академией наук СССР в 1958 году. Ее редакторами были академик И. П. Бардин, А. С. Калугин и Г. Л. Поспелов.

Многих ученых интересовала живая природа, разнообразный животный и растительный мир. Если В. Н. Татищев, работая в 1744 году над «Краткой российской географией», отмечал, что в Сибири, включая Кузнецкую землю, «растет довольно кедров, от которых получают там множество кедровых орехов», то другие ученые посвящают ей более подробные отчеты. Известный натуралист, этнограф и археолог А. В. Адрианов, исследуя в

1881 году Горную Шорию, разработал этнографический вопрос о быте «черневых татар».

В начале нашего века в черневую тайгу Шории приезжал один из основателей сибирской ботанической науки, профессор П. Н. Крылов. Глубоко изучив видовой состав, распределение, экологию растений, он уже тогда выразил беспокойство беспорядочным вмешательством человека в гармоничный мир природы, предупреждал о пагубности такого вмешательства.

Заметным явлением в биологической науке Сибири стала почвенно-ботаническая экспедиция в Горную Шорию, на водораздел Кондомы и Мрассу в 1927 году. Руководил ею профессор В. И. Баранов. Ученые детально исследовали леса, охарактеризовали почвы, лесные и суходольные луга. Дали эколого-типологическую характе-

ристику пихтовой тайги, выделив 14 типов леса. Научные выводы были тесно связаны с оценкой перспектив освоения района. Работа положила начало типологическому изучению лесов Горной Шории и детальному разбору ботанического понятия о черневой тайге и нагорных пихтовых лесах.

Отдаленный край оказался, как видим, на жизненном пути многих. Подчас совершенно неожиданно. Автор советской сценической Ленинианы, лауреат Государственной премии СССР М. Ф. Шатров по своему первоначальному образованию — горный инженер. Тема его дипломной работы — «Многомолоточное бурение восходящих шпуров». В трудовой книжке писателя сохранилась такая запись: «Премиирован 10 рублями за рацпредложение». Сделана она во времена его работы на шахте рудника Таштагол.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Читателю известны произведения устной поэзии горных шорцев, в основном по переводам Александра Смердова, по сборнику «Волосяная струна» [Москва, 1975 г.] по героическому сказанию «Дева горных вершин» [Кемерово, 1975 г.].

Но большинство произведений шорской устной поэзии еще ждет знакомства с читателем. Поэтические предания хранятся в памяти шорских сказителей и певцов — кайчи. Богатый поэтический материал содержится в рукописях собирателей шорского фольклора. Так, шорский поэт и народный учитель Степан Семенович Торбоков записал в свое время 47 героических поэм! Много работает с родным фольклором кандидат филологических наук, преподаватель Новокузнецкого педагогического института Андрей Ильич Чудояков.

Несколько лет назад А. И. Чудояков предложил мне сделать поэтический перевод шорских эпических поэм «Алтын Сырык» и «Кан Перген».

Вниманию читателей альманаха предлагается фрагмент из шорской героической поэмы «Кан Перген».

Л. Никонова

РАССКАЗ АЙ КАРА КАНА

(Ай Кара Кан рассказывает Кану Пергену
о злодействах свинцовоглазой Кара Шмельдей)

«В черной глубокой подземной дали,
под девяноста слоями земли,
есть сокрушающая богатырей
свинцовоглазая Кара Шмельдей.
Ходит, от пят до макушки черна.
Ростом — до третьего неба она.
Посох, что сделан из дерева сёт,
девятитерновый, играя, несет.
Сила десятков богатырей
в посохе этом заключена.
Силе десятков богатырей
черная сила злодейки равна.

У черной кровавой Кара Шмельдей
выросла черная дочка — злодей.
Черный кулан у девчонки есть,
на нем против шерсти

дыбится шерсть.

Облик невзрачный девчонке дан:
в две пяди охватом некрепкий стан,
пяди не будет в плечах у ней —
но это достойная дочка Шмельдей.

ездит по свету девчонка, кружит,
всякую жизнь беспричинно крушит.
Если ж с алыпом вступает в бой —
с гору становится величиной,
превращается в Черного богатыря,
меряться силой с которым — зря.
Имя злодею — Кара Молат.
Ведать не ведает изверг преград.
Лучшую сталь ломает шутя
черное черной злодейки дитя.

Слушай теперь о том, как погиб
сын мой, великий Кан Алып.
Чтобы измерить земную ширь,
выехал странствовать богатырь.
Малой желтой горы он достиг.
Желтой большой горы он достиг.
Конские скачки большие шли
в дальних пределах дальней земли.
С Кара Молатом поспорил он:
будет, мол, черный кулан побежден.
Руки скрестили они на спор.
Руки сцепили — и не развязать.

Тут появилась из чрева гор
Кара Молата черная мать:
посох, что сделан из дерева сёт,
девятигранный, играя, несет.
Каменный мир под стопами гудит.
Спорщикам Кара Шмельдей говорит:
— Сколько вы можете так стоять?
Руки попробую ваши разъять.

Злобных намерений темных полна,
посохом страшным взмахнула она.
С горных макушек сшибая лес,
посох взлетел за сорок небес,
посох пространство пробороздил,
в темя алып он угодил.
Разум алып навеки потух,
тело оставил великий дух.
То же случилось с твоим отцом,
слышшим отчаянным храбрецом.
Ехал домой из далеких стран
славный силач, богатырь Кара Кан.
Радуюсь отчей земле наперед,
выпил вина он — и стал он нетверд.
Свесился всадник нетрезвый с седла.
Пел. Его песня бессвязной была.
Тут-то, губительница людей,
и появилась Кара Шмельдей:
посох, что сделан из дерева сёт,
девятигранный, играя, несет.
Взоры — свинцовы. Торс —

как стальной.

Слаб богатырь перед нею хмельной.
Злобных намерений темных полна,
посохом страшным взмахнула она.
С горных макушек сшибая лес,
семьдесят посох разрезал небес,

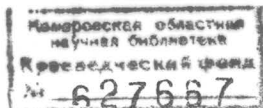
посох пространство пробороздил,
в темя отцу твоему угодил.
Гром укатился за семьдесят стран.
Навзничь на землю упал Кара Кан.
Видя, что навзничь противник упал,
Кара Шмельдей повторила удар.
Громом взорвался небесный свод.
Перевернулся алып на живот.
Кара Шмельдей, порождение зла,
третий, последний удар нанесла.
Гром разразился вблизи и вдали.
И, раздвигая складки земли,
в черную глубь полетел Кара Кан,
в черные дали чернейшей из стран.
Вечные цепи ее сильны —
не возвратиться из этой страны».

Выслушал это Кан Перген —
стал он суровой каменных стен.
Схлынула краска живая с лица —
печени мертвой подобно оно.
Красная кровь отлила от лица —
печени черной подобно оно.

Страшная выпала участь отцу!
Встал богатырь, зашагал по дворцу.
Все закачалось вблизи и вдали.
Полон алып нерастраченных сил.
Пол до шестого пласта земли
неосторожно он продавил.

Чувствовал он: не положен предел
силе, и мужеству, и уму.
Чувствовал близость великих дел.
Подвиг свершить предстояло ему.

Поэтический перевод Любови Никоновой.
Запись и подстрочный перевод А. И. Чудоякова

В. Рудин, И. Скворцов

КУЗНЕЦКИЙ ОСТРОГ

СКАЗ

«... и в кузнецких волостях на усть Кондомы реки с томскими и с тюменскими и с верхотурскими людьми острог поставили и крепость заделали, и кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели».

Из отписки томских воевод Ф. Боборыкина и Г. Хрипунова тобольскому воеводе И. Куракину, 1618 год.

Высоко вознеслась караульная гора, к самому небу, оттого привольно здесь ветрам. Чтобы не задуло костер, Мерген, княжий конюх, разложил его у самого края сухого частого березника, поднявшегося сюда, к просторной поляне, из дальнего распада.

Молчит Мерген. Подталкивает под железный котелок с булькающей водой пышущие жаром головни, на широкую, сильную спину паштыка то и дело поглядывает: не позовет ли? не махнет ли рукой? не прикажет ли чего?

Уже закипела вода, в самый раз сушеную сарану для похлебки засыпать. Поднялся от костра — надо вниз идти, к коням, арчимак снять... Нет, не оглядывается паштык. Не зовет. Будто совсем один здесь, будто нет рядом верного Мергена. Будто не ждут их вон там, у ручья, серые, давно отдохнувшие кони...

А паштыку всего Абинского улуса Ба-

заяку ни до чего дела нет — смотрит едаль, наглядеться не может. С обрыва над широченной Томью-рекой далеко-далеко шорская земля распахнулась: вон Кондома из черных сосен излилась, к Томи побежала; еще дальше на юг горные кряжи поднимаются, Томь-красавицу загородили, один из-за другого поднялись, на себе кедровые леса несут, темные, непроглядные. Прямо за Томь посмотришь — степь на запад уходит, по ней Аба, Отец-река, петляет, в ту сторону Кун-Алтын с неба на ночь укатывается... И пусть укатывается, завтра снова придет. Всесильный, светлый бог Ульгень хорошо шорскую землю устроил... Да, хорошо... А ведь сказано: «Ветер подует — роса опадает; думы обступят — покой отлетает...»¹

¹ Здесь и дальше устный шорский эпос в пересказе Г. Сысолятина.

Пай-пай, сколько дум...

Кажется, недавно принял от отца, могучего Темира, повод власти в улусе, а пролетело семнадцать зим. Тогда он впервые сел на боевого коня и повел пять десятков конных и пять десятков пеших воинов на запад, в ставку хана Кучума, на Обь.

Был прежде Кучум над всем огромным царством Иссебир хан, а в том году, когда вел к нему Базаяк своих воинов, от ханства мало что осталось: отобрали русские все земли кучумовы по Тоболу и по Иртышу, везде свои остроги поставили. Кочевал в том году Кучум уже по Оби, ставку держал там, где слева в Обь неспешно впадает Ирмень... Да, семнадцать зим минуло, а тот день на исходе лета и сейчас перед глазами стоит.

...Вынесли кони Базаяка и его воинов на песчаный берег — вон она, на том берегу, на увалах, кучумова ставка: юрты, белым войлоком крытые, много-много юрт; конные воины по своим делам скачут; пастухи табун на выпас погнали — велик табун, голова за увал ушла, а тут сотни коней слитным потоком несутся... Там и тут караульные на копья оперлись... Как же ты, хан Кучум, царство свое, Иссебир, в руках не удержал? Видно, русские еще сильнее... И шепнул Базаяку светлый Ульгень-бог со своего золотого трона, с могучего Пустага: не спеша на тот берег, тут заночуй, а утром поднимется на небо Кун-Алтын — тогда уж решишь...

День еще не кончился, когда на Кучума ударили казаки — видел Базаяк молодыми, зоркими глазами, как закипела сеча меж ханских юрт, как блеснули молнии, словно гром ударил, и побежали воины Кучума от русского огненного боя к Оби, и как в воду кинулись, да мало кто до него, до Базаяка, доплыл, потонули все почти. После боя на Ирмени никто хана Кучума больше не видел, по шорским улусам весть пошла, будто утонул Кучум в тот злой день в обской волне, а восемь его жен и восемь дочерей, да две

невестки с пятью внуками к русским в руки попали, и сто мурз, что их защищали, а прочих русские посекали. И еще другое говорили, будто не утонул Кучум, но сбежал с малым отрядом, бухарцы же, заманив его к калмыкам, там обманом убили и отряд вырезали весь...

Базаяк, даром что молод был, воинов Кучума, какие Обь переплыли, к себе не взял, на все четыре стороны отпустил: зачем они в улусе? будут снова и снова на войну с русскими подбивать, а разве с их огненным боем справишься?

Ушел Базаяк в свой улус, а тут не знаешь, когда беды ждать: на юг и на восток от шорской земли беспощадные алтысарцы кочуют, за Алтайскими горами — такие же свирепые джунгары. Эти если придут, детей и жен к себе угонят, мужчин, кого не убьют, того утопят, кого не утопят, того к дереву привяжут, медом голову вымажут. Придет медведь — что с человеком сделает?

На западе русские пока на Оби стоят, дальше не идут. Долго ли простоят?

Одна была радость в сердце: князь эуштинцев Тоян, вниз по Томи его стойбища. С эуштинцами мир, и дружба, и мена.

Четыре зимы прошло, как сгинул Кучум, и поехал Базаяк с воинами и работными аба-кижи к старому стойбищу Темира, где Томь делает петлю. В том месте шел обмен с эуштинцами. Повез на мену топоры, наконечники для стрел: эуштинцы все знатные охотники, стрелы им всегда нужны, железные наконечники берут охотно, за них и лисицу-огневку и даже соболя дают.

Там, на мене, Базаяк встретился с Тояном. Тоян про русских и первый день говорил, и второй, и третий... Сидели с Базаяком на медвежьей шкуре, никуда не спешили. Было о чем подумать. Тоян своих людей на запад посылал — русские к его земле близко придвинулись, на Кети уже острог поставили. На тот год и на среднюю Томь пожалуют, а там и в верховья поднимутся, к Абинскому улу-

су. Как их встречать? Они ведь тоже алман берут. Каждый сильный с каждого слабого алман требует. Не отобьешься — плати. Как поют кайчи — «на небо взлететь — небо высоко. В землю зарыться — земля тверда...» Куда спрячешься?

Тоян на прощанье сказал: алтысарцы степные из Абакана придут — все возьмут, никого в живых не оставят. Русских к себе сам приведу, острог в моей земле поставят, своим огненным боем моих детей защитят. Вот стану я русским алман платить, и жив мой народ будет... А ты?

Базаяк ответил: ты мудро мыслишь, но русские от моего улуса еще далеко, а степные хищники совсем близко. Русских сейчас позову — то ли придут, то ли нет, а беду на свою голову накликаю. И слова другого кайчи припомнил: «За многим не гонись, ибо малое, чем ты живешь пока, в одно мгновение можешь потерять».

На другой же год поехал Тоян далеко на запад, за Каменный пояс, за широкую реку Итиль, в великое стойбище русского царя Бориса. Долго ездил, целый год Тояна не было. Вернулся с царской тамгой — оттиснут на красном камне могучий орел с двух головах, на запад и на восток смотрит сразу, когти на обе стороны острит... Привез Тоян с собой русских, сам показал им место в сердце своей земли — лучше того места для острога нет: над рекой лесистый крутой, далеко с него видно.

Поставили там русские деревянный острог с башнями на стенах, с пушками в башнях. Казаки в острог сели. Добром пришли, добром встречены, и сколько лет прошло, добром с эштинцами живут. Тоян у них в чести, сам со своих людей алман для царя собирает, сам русским платит. Князь был — князь остался...

Стали русские и в верховья Томи подниматься — много их, русских, выносливы и сильны, ни гор, ни снега, ни воды не боятся. То верхом идут, то в чел-

нах. Летом появятся, осенью снова в Томск уходят... Понял Базаяк: время пришло!

Но сам за все улусы решить не мог, чтобы русских звать, чтобы было, как у эштинцев. Тут, в шорской земле, пятнадцать улусов, каждый паштык по-своему думает, по-своему говорит, по-своему решает.

Пять зим назад¹ поднялись казаки по полой воде к устью Абы, почти у самого становища Базаяка, по ту сторону густого сосняка, прямо на гриве, уходящей обрывом к Томи, срубили за лето острожек и две избы в нем. К нему в становище казаки не наведывались, сохотниками не задирались, за девушками не гонялись. Базаяк тоже казаков не трогал, прочь не гнал, хотя было их всего два раза по десять.

Ближе к осени шамана спросил: что тебе боги про русских говорят? Шаман шапку с красными перьями надел, к огню сел, лук взял, себе на колени тетивой вверх поставил, стал с закрытыми глазами вправо-влево качаться... Долго молчал, а Базаяк не торопил: нельзя, Шаман очнулся, сказал через силу: на Пустате был у светлого Ульгения, и под землю ходил, к хромому Шалыгу. Дай ему саламат...

Базаяк взял из казана каши, в огонь бросил — зачадило под казанком, зашипело. Шаман кивнул: принял Шалыг твой саламат. Не тронь русских, Базаяк!

На другое утро взял Базаяк десять анчи — Мергену велел самых высоких и сильных звать! — повез в острожек подарки: десять связок соболей, по сорок шкурок в связке, да топоры, да панцири, еще две сабли, луной изогнутых. Знал Базаяк, что Тоян скрепил дружбу с русскими клятвой. О том же, когда к острожку подъезжал, думал: о клятве. И еще о дружбе...

Русские ворота перед конем Базаяка распахнули сразу же, в острожек пусти-

¹ В 1609 году.

ли, держались дружелюбно. Старший из русских, бородатый, в синем кафтане, в шапке с меховой опушкой, что-то закричал — русские проворно разостлали на траве, перед высоким деревянным жилищем кошму. Бородатый сам сел, махнул Базаяку рукой: и ты садись!

Никто никому не кланялся.

Базаяк на Мергена только глянул — тот стал с анчи подарки на землю раскладывать. Русские смотрели, качали головами. Старший руку протянул — ему саблю подали. Он встал, и так и этак смотрел, на отсвет и на свист воздуха при взмахе, ногтем по жалу поводил. На Базаяка удивленными глазами посмотрел, сказал что-то, а толмач тут как тут, из эуштинцев: паштыку Базаяку от десятника Бажена эзен! Русский сказал: дух молата¹ в клинок вселился! Русский хочет знать, сам ли такие ковать можешь? Или привезли из дальней земли?

Базаяк покачал головой, степенно сказал — в Абинском улусе сабля родилась, у каждого моего анчи такая. Переведи русскому десятнику Бажену.

Русский выслушал перевод, улыбнулся, черные глаза веселыми сделались. В ладоши похлопал, и принесли ему два кафтана, один зеленый, один синий. Еще вынесли кусок сукна, видно, тяжелый, два казака несли на палке. Эуштинцев перевел:

— Русский сотник Бажен тебе своими подарками тоже кланяется, спрашивает, не хочешь ли со своими храбрыми алыпами выйти на государево имя? Будешь тогда вместе с русскими воинами биться против врагов, а вам всем за то — государево жалованье. А нет, так клятву можешь дать ясак платить, раз в год по соболу с каждого охотника, женщины и дети не в счет, от нас же тебе будет против степняков подмога.

Базаяк не ответил, Мергену кивнул — стали охотники русские подарки в торо-

ки укладывать. Базаяк к русскому оборотился — твои подарки мне в радость, все женщинам отдам, пусть нарядные будут. А останешься ли с нами? Или обратно в Томск воинов уведешь?

Эуштинец головой повертел, того и другого послушал, Базаяку передал: уйдут казаки, в зиму тут не останутся. Мало их, и пушек с собой нет. Да и от воеводы наказа не было, чтобы в абинской земле осесть. Приходили только глянуть, хороша ли земля у паштыка, и видят, что хорошая.

Базаяк похивал, сказал твердо: вот приходите в мой улус, ставьте большой острог, как в земле Тояна. Друзья князя Тояна и мне друзья. Тогда решу, алман ли станем платить, или службу на себя возьмем.

На другую зиму русские не приходили. Базаяк с десятком анчи в русском острожке расположился — набросали на сосновом полу в просторном деревянном доме шкур медвежьих да волчьих, женщин за стены острожка Базаяк пускать не велел.

По всем улусам молва разнеслась: построили русские для Базаяка острог и дом в нем, большой одаг. Обещали скороости снова от Томска подняться, огненный бой привезти. Тогда пусть к Базаяку кто сунется! И потянулись в абинский улус паштыки верховые и низовые, ст рода шор и кара-шор, и даже от рода карга, из-за мрасского порога. Пока гостили, все высмотрели дотошно, на высокую башню над воротами поднимались, вниз склонившись, на землю смотрели; ворота из толстого бруса на железных петлях ладонями оглаживали — ни копьем их не взять, ни саблей, лишь огонь сожрет, но если поставить наверху воинов, к воротам не подпустят...

Был Базаяк прежде паштыком, как все остальные. Может, только охотников в его роду поболее, чем в других, да лuki у них пометче, да сабля в их руках потяжелее: у него что ни охотник, то воин, могучий алып.

¹ Шорские кузнецы различали железо (темир) и сталь (молат).

Теперь паштыки, говоря о Базаяке, качали головами: «Йо! Мудрый правитель!» Только, оказывается, не все паштыки радовались мудрости Базаяка: иные боялись, как бы он все шорские улусы под себя не подмял...

Еще зима минула — снова приплыли русские, теперь на двух больших лодках, четыре раза по десять, только привел их не Бажен. Звали атамана Иваном, и тот же был при нем уэштинец, что прошлый раз.

Иван сказал: томский воевода велел с тебя малый ясак брать, сам со своих и соберешь, а с других родов ясак иметь будем полный. Как советуешь, в какую сторону лучше казаков слать? По Мрассе или по Кондоме? А может, разделить их, дашь своих проводников, и пусть идут? А тебе от воеводы подарки присланы, вели своим людям принять...

Подарков Базаяку много привезли, всякое добро было — снова кафтаны, и сукна на палках, еще ножи и бусы для женщин...

В ту осень Базаяк впервые столкнулся с грузным, пегобородым Кузге, паштыком рода сарачер.

Пять казаков повел в улус сарачер охотник Базаяка. Ни охотник, ни казаки беды для себя не ждали, а пучеглазый Кузге алман не дал, казаков схватил, сабли отобрал, кафтаны сорвал, базаякова аңчи палками прогнал — тот днем прибежал, а к вечеру и сам Кузге с людьми пришел, казаков на веревках привели. Базаяку сказал: «Ты их сюда позвал, ты и повесь на дерево, пусть их ворона клюет! Потом вместе на тех казаков ударим, ты к ним войди с алыпами, они тебя за ворота пустят, а мы их зарежем».

Базаяк на черные лица казаков посмотрел, руку протянул: «Йо! — сказал, — отдай их мне!» Велел Мергену казаков развязать и помыть, кафтаны, какие в подарок получил, им дать, толкан для них сварить. Кузге, слушая приказания, от ярости онемел.

...Улусы друг с другом не воевали. Никто в чужой надел не ходил. В чужой реке все равно рыбу не поймашь, в чужой тайге зверя не убьешь, а больше делить было нечего. Каждый род стоял за себя, паштыки ничьей власти над собой не признавали. Одна забота была общая: от абаканских свирепых степняков-алтысарцев, когда нагрянут от верховья Енисея, откупиться. Потому что отбиться было не по силам ни каждому роду отдельно, ни всем вместе.

А тут столкнулись Базаяк и Кузге — один другого не понимает!

Базаяк: русских вешать не дам! они ясак взяли и ушли, ни у одного абакижи за соболя ремней со спины не резали, а степняки что с людьми делают — знаешь?

Кузге в ответ: а вот придет войско алтысарского хана — некому будет над нами плакать! русские от степняков на лодках убегут, а твой род куда сбежит?

Базаяк свое гнет: казака вблизи видел? Он на колени перед тобой опустил-ся? Ты его бить велел — он тебя испугался? О пощаде просил? Казак сильный, воевать с ним абакижи не будут, и тебе не советую. Уходи, Кузге.

А тот: смотри, пожалеешь!

Базаяк головой покачал, слово кайчи напомнил: «Дурак поднимает без повода шум, мудрец свою ярость смирят».

Кузге поднялся. Охотничьим заклятьем ответил: «По нашей дороге не ходи. С дерева свалившись, «умер» скажи!»¹

Ушел тогда Кузге со своими воинами, в гневе ушел. Но Базаяк его не боялся.

Казачий голова Иван про Кузге все знал, не зря уэштинец в абинском городище днями крутился. Иван своих казаков из рук Базаяка принял, в ладонь ему своей ладонью ударил, после за оба плеча брал, добрые слова говорил. Ворота

¹ Шорские охотники, убив медведя, уходили с места охоты и с этими заговорными словами перегораживали палками свой след, веря, что «медвежья душа» не сможет их догнать и отомстить.

острожка стали на запоре держать, одного Базаяка к себе пускали (и Мергена с ним). А уйти Иван никак не мог: ждал, когда его люди из кондомских улусов вернутся: челей, кара-шор и читтибер. Три дня ждал, потом еще два, после казаки приплыли, ясак привезли, немного, правда. Но Базаяк знал, что казаки силой ничего в улусах не отбирали. То привезли, что сами паштыки дали.

И уплыли казаки на своих лодках, и снова перебрался на зиму Базаяк в опустевший казачий острожек. По шорским улусам тишина простояла год и еще год. Охота добрая в эти зимы была. А нынче паштык улуса карга человека прислал, сказать велел: с вершины лета пойдут степняки жечь Томск-город, и велит алтысарский хан Номча всем шорским улусам своих воинов в помощь дать, а тех, кто не даст, на уран¹ не откликнется, — того постигнет злая судьба.

Что же тут делать?

И на русских идти нельзя, шаман сказал: светлый бог Ульгень отступится, Шалыг погубит... А не пойдешь — Номча пощады не даст.

...Темнеть стало. Не так далеко теперь с горы видно. Там, куда нежаркий осенний Кун-Алтын на ночь укатился, светлая полоска по краю неба стелется, за спиной Ай-Алтын круторогий поднялся... Неслышно подошел сзади верный Мерген, тихо спросил:

— Не пойдешь ли к огню? Похлебка сварилась.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

От 1563 года, когда неустрашимый Кучум, сын узбекского правителя Муртазы, с тысячей бухарских и ногайских удалцов отобрал сибирское ханство у братьев Едигера и Бекбулата, и до гибели лет его правления было тридцать пять.

В том последнем кучумовом году он

кочевал по левому берегу Оби, земли же между Уралом и Обью перешли в руки русских. Населявшие их народы, от остяков и вогулов на севере до белых калмыков на юге, как свидетельствует А. Н. Радищев, смотрели на Кучума как на чужестранца, «повиновались из одной только боязни, как то всегда бывает в завоеванных странах». Что же удивительного, что по мере продвижения русских все далее на восток сибирские народы спадали от Кучума, признавая над собой «высокую руку московского государя»?

Но нас сейчас интересует именно год 1598-й: в том году умер царь Федор Иоанович, сын Грозного, нареченный в народе «слабоумным», и на царство венчался Борис Годунов.

Проживший в Москве долгие двадцать лет английский дворянин Джером Горсей, бывавший на приемах у Годунова, так о нем пишет в «Описании посольств»:

«Борис высок ростом, весьма красив лицом и вообще величественен в приемах; в обращении приветлив; при этом мужественен, умен, прозорлив, важен, милосерд, любит добродетель и добрых людей, ненавидит злых и строго карает неправосудие. Словом, он лучший из всех государей, когда-либо царствовавших в России»².

Волей и умом Бориса, фактически правившего царством и при слабоумном Федоре, шло все эти годы и освоение Западной Сибири. Так, в 1594 году на Иртыше поставлена была крепость, названная Тарской, с гарнизоном в три сотни казаков и служилых людей, потому набеги Кучума на улусы вновь образованного Тарского уезда сделались невозможны.

В эти годы Борис Годунов желал примирения с Кучумом — по указу Бориса тарские воеводы пытались завязать пе-

² Ю. Толстой. «Сказания англичанина Горсея о России», «Отечественные записки», т. 126, стр. 158.

¹ Уран — боевой клич.

реговоры с кочевавшим в верховьях Иртыша Кучумом. В 1597 году ему отправлена была царская грамота — а перестал бы ты, Кучум, воевать, признал бы над собой государеву руку, а тебе-де останутся во владение все кочевья по Иртышу выше Тары-города. Кучум грамоту отсерег. Более того, послал своих людей в Бухару и к поймам, призывая вместе ударить на север, пожечь русские остроги, людей истребить и всю Сибирь назад бы забрать.

Сведая об этом, тарские воеводы тут же донесли в Москву, и Борис распорядился — послать войско и побить Кучума, пока он не навел на Сибирь ногайскую орду!

В пятитомной «Истории Сибири» названо и имя воеводы, который собрал крупный отряд для удара по Кучуму: Андрей Воейков. В конце августа 1598 года он повел казаков и стрельцов, а также татарских служилых людей из Тюмени, Тобольска и Тары вверх по Иртышу. Но Кучум, отбиваясь мелкими отрядами, спешно откочевал к Оби, ставку разбил на левом берегу, при впадении в Обь Ирмени,¹ разослал гонцов по улусам чатских татар, белых калмыков (телеутов) — слали бы ему в помощь воинов конных и пеших. Однако собрать силы Кучум не успел: Воейков настиг его и здесь, на Ирмени и Оби, разбил наголову.

Разгром этот эхом отдался по всей Западной Сибири: чатские татары, барабинские и теренинские, платившие прежде дань Кучуму, поспешили принять русское подданство.

Просил о русском подданстве и князец томских татар, или эуштинцев, Тоян.

Известно, что Тоян был у Сургутского воеводы в конце 1602 года, а в январе 1603 принят был в Москве самим царем Борисом, жизни которого оставалось всего два года. Принят был с почетом, в

Грановитой палате Кремля, поднес царю «в почесть» поклонных соболей, да горностаев, да бобров добрых».

Борис же одарил сибирского князька английским сукном, венецейкой и адамашкой. Сколь велика была оказана Тояну честь, мы можем судить, сравнив этот прием с приемом в 1604 году тем же Борисом английского посла Томаса Смита. В «Сочинении о Московии» великого английского поэта Дж. Мильтона² читаем:

«В день, назначенный для его приема, были присланы для него и его спутников... лошади, а два парадные белые коня везли богатую колымагу, которая назначена была в подарок. Прочие подарки для спутников посла несены были между двумя рядами... гвардии... Посланник был введен в приемную... и, отдав почтение, получил соответствующие подарки...»³

Много, видно, ждал от Тояна царь Борис, принимая словно равного себе, как бесспорно был английский король, сибирского князька с Томи, у которого «ясашных людей триста человек».

Тоян уехал из Москвы с царевой грамотой Сургутским воеводам: «Был нам челом Томские земли князек Тоян, что б нашему царьскому величеству его Тояна пожаловати... и велели бы в вотчине его в Томи поставити город. А место де в Томи ужоже и пашенных людей устроити мочно. И как де город поставят, и те де все ясачные люди придут к нашему царьскому величеству, и ясак учнут платити. А которые де будут около того города наши непослушники и он, Тоян, учнет... приводити их под нашу царскую высокую руку...»

² Мильтон Джон (1608—1674) автор известных поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» в России не бывал. Для создания «Сочинения о Московии» использовал заметки других авторов.

³ «Краткая история Московии...», перевод Е. Карнович, «Отечественные записки», кн. 131, стр. 141—142.

¹ Ныне это район Обской ГЭС, выше Новосибирска.

Томск, как известно, основан был в октябре 1604 года, сел в нем воеводой Писемский, и на несколько лет стал Томск восточным форпостом Русской державы.

На Руси в те годы страшное творилось.

В 1605 году умер Борис. Сына его, Федора Борисовича, сторонники Лжедмитрия до трона не допустили, умертвили. Но и Лжедмитрию I москвичи поцарствовать долго не дали: 17 мая 1606 года Москва поднялась, хлынули люди в Кремль. Лжедмитрий зло и храбро рубился, но под сабельными ударами пал, и что с ним дальше сделали, всем ведомо.

Два дня спустя, 19 мая, сел на трон Российский воевода боярин Василий Шуйский, но долго царства в руках не удержал: в 1610 году был низведен, увезен в польский полон, настало время «семибоярщины», совета из семи бояр, а те смотрели в сторону польского короля Сигизмунда III.

Томск же в далекой Сибири своей жизнью жил. Воеводы на московское неустроение не оглядывались, посылали один за другим казацкие отряды на восток, «встречь солнцу», посылали и на юг, вверх по Томи, к кузнецким татарам, точнее — в Абинский улус, ясак иметь, а людей к государевой руке приводить.

Были походы в годах 1607, 1609, 1610, 1611, однако назвать их удачными нельзя: паштыки шорских родов — князьки — ясака не дали, казаки возвращались в Томск с пустыми руками.

Томские воеводы Василий Волинский и Михаил Новосильцев писали царю Василию Шуйскому: «...воевать осенью и зимой кузнецких людей не можно, что живут государь в крепостях великих и болота обошли и зыбелы велики и ржавицы¹, а зимой живут снега великие, и воевать государь их кроме лета в жары не можно».

Правда, когда отписка та писалась, Шуйского на троне уже не было, но до Томска весть о низложении Шуйского не сразу, видно, дошла, в той же отписке далее читаем: «До кузнецких государь до ближних волостей ходу 7 недель, а итти до них государь все пусто. И многие государь служивые люди и томские татарове, которые ходят... помирают на дороге с голоду».

В Абинском улусе скоро выявилась у русских опора — паштык Базаяк, который уже в 1609 году «служил и прямил Москве». В том году он взял под защиту казаков, не дал убить. Два года спустя снова спас казаков: предупредил атамана Ивана Тихонького, что идут кыргызы-алтысарцы от Абакана, «хотят... побить государевых служивых людей».

В 1610 году добрался до Абинского улуса атаман Иван Павлов, «осекся в крепость» рядом с укрепленным городищем абинцев, притом Л. П. Потапов, исследователь Горной Шории, в 1936 году писал, что русские, по шорскому преданию, очавшись взять это укрепление штурмом, «взяли подкупом». Как согласовать такое предание с тем историческим фактом, что Базаяк, абинский паштык, «добровольно служил русским», о чем же Л. П. Потапов пишет на странице 12, не знаем. Видимо, не всякое предание основано на исторических фактах.

Теперь неизбежен вопрос: чего хотели Томские воеводы, рассылая со всей настойчивостью казаков и служивых людей на восток и на юг?

Здесь можно со всей определенностью сказать: мира с новыми соседями! Приведем выдержку из упоминавшегося выше сочинения Дж. Мильтона:

«В 1611 году к реке Оби приходили многие из Китая, а другие от алтайского царя, который называет сам себя золотым царем. Люди эти торговали при Зергольте или Сургооте, принося с собою серебряную посуду. После того Михаил Федорович, император российский, в 1619 году отправил несколько людей из

¹ Ржавые болота, см. у Даля, т. IV, стр. 95.

Тоома в Алтай и Китай; люди эти возвратились с посланниками от тамошних государей»¹.

Мы знаем: в Северной Монголии в XVI веке сложилось государство алтын-ханов, или «золотых ханов», центр его находился возле озера Убса, а русским удалось установить с алтын-ханами не просто мирные, но дружественные отношения — они поддерживались, пока это государство не пало под ударами джунгарских хун-тайджи в 1666 году.

Но была и вторая цель: включение народов лесостепной Сибири в русское подданство либо в качестве данников («ясашных людей»), либо в качестве служилых.

Так, западные соседи шорцев, телеуты, в 1615, 1621 и 1622 годах вместе с русскими ходили походом против енисейских кыргызов, дав шерть (клятву) «служить под царьской высокой рукой своими головами»; часть их переселилась в Томский и Кузнецкий уезды и добровольно «вышли на государево имя»² — если прежде по смыслу шерти были союзниками, то теперь стали служилыми людьми, получали царское жалованье хлебом и солью.

Что до кузнецких татар, как называли русские абинцев и иные шорские рода, то здесь речь шла об уплате ясака, дани (сами шорцы называли «алман» или «албан»), притом в счет алмана шла пушнина, а также железные изделия — длинный их перечень находим у Л. П. Потапова: котлы, таганы, стремена, удила, наконечники для стрел, ножи, тавра и проч.

Ясак брали «с лука», с вооруженного луком охотника, каким считался всякий мужчина.

Дело, однако, в том, что кыргызы алтысарского княжества считали кузнецких татар своими данниками — набеги на

шорские улусы давали кыргызским князьям Номче, Ишею, а позже его сыну Иренаку Ишееву, не только пушнину и железо, но и рабов, потому выпускать из своих рук шорцев алтысарские князья не хотели.

Отсюда и кровавые набеги алтысарцев на Томск — в 1614 году они привели с собой и кузнецких татар. Город алтысарцы не взяли, но крови пустили много: побили служилых людей и пашенных мужиков, кого за городом застигли, погромили уэшитинцев. Лошадей и коров угнали, хлеба выжгли и потоптали, пленникам «носы и уши резали... руки обсекли и брюхо пороли, горло перерезали, глаза выкопали»...³

На другой год, 1615-й, Томские воеводы организовали ответный поход: по Томи поднялись стрелецкий сотник Иван Пуцкин и казачий атаман Константинов, и с ними две сотни стрельцов да казаков.

В числе разгромленных казаками улусов Л. П. Потапов называет сарачер, где паштыком был Кузге. Но тут пришли алтысарцы, до пяти тысяч. Казаки и стрельцы сели в осаду и выдерживали ее долгих десять недель...

* * *

Шорская зима, суровая и многоснежная, пала на Абинский улус.

Базаяк прошлой осенью с алтысарцами на Томск-город все же не ходил, от казаков, если бы пришли, беды себе не ждал, но мести свирепых алтысарцев опасался, потому с прошлой осени, как с летних пастбищ вернулся, взял два десятка анчи и ушел с ними в казачий острожек, в русской избе жил. Остальные анчи по тайге пошли, белок бить. Потом спустился с гор Мерген, заветные слова сказал: «медвежью берлогу я окружил». Хвастаться, рассказывать, как искал медвежьи надломы веток у берлоги, как

¹ «Отечественные записки» кн. СXXXI, с. 116

² А. П. Усманский. Тезисы к научно-практической конференции «Археология и краеведение Алтая», Барнаул, 1972 г.

³ С. Заплавный. Рассказы о Томске, Новосибирск, 1980, с. 38.

пашел и обошел ее на лыжах, было нельзя, и Мерген ничего больше говорить не стал.

Радоваться такому известию тоже было нельзя. Базаяк и не обрадовался, просто сказал: «Через два дня. Пусть пока спит».

Но той же ночью разбудил Базаяка грозный грохот в острожные ворота — он выбрался из-под лисьих одеял, спешно набросил на сильные, широкие плечи шерстяной чепан. Кто? Казаки? Или про алтысарцев худая весть? Выскочил на крыльцо — сторожевые анчи уже ворота распахнули, Мерген у воротной башни стоит, огонь держит, трое русских на конях через снег боком к избе подъезжают, усталые кони головами трясут, удилами позвякивают, а в ворота люди идут нескончаемой рекой, одни с саблями у бока, у других сабли на палки насажены¹, и огненный бой на плечах несут!

Один из всадников прямо с коня к Базаяку кинулся: ох, друг Базаяк, ждал ли?

Базаяк тоже руки раскинул: йо, Бажен, давно ждал! сколько много людей привел! где всех разместим? большой одаг ставить придется...

Русских пришло десять раз по десять, и еще столько же. Главным у них был не Бажен, а совсем молодой сотник со строгими синими глазами и рыжей густой бородой, коротко подстриженной, именем Иван Пушин. Был он на дело спор, на людей не кричал — его и так слушались.

В первую ночь, как за котел с бараниной сели, сотник прямо против Базаяка устроился, саблю рядом на медвежью полость положил и железо для малого огненного боя, сказал строго: «Хочешь своей бараниной от государева гнева загородиться? мы отступников в железаковать станем, в Томск-город увезем!»

Бажен теперь по-эуштински хорошо знал, слова сотника перевел и от себя

добавил: говори толком, ходил с алтысарцами на Томск или нет?

Базаяк ответил словами кайчи: «Товарищу служат и конь мой, и лодка, и в сердце звенящем рожденная песня... Коня мне не жалко и лодку не жалко — на дружбу отдать». Ты, Бажен, мне друг? Йо, аба-кижи к Томску не ходили, я род на старую Темирову стоянку уводил. Алтысарцы до меня не добрались, они верховьем Томи шли, к Томску спешили.

И совсем другой стал сотник Иван Пушин: глаза веселые, мясо брал да хваливал, из своей баклашки в базаякову чашку огненной воды налил — у Базаяка в горле все обожгло...

Той первой ночью казаки и стрельцы грелись вокруг костров, острожный дворик мал был для такого многолюдства, но днем людей разом поубавилось: одну полусотню Бажен повел берегом до устья Кондомы — этим велено было валить в бору сосны, тащить конным волоком до острожка. Еще полусотня пошла в Сарачерский улус, к паптыку Кузге, Базаяк им своего Мергена в проводники дал, Мергену наказал: Кузге ни пегобородым, ни поздрястым не называть, оказывать уважение, казакам пусть алман сам подносит, казаки с него за кровь не спросят. Бажен обещал. И они ушли.

О медвежьей охоте думать теперь не приходилось — Базаяк так и решил: пусть аба еще поспит.²

Весь первый, и второй, и третий день казаки, очистив от снега площадку внутри острожка, у правой стены, жгли на ней костры, потом размягшую землю абылами долбили, потом полуземлянку строить взялись. У них дело споро пошло. Базаяк рядом с Иваном Пушиным стоял, смотрел, как русские у бревен концы вырубают, понять не мог, что делают. Когда бревна концами друг в дру-

² По-шорски «медведь» — «азыг», однако на промысле его этим словом не называют. Следует говорить «аба» (отец), или «адалык» (почтенный), либо «улуг кижы» (великий человек).

¹ Базаяк впервые увидел стрелецкие бердыши.

га ушли, удивился, своих анчи позвал, близко подвел, пальцами по вязи водил: аба-кижи так дерево класть не умеют. Когда свой дом — одаг — ставят, в землю толстые жерди вбивают, плотно, одну жердину к другой, в наклон к центру, с боков землей засыпают, сверху тоже жерди, только потоньше, берестой крытые, землей присыпанные, и чтобы дыра для дыма.

Анчи цокали — пай-пай, бревна друг за друга зацепились, как у русских одно бревно другое находит!

Базаяк сказал Ивану Пушину — пусть бы и мои анчи с казаками бревна так клали, а топоры у нас свои!

Пушин усмехнулся: а и пусть работают. Глядишь, научатся избы вязать. Только чтоб пальцы себе не пообрубали.

В тот же день вернулся в острог Федор Дека, казак добрый, бывалый, из той ватаги, что добывала Кучума на Оби семнадцать лет назад. Был он человек горячий, на расправу скорый, Ивану Пушину уж так ли не хотелось ставить его старшим, но Бажен за него поручился. Пошел Федор Дека с десятком казаков вверх по Кондоме далеко, до рода челей, а обратным ходом должен был брать ясак в родах кара-шор и четтибер. Федор Дека к сотнику пришел злой — дальше некуда: род четтибер ясака хоть мало, но дал, соболишку там, бобра, белку соболя вместо. В других улусах перед самым носом казаков алтысарские сборщики ясака побывали... Пушин глянул в сумрачное лицо Федора Деки: так, побывали. Обобрали, что ли, улусы?

— А подчистую. Все унесли. И рухлядь, и железо, какое сыскали. Ни чугунка, ни тагана, ни ножа не оставили.

— Где ж ты ясак насобирали? Все же пять нарт приволок!

— А мы один отряд алтысарских сборщиков нагнали, их два десятка всего и было. Всех в пень порубили, ясак отобрали. Зачем наших ясашных людей обирают?

На другой день еще трое десятских со своими людьми вернулись, из родов таяш, калар и каран. Те улусы алтысарцы тоже дочиста обобрали, уже две христовых недели с того прошли, да еще пугали — придет-де не сегодня-завтра орда, так всех непокорных вырежет.

Казаки из полусотни Бажена между тем полуземлянку срубили, стропила по верху пустили, крышу из жердей настлали. Теперь взялись вдоль острожных стен, с внутренней стороны, полати тянуть, чтоб на них и стоять и биться сподручно было.

Иван Пушин подымался раным-рано, еще до света. Тер снегом обнаженные плечи, грудь, шею. Базаяк рядом стоял — к морозу был привычен, холода не чувствовал, просто у абинцев такого обычая не знали, снегом себя тереть. Сотнику казак белое полотно подавал, а в этот раз Пушин как стал утираться, Базаяку сказал: «Что-то нехорошее, мне кажется, у Бажена случилось. Вторая неделя доходит, а от него вестей нет».

Базаяк нос пальцем потер, ответил: «До сарачера путь не близкий».

С башни стрелец закричал: «Эй, ворота на запор! Толпа валит!»

Со стен увидали: вынырнули из рассветной мглы всадники, а там и пеший люд пошел... Тот же часовой первым опомнился, первым и зашумел: «Обознался, братья! Бажен идет!»

Бажен пришел, ясак принес — силой взял. Паштык Кузге добром давать не хотел, русских в городище не пустил: его анчи встретили русских стрелами. Три дня Мерген кричал, вызывал Кузге, на коне под стрелами крутился, а Бажен раз только выехал, и ему стрелой левую руку попортили. На четвертый день Бажен велел казакам грохнуть по упряжам из пищалей, после залпа заорал: «На слом! На слом!»

Люди Кузге против казаков не устояли, но Бажен резни не допустил. Ясака в улусе немного взяли, зато самого Куз-

ге аманатом-заложником имали и с собой на аркане привели.

Иван Пуцци спросил Бажена: «Куда же его девать будем, твоего крестника? В поруб, что ли, садить? Или в башенную подклеть?»

Базаяк голос подал: «Паштыка нельзя на аркан и связать пельзя. Он тогда больше не паштык, ему умереть надо, вместо ж него другой будет. Пусть Кузге в остроге живет, люди его рода все равно придут, узпавать будут. Его не связанным увидят — все равно для них паштык». Оборотился к Бажену: понимаешь, что говорю?

Пуцци послушал, что пересказал ему Бажен, сказал: «Базаяк, видно, дело молчит. Ведите сюда Кузге!»

Базаяк не видел сарачерского паштыка больше года. Тот в русскую избу за Баженом вошел, на сотника посмотрел, Базаяка же словно и не заметил. На шкуры сел с достоинством, чашку с кашей взял из баженовых рук, щепотку в огонь бросил. Базаяк то же самое сделал.

Сотник и Бажен удивления не выказали, теперь уже знали: у кузнецких татар, по их колмацкой вере, так положено. Сами поднялись, молча рукой лба коснулись и живота, потом правого плеча и левого — Базаяк тоже не удивился: Бажен еще прежде объяснил, что русский бог требует крест положить на себя, потом пищу брать...

Сотник за едой сказал грузному Кузге — Бажен перевел: отпустить тебя сейчас не можем, с нами в остроге пока поживи.

Кузге склонил голову: «Твои воины, казак, меня осилили, я у тебя в плену. Завтра придет великая орда алтысарского князя Номчи, тебя осилит. Ты у них в плену будешь. А может, они тебя живым не оставят».

Сотник послушал, потом объяснил, что Базаяк вот тоже в остроге живет, никто силком не держит. Когда захочет, может уйти. И ты, мол, у меня погости.

Кузге на Базаяка не оглянулся, объяснил сотнику: «Каждый сам себе участь готовит. Базаяк давно в сторону русских смотрит, да только куда он от воинов Номчи денется? Может, думает, на небо улетит? Или под землю уйдет?»

Базаяк отвечать не стал: не может ни воин, ни охотник хвалиться ни удалью, ни силой, ни твердой рукой, ни зорким глазом, когда в бой идет или на охоту собрался. Молчи. И делай, что положено. Положено же было ему, паштыку, на всякий случай послать самых сильных охотников на перевалы, вверх по Томи, и еще туда, где Томи и У-су сливаются. Пусть стерегут тишину. А пойдут алтысарцы, чтобы весть подали. Род в казачий острожек не упрячешь, придется уходить вниз по Томи, до старой Темировой стоянки. Значит, готовь нарты, много нарт, детей везти и самых старых. Остальные на лыжах...

Сотник к сказанному Кузге тоже отнесся серьезно: прошлый год алтысарцев под Томском повидал, знал, что и рубиться они горазды, и стрелы далеко пускают, и смерти не страшатся. Только пушками да пищалями от них и отбились. Спросили невозмутимого Кузге: «Знаешь ли, когда придут?»

Кузге ощерился: «Думаю, на солнцеворот здесь будут. Жди, казак!»

Кузге в подклеть более не сажали — бродил одиноко по острожку, стены осматривал и рукой трогал. К воротам не подходил: знал, что не выпустят. Базаяк же с Мергеном к себе ушли, в станобиче.

Однако прежде чем людей к перевалам слать, Базаяк велел шаману у бога спросить совета. Шаман сказал, что до вечера ждать надо, сейчас Ульгень на самом высоком небе, зова не услышит и не откликнется. Пришлось трех анчи, не поговорив с Ульгеном, к перевалу слать. Но еще до вечера прискакал за Базаяком Бажен: велел тебе, паштык, сотник Иван в острог явиться, совет будем дер-

жать, так надо бы нам знать, что ты удумал.

Совет долгим не был.

Сотник все молчал, других слушал.

Бажен, изредка покачивая начавшую заживать руку, говорил: «Конные, скажем, по увалу уйдут, а куда стрельцам пешим деваться? На всех лыж не хватит, а снегу вон сколько. Пешие от алтысарцев не уберегутся, в снегу их задавят, стрелами побьют, и пищали не спасут».

Федор Дека заторопился: «Не надо из острога уходить! Биться будем! Томск стбился, и мы отобьемся! А может, этот Кузге зря и пугает, может, не придут алтысарцы? А мы уже тыл готовы дать!»

Константинов, другой полусотник, сказал, как приговорил: «А на плохом месте ты, Бажен, острог срубил! По самому валу алтысарцы снег конями промнут, сверху нас стрелами засыпят. Головы поднять не дадут. Не удержимся, уходить надо».

— Что сейчас об этом говорить? — буркнул Бажен.

Дошла очередь до Базаяка — сказал, что род свой увидет завтра, а трех анчи еще в обед услап по Томи вверх: если орда пойдет, весть дадут. И еще сказал, что орда точно придет, раз Бажен и Федор их людей рубили. Об этом теперь вся шорская тайга знает и ждет, что дальше будет. Если казаки еще до прихода алтысарцев уйдут, боя не примут, шор-кижи с русскими дружить не будут: шор-кижи слабых и трусов в друзья не берут.

Сотник, когда Бажен все перевел, спросил, что же, мол, сам род уводишь?

Базаяк степенно объяснил: «У меня воинно не столько, сколько у тебя, и огненного боя нет. Ни один шорский род алтысарцев одолеть не может, и все роды вместе тоже. А Томск алтысарцы не взяли, и шор-кижи видели, где предел алтысарской силы».

Сотник снова синие глаза веками прикрыл, сказал Бажену: «Умного друга ты, полусотник, себе нашел. Вишь, как нас в осаду загоняет. И прав кругом. Ну, да-

вайте так: на увальной стороне надо в два дня новый тын ставить, жердяной, да повыше. Через него стрелы нас не достанут. Пеших они берегом погонят, здесь конь на обрыв не пойдет. Так нам бы по обрыву паледь сделать. От его стойбища, — кивнул на Базаяка, — дорога к воротам выходит, путь наилучший. Отсюда их главная сила пойдет. Тут и будем стоять накрепко. А тебе, полусотник, — это сказал Константинову, — в два дня лес доставить, часть для тына, часть на берегу, под обрывом оставь и снегом загороши. Понял ли? Ну, а ты, Базаяк, чем поможешь?»

Базаяк сказал, что род тогда уводить не станет, пока три анчи сигнала не подадут, охотников на эти дни по тайге пошлет. Какого зверя забьют — хоть зайца, хоть сохатого, — все казакам отдадут, пусть еда в запасе будет. И место на Абе и Кондоме покажет, где подолдом рыба спит. Пусть казаки и абакжи вместе у берега лед обкалывают, рыбу берут. Рыба хорошая, большая.

В тот вечер шаман в бубен у огня бил, лук тетивой вверх на свои колени ставил, к Ульгению уходил. Когда вернулся, сказал, что Ульгень Базаяком доволен, что алтысарцы придут и обратно уйдут, но много их здесь в землю ляжет.

Еще неделя прошла. Казаки со стороны увала рубленую стену жердевым тыном нарастили, вдоль острожных стен изнутри полати устали, к ним лестницы срубили. Речной обрыв под острожком льдом взялся.

Днем Базаяк и Мерген в острог прискакали: вернулись анчи с перевала! Конная орда идет! Много! Снег почернел! Еще Базаяк сотнику Ивану Пущину сказал — род сарачер с алтысарцами придет, паштык Кузге пусть знает: в улусе сейчас ульда¹ верховодит, Бадачак зовут. Всем говорит, Кузге будто себя опозорил, паштыком больше быть не может.

¹ Ульда — дядя по отцу.

Сотник Иван Пуцин покивал: «Как на Руси в минувшие времена: «И, бога забыв, восстали дядья на племянников, племянники же на дядей своих, и бысть с того зла много». Вот и у этих то же».

С сотником Базаяк рукой в руку ударил, с Баженом друг друга за плечи подержали.

С воротной башни видно было, как Базаяк своих на крытую снегом реку вывел, душ до пятисот, а может, с детишками и поболее: детишек на нартах, какие охотники по снегу волокли, было не сосчитать. Носились в снегу без лая собаки. Конных у абинцев было все же много, с полсотни, эти шли в хвосте. Большой был род аба — потому сильный.

Пуцин смотрел, как проволоклись татары низом, рекой, мимо острожка, как за поросшую сосняком, снегом заметенную косу ушли. Ни криков, ни ржания слышно не стало...

С той же воротной башни на третий день увидали караульные, как замелькали по заснеженному увалу черные точки — ближе, ближе... Вот и хорошо видно стало: низкорослые, мохнатые кони по брюхо в снег ушли, из сил выбиваются, головами мотают. Ордынцы верховые криком изошли...

Федор Дека и Бажен на стену мигом взлетели, за ними Кузге грузно поднялся, поодаль, у бойницы встал — тоже на орду смотрит.

— Яртаульная сотня, — определил Федор Дека.

— Дорогу топчут, — подтвердил Бажен. — Хорошо бы и к воротам подошли! Тогда с маханом будем! — Обернулся — внизу, у лестницы, казаки топчутся, команды лезть на стены ждут. — Эй, братья, на полати бегом! Да тащи сюда пищаль семипяденную! Арканы тащи, махана подтягивать!

От Базаякова стана, мимо заснеженных сосен, прямо на ворота понеслись конники, десятка два — саженьях в ста от острога разом подняли луки — тонко

запели стрелы. Конники унеслись в сторону, на снежный целик, а на их место выскакали другие, и снова запели стрелы.

Поднялся к бойницам сотник, отодвинул хмурого Кузге, а тот вдруг заволновался, к другой бойнице отбежал, высулся бесстрашно, вниз ордынцам по своему кричит.

Бажен со своей пищалью тут как тут, сотнику объясняет: Базаяк-то правду говорил! Вон впереди Бадачак скачет, запомнил я его: его стрела меня нашла. Паштыком, вишь, быть желает, а Кузге его увидел — ярится! Дозволь, Иване, я этого Бадачака ссажу! Конь под поганцем больно жирен, а я казакам на вареве махана обещал, своих же пока бережем. Дозволь!

А Бадачак и его люди совсем близко подскакали, луки подняли — и тут сотник и крикнул: «Пали, Бажен!»

Бажен повел стволом, уложенным на бердыш — грохнула пищаль, конь под Бадачаком свечой взвился, на бок пал, Бадачак в снег покатился, люди его врассыпную кинулись, с ватагой, что следом скакала, перемешались. Казаки по ним со стены из пищалей грохнули — иные с коней попадали, крики там и вой, а казаки арканы метнули, двух подбитых коней уцепили, одного за поднятую голову, другого за задние ноги, к стене быстро подтянули, а из распахнувшихся горот стрельцы выскочили, лошадей с ревом в острожек затащили. Будет служилым мясное вареве!

Алтысарцы от стены далеко отхлынули — видно, как их начальные люди в меховых шубах своих же, ордынцев, плетью хлещут, наотмашь стегают, к острогу гонят, а те не идут, упираются.

Кузге Бажена за руку хватает, быстро-быстро говорит, едва Бажен разобрал: зук мне дайте, Бадачака убью, как собаку, не быть ему паштыком!

Бажен сотнику слова Кузге перевел — Пуцин разублажался: у нас луков нет, пусть он другой раз со стрельцами за

ворота бежит, лук в поле добывает, вон их сколько около побитых осталось!

— А не уйдет к своим, Иване?

— Ты нешто не видел: Бадачак прямо в него метил? Не твоя бы пицаль — подстрелил бы его дядя родной. Они за княжее звание сцепились — их теперь только смерть примирит.

До вечера было тихо: ни к воротам, ни к жердевому тыну на увале ордынцы не скакали, лишь вдали помаячут и скроются. И другой день было тихо, и третий. В этот день Кузге за ворота и пошел, лук брать. Был он хоть и дорожен, но быстр и проворен.

Со стены за ним сотник Иван и Бажен смотрели, но Кузге на них не оглядывался. От ворот до того места пробежал, где казаки из пицалей ордынцев набили — их свои и оттащить не стали, на холоду, словно собак, бросили. Кузге к одному наклонился, другого тронул. Из-под снега лук достал. Поодаль еще содного колчан со стрелами снял — тут алтысарцы появились, конные, человек пять.

Кузге их увидел — к острогу побежал. Конные засвистели, заулюлюкали — и за ним галопом. Кузге оборотился, стрелу пустил, да лук под снегом долго пролежал: тетива, видно, ослабла, стрела далеко не пошла.

Бажен заволновался — плохо дело, не уйти паштыку от ордынцев! Скомандовал прильнувшим к бойницам казакам:

— А ну, братья, цель по орде!

...Кузге изо всех сил к воротам бежит, их уже и приоткрыли — наддай! А ордынцы совсем близко, арканами размахивают...

— Пали!

От стены грохнуло, дым в сторону отнесло — один ордынец в снегу бьется, под другим конь через голову перевернулся, всадника придавил, никак он из-под коня не выберется, трое что есть мочи назад скачут...

Кузге на стену в запале заскочил — и к Бажену:

— Ты мне теперь аргыш!¹ Понимаешь?

Еще день минул — зачастили разъезды: подъедут, поглядят, стрелы пустят, ускачут. Ближе к вечеру налетела сотня на мохнатых, низкорослых лошаденках, по воротной башне тучу поющих стрел разом пустила — и отхлынула, не дожидаясь, когда казаки по ним из пицалей грохнут. Иных казаков в этот раз стрелы достали: пятерых насмерть, остальных поранили. Одному в левое плечо стрела уткнулась — хорошо, на землю с полатай не сбила, устоял, но теперь был не боец...

Ночь минула — тихо все. К чему-то готовятся алтысарцы. А вот к чему?

Солнце поднялось над нестерпимо белыми горами как раз к полудню, когда понеслись всадники по увалу к жердевому тыну — сотня за сотней. Понеслись в острог певучие стрелы, только больно высоко шли, в острог на излете падали, не опасно. Бажен сотнику сказал: «А и умная у тебя голова, Иване. Не твой бы тын — головы бы сейчас не подняли».

От реки карабкались на обрыв пешие, однако скатывались вниз: политый водой косогор взять не могли. Казаки со стены похохатывали, издевались, казали ордынцам кукиши.

Резво подбежал к Бажену возбужденный Кузге, за руку ухватился: «Смотри, смотри! Алтысарцы хитрость делают! На коне двое, один под стеной в снег падает! — И к сотнику побежал.

Бажен в бойницу выглянул — внизу, под стеной, уже алтысарцев полно, с луками, саблями, арканами над головой крутят. Едва отпрянул — в бревно стрела воткнулась. Бажен оглянулся, увидел на воротной башне сотника, заорал, что есть мочи:

— Иване! Иване! Орда на слом идет!

Сотник все сразу понял, поднял голос до крика:

— Казаки! Готовь топоры! Стену держи! — Саблю обнажил, бросился к Баже-

¹ А ргыш — товарищ.

ну, да тут мелькнула чья-то тень, и тяжёлый удар по голове свалил сотника на сосновые полаты.

...Очнулся — в голове шум, на ноги тяжесть навалилась. По тыну рев, свист. На локтях приподнялся — на ногах убитый мурза лежит, Федор Дека саблей машет, и Кузге с ним рядом, от наседающих ордынцев отбивается... И разом не стало ордынцев: Бажен со своими на них с тылу ударил, посекали. Кого из побитых в острожный двор сбросили, кого через стену на ту сторону смахнули. Все. Отбились.

Бажен и Кузге разом, дружно, словно братья родные, мурзу с сотниковых ног стянули, во двор скинули. Бажен к сотнику подсел на корточки — ну, Иване, знать, крепка твоя кудрявая головушка! От такого удара не раскололась! Ведь мурза тебя дубиной хватил, да Кузге, хорошо, за тобой следом бежал, мурзу сзади в шею ножом достал...

— Много наших побили? — спросил через силу, в глазах огненные круги пошли.

— Много, Иване, ой много! Сейчас всех снесем, отпоем и сегодня скороним. А ты лежи, мы тебя сейчас обиходим.

Заботливые казацкие руки спустили сотника с полатей. В съезжей избе уложили Пуцина на оставленные Базаяком медвежьи шкуры, поднесли чашку теплой бузы на сушеном хмеле — боль в голове притупилась. Перед тем как забыться, успел сказать Бажену — быть тебе пока за старшего.

Ордынцы больше к острогу не лезли, но обложили со всех сторон — никак не проскочишь. Решили, видимо, измором брать: помощи казакам ждать неоткуда, сами, мол, от голода перемрут.

...Солнышко уже пригревать стало по-доброму; в полдень от полатей вкруг стен сосновый дух подымается, по увалу на солнцепеке проталины пошли.

Сотник Иван Пуцин теперь совсем почти в силу вернулся. По острожному двору похаживает, думу думает: как

дальше быть? Казаки всех своих коней забили и съели, а ордынских не добудешь. Орда к острогу не подходит, только издали сторожит. Голодно казакам: с овсяной кашицы какая же сытность? Десны у многих кровоточить стали — возмет казак горсть снега в рот, красным и выплюнет... Сотник велел драть с жердей кору, отвар варить и людям давать пить. Оно, конечно, горько и противно, с души воротит, а пить надо: цынгу кукишем не отгонишь! Люди хоть и матерились, но пили; сотнику вера полная.

Сотник Бажена позвал, с ним же и Кузге явился — они так рядом и ходят, оба при саблях. Кузге после того боя казаки своим считают, никак не аманатом.

Сотник и сам думал Кузге звать — увидев его, велел садиться, стал через Бажена выпрашивать, бывает ли у алтысарцев по ночам пеший либо конный патруль, можно ли алтысарцев обмануть? Потом Бажену сказал: «Отбирай охотников, Федора Деку старшим ставь, пусть ночью к алтысарцам сходят. Коней бы алтысарских в острог пригнали да из еды чего приволокли — у них, у алтысарцев, и толокно есть, и мясо сушеное, и рыба.

Кузге, когда сообразил, о чем речь, вызвался, и я, мол, с казаками пойду!

Пуцин кивнул: «А иди, дело такое. Только за Бадачаком тебе пока гоняться не надо, не след. Алтысарцев осилим — Бадачаку твоему тоже конец придет. А по стану ордынскому казакам с тобой сподручнее будет».

Ночью Федор Дека, Кузге и три десятка охотников из казаков и стрельцов тихо спустились со стены. Остальные, кто к алтысарцам не пошел, все на полатах, на стенах набились, даже самые немощные приволоклись. До утра так на ночном морозе и просидели: ждали. И такая тишина стояла, будто на сто верст окрест ни единой живой души. А как небо на востоке белеть стало, ударило за сосняком громом, и закричали люди, и

вой пошел; огнем что-то взялось: сполохи видны стали... Вот тут из-за сосняка табун вынесся, голов на двадцать, за ним казаки, все верхами — свист, улюлюканье. И еще казаки скачут, и оборотились — за ними алтысарцы накатываются. Казаки по ним из пищалей грохнули — и снова вскачь, к острогу. А здесь Бажен уже ворота распахнул — стрельцов и казаков вывел, добычу имать, своим в случае чего помочь.

Сотник с полусотней Константинова на стене и воротной башне засел, пищали для залпа изготовили, да только стрелять не пришлось: табун мигом в ворота проскочил, за ним охотники, последними Федор Дека и Кузге, а там Бажен своих спешно на острог увел — и захлопнулись тяжелые створки. И пошли по острожным стенам в утреннем свете свист, да радостные крики, да ликующий хохот: «Ай, молодцы какие! Ай, удалцы! Знай наших!»

Ликование было весь этот день. Люди коней выбрали, каких на забой, потом на снегу свеживали. Под котлами веселый огонь плясал, от котлов мясной дух пошел; охотники, что к алтысарцам ходили, про ночное дело врани — слушали их охотно, не всякий же раз такая удача, чтобы все, кто ходил, живыми вернулись. Иных, правда, ордынцы все же поранили, но никого не схватили и не убили.

Кузге сотника Ивана на стену повел, вниз показал: «Вон там мои воины стоят, у реки, где твои бревна сложены».

Сотник совсем обрадовался: «Да? Так это вот как хорошо! Пусть бы подольше там стояли. Я тут дело надумал, только не время еще...»

Еще неделя минула — ранним утром над острогом загрохотало страшно. Казаки и стрельцы на стены с оружием высыпали, оглядываются — стоят горы, как стояли, ни одна не обрушилась, грохот же от реки идет: на Томи лед лопнул.

Ордынцы, конные и пешие, у реки толпятся, гомонят, руками машут.

Сотник к себе Кузге подозвал, с ним же и Бажен подошел: какой без полусотника разговор? Ну-ка, Бажен, спроси князя, когда теперь лед вниз покатится и когда полая вода придет?

Кузге послушал, головой покачал: «Йо, казак, лед ночью вниз пойдет, а большой воды еще долго ждать. Если солнце прогреет, вода в бурундучном месяце приходит».

Помолчали, глядя на реку — от нее то шорох доносится, то треск. Кузге снова сказал: «Наш кайчи, знаешь, как поет? «Разве летом ходят по тайге? Летом не тропу ищи — ручей!» Летом по шорской тайге правда никто ходить не может. Алтысарцы, пока еще снег лежит, должны до перевала дойти и в свою долину спуститься, иначе пропадут. Твои казаки сколько еще продержатся?»

Этого сотник сказать не мог: казаки снова кашицей питались. Всех лошадей, что у орды отбили, теперь уже съели, а вторая вылазка вышла неудачной: алтысарцы по ночам были настороже. Осада шла вот уже два месяца. На сколько еще казачьих сил и терпения достанет, один лишь господь знал, а у него как спросишь?

На другое утро по подмерзшему чарыму пробрался к острожным воротам Мерген, крикнул: «Эй, Бажен! Пускай к себе!»

Был Мерген без шапки, в трех холщовых куртках, одна на другую надетых, ни на одной ворота нет; на холщовой же спояске тяжелый нож с костяной ручкой; от козовых штанов потный дух; кожаные обутки, под коленями подвязанные, совсем раскисли. В одной руке у Мергена не то ковш, не то лопатка, за плечами сюрка, мешок из конской кожи. Потом, когда мешок сняли с Мергена, оказалось, в нем пуд ячменного толокна, пуд мяса конского да пуд измельченной сушеной рыбы, похлебку варить. Как столько на себе нес? Кузге подошел, сказал — есть и посильнее анчи, побольше носят.

Мерген, как мешок отдал, с широких

лыж сошел, тут же, в воротах, и спать расположился, но сотник не дал. Сказал — тащите его, ребята, в избу, шерстяной тряпичей разотрите, дайте хмельной бузы хлебнуть, а там пусть спит!

Федор Дека абинца под свой догляд взял — ничего, отойдет небось! Мужик жилистый! Вишь, как ради нас старался!

Час спустя Мерген, сытый и распаренный, спал в подаренной казаком просторной холщовой рубаше, в казачьих же портках, а то, в чем пришел, на солнечной стене избы развесили, просыхать.

Ушел он в ту же ночь. В свое, за день просохшее, переоделся и ушел. Понес сотников наказ паштыку Базаяку: через неделю быть здесь, у острога. Ждать костра на полатах, а как огонь на стене возьмется, ударить на ордынцев с тыла. Не столько сечь, сколько напуметь. И сразу же уходить вниз по Томи, к Темировой стоянке: догонять их у алтысарцев времени не будет, самим бы из шпорской тайги выдраться, ноги бы унести.

...Утро занялось пасмурное. Временами моросил дождь — хоть и холодный, он все равно съедал сжавшийся, крупитчатый снег. С Томи тянулся по долине туман, клубился. Со стен острога не видно было, как шел по широкой реке лед, но сотник знал: лед пошел. Еще немного пождать — пройдут могучие ледяные глыбы, пройдет и шуга, и проступит черная вода — вот тогда...

Он позвал Кузге и Бажена, спросил сарачерского паштыка: «А ты, княже, вот уйдут алтысарцы, как мы с тобой на другой год встретимся? Неужто в Бажена опять стрелы пускать будешь?»

Кузге удивился: «Как я с Баженом воевать стану? Он мне теперь аргыш — товарищ. Я с ним вместе против алтысарцев бился».

— Что бился — сам знаю. Вот слушай, княже...

То, что надумал сотник Иван Пущин, было и просто, и сложно, и легко, и тяжело. Могло всех спасти, могло и погу-

бить. Но ничего иного не оставалось, пошла десятая неделя, как обложили их алтысарцы, сил дальше выдерживать осаду не оставалось. Казаки и стрельцы отощали. До цинги, правда, не допустили, но что с собой Мерген принес, на три дня на полтора ста ртов тянули, а дальше снова каша на воде пошла...

— Ладно, княже, вот я тебя еще спрошу: дам тебе Бажена, да десяток стрельцов, они же и плотовщики. Пойдешь с ними к твоим родовичам? Они ведь так внизу и стоят, у наших бревен, а мне надо из тех бревен за пять дней плоты повязать, на них и уплывем. Сделаешь так, чтобы алтысарцы ничего не сведали? Прикрой стрельцов своими людьми, или они тебя больше князем не считают?

Кузге на сотника в упор глянул — в глазах зло. Ответил твердо: — Вот зарежу Бадачака своей рукой, и чтобы воины видели, — тогда никто перечить не посмеет. Как велю, так и будет.

— Ну, так нынче же ночью ступайте. А ты, Бажен, там ворон не лови, чтобы вас как баранов не выпотрошили. Плоты по ночам вяжите, а как сделаете, так ждите от меня сигнала: огонь на полатах разложу. Огонь заметил — спускай плоты на воду и на канатах держи. А ты, Кузге, как мы уйдем, иди с родом к своему становищу или в иное место, куда сам хочешь.

— Йо, согласен. Пойду и сделаю, а на тот год возвращайся. Базаяк, вижу, был прав: твой народ большой, сильный и дружбу понимает.

Среди ночи Кузге и Бажен со своим десятком тихонько спустились к реке, издали увидели: стоят два воина, опершись на копыя, в тьму смотрят, словно что видят; у костерка еще трое лежат на шкурах, прямо в снегу. Вдоль берега дымом тянет... Кузге сказал Бажену: «Тут стойте, потом позову».

Вышел из тьмы к воинам — они в лицо ему уставились, молчат, не то испугались, не то приказа ждут. Кузге и при-

казал: «Ты, Паян, иди в стаю, зови Бадачака. Биться с ним буду, пусть нож берет. Я без панциря — пусть идет без доспехов».

Паян копьё подхватил: йо, иду!

...Бажен со стрельцами все видели: повскакали со снега спавшие, один воин с копьём побежал от костра прочь, вскоре же и вернулся, и с ним Бадачак. Кузге сказал: «Я паштык рода сарачер, ты себя считаешь паштыком рода сарачер. Могут ли два медведя жить в одной берлоге? Держи свой нож крепче, Бадачак! Если Ульгень пожелает моей победы — убью тебя без жалости! Если захочет, чтобы победил ты — умру, о пощаде просить не стану. Иди ко мне!

Они стали друг против друга, и воины смотрели молча — все знали: так должно быть! Роду нужен только один паштык, двух сразу не бывает!

Руки Кузге и Бадачака метнулись вперед, разошлись — оба пошли боком по кругу, Кузге вдруг пал на колени, ударил снизу — Бадачак рухнул — и не встал. Кузге нож бросил, крикнул воинам: «В воду его, пусть плывет. Ульгень его к себе примет». Знал, что Бажен его видит, помахал рукой, подзывая. Когда казаки вышли к свету, сказал: «Воины, это друзья мои, пусть и вам будут друзья...»

В обед сотник Иван Пущин по давным-давно забытому казацкому обычаю собрал круг — теперешний устав казачьих сотен такой воли казакам не давал, но уж больно дерзким и опасным было то, что задумал сотник. И потому нужны были их, казаков да стрельцов, воля и желание пойти на смерть. И, может быть, одной половине погибнуть, чтобы другой — вырваться. Иван Пущин так и сказал: одни из нас выйдут из острога под самое утро, ударят по ставке алтысарского хана, потом к обрыву, к Томи пробьются, там плоты будут навязаны. Другим, кто послабее, из пищалей со стен палить. Третьи от острога к реке скатятся, там у плотов строем станут, люди

Кузге с нами заедино, никого не тронут. Помогать — не помогут, но и не набросятся. Ну, а по ордынцам с тылу Базаяк ударит. Всею бою — час, пока раненых и ясак на плот перетащим, а там уйдем. Согласны ли, братья?

Федор Дека на крылечко ступил, шапку снял, на все стороны поклонился: «Браты, сотника Христос умом наградил, и быть так, как он измыслил. Доверишь, Иване, — пойду на ханскую ставку!»

Иван Пущин Федора обнял, трижды с ним расцеловался: набирай охотников!

Полусотник Константинов — этого хвороба совсем скрутила, в руках немощь — едва слышно сказал:

— Пойду с теми, кто на охрану плотов станет.

— А нет, там будет Бажен, тебе же другое достанется: немощных, раненых и ясак на плоты грузить. Как погрузишь, пойдешь со своей полусотней Бажену в помощь.

Стал рядом с сотником вконец отощавший, седой диакон, руку с медным крестом к слезливому небу воздел: «О даровании победы над нечестивыми агарянами помолимся, братие...»

Пали казаки и стрельцы на колени, шапки поскидывали — холодному дождю конца-края нет, не выплается никак шорское низкое небо; студёные капли на склоненные головы падают, за ворот сбегают... Возьми, господи, на свою волю и промысел: нынче последний день в острожке сидеть, а там — бой! Кому смерть, кому воля!

Ночью Бажен человека прислал: плоты де готовы на всех, Кузге к утру ближе своих сарачерцев вверх по Абе уведет.

В рассветном сумраке ворота острога отворились: Федор Дека повел охотников оттаявшим за два теплых дня подгорьем вкруг бора, к ханской ставке. Стрельцы с пищалами затаились на полатах вдоль стены, нависшей над берегом. Потянулись вниз, к черной студёной реке, люди полусотника Константинова, меш-

ки с мягкой рухлядью понесли, седла от съеденных коней, пищали павших. Из железного ясака Иван Пущин велел брать только ножи, да сабли, да доспехи. Котлы и таганы велел в остроге оставить — на тот год, мол, вернемся, так заберем, а на плотях везти опасно.

Потащились к реке слабосильные, стрельцы подхватили под руки пораненных...

Тишина вдруг раскололась — надрывно заголосили за бором ордынцы, завизжали; что-то там огнем занялось — со стены Пущин видел: выскочили казаки на ордынских мохнатых конях из-за черного бора, на арканах кого-то по набитой дороге волочат, следом ордынцы скачут, нагоняют и нагнать не могут... Пущин команду стрельцам подал: «Заряжай! Скуси патрон! По орде целясь!»

А казаки уже вдоль берега несутся, прямо к плотам, к стрелецкому строю — накрыла их туча ордынских стрел, из казачьих коней покатились — самое время! И команду дал: «Пали!»

От острога громом ударило — орда будто на невидимую стену наткнулась. Передние, кого пули достали, в снег повалились. Коня какие в сторону шарахнулись, какие на снегу бьются, ржут, сердечные. На упавших задние налетели — тут стрелецкий строй от реки залп дал — в орде все смешалось, вой, стоны, крик... Со стены снова по свалке грохнуло...

Казаки между тем строй слева, по-над самой кручей, у подножья острога обскакали, за строем укрылись. Пленников Бажену покидали — держи, полусотник, знатных ордынцев, а кто они, сами не ведаем! Из юрты ханской достали. И за сабли взялись — ну, берегись, орда! Еще за Федора Деку не посчитались: срубили десятского в ханском шатре, так мы за него!..

Пущин меж тем велел своим — с полатей долой! Съезжую избу и полуземлянку жги! Жги острог, не жалей, мы новый, на ином месте поставим!

Огонь взялся дружный — заподыхали

пламенем полати, от них и стены занялись.

Ордынцы поодаль руками машут, издали стрелы пускают, близко к острогу не подступившись, жар не пускает, и к строю стрелецкому не идут: огненного боя бояться. А тут сзади, от разгромленной казаками ханской ставки снова визг да крик: «Аба-а! Аба-а-а!» Несутся абинские конники, впереди могучий Базаяк саблей машет. Прямо на русских ордынскую толпу, что перед ними оказалась, погнался, навстречу им казаки верхами кинулись — и миг от орды ничего не осталось: кого посекали, кого абинцы стрелами побили, кого в снег или в воду толкнули, немногие на увал, в бор побежали.

И не стало алтысарской орды.

Абинские воины бор вокруг объехали, доложили: потекли алтысарцы в великом страхе и с великим поспешанием к Кондоме-реке, вверх по ней к перевалам пошли. Абинцы их догонять не стали, против абинцев все же слишком их много, алтысарцев.

Плоты у берега, у ледяной закраины стоят, под людьми чуть не в самую воду уши, стылая вода из-под бревен плещется, по ногам бьет.

Ивану Пущину Базаяк в ладонь, по русскому обычаю, своей ладонью ударил:

— Погоди, не уплывай еще, сейчас мои анчи тебе на дорогу еды принесут, рыбу, сушеное мясо, толкан. — Глянул на обуглившиеся, догорающие стены: — Острог вот сжег — зачем?

— Не тужи, Базаяк! Один, без нас, от орды, если бы снова пришла, не отобьешься, и острог тебе не поможет, лучше снова вниз по Томи уходи. А ну тот бы острог алтысарцы заняли — бери его потом приступом! Мы на тот год вернемся, с твоей помощью новый поставим, на той стороне Томи. И с четырьмя башнями. И единороги привезем, нам тогда никакая орда не страшна...

— Приходи, сотник! Приходи и ты, Бажень!

Сотник заверил:

— Придем! Не мы, так других воевода пришлет! И знай: Кузге нам тоже друг. Много помог.

— Пусть будет так. Я с ним не воевал: у него своя река, у меня своя. У него своя тайга, у меня своя.

Стояли молча все трое рядом, смотрели, как анчи, став цепочкой, из рук в руки передавали тяжелые мешки из конской кожи — их проворно брали казаки, бегом вносили на плоты.

Сотник сказал: «Вот, княже, коней, что мы сегодня у ордынцев отбили, тебе оставлю. Владей!»

Базаяк кивнул: «Пусть тебе твой бог всегда помогает. Ну, плывите!»

...По широкой черной реке, мимо высокого обрыва, меж ледяных, водой налитых закраин, среди мелкой пуги, отходящей от полузатопленных песчаных кос, поплыли медленно, величаво плоты — вышли один за другим на стремнину, и понесло их вниз, на север, и нести будет до самого Томска-города.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Тот год — 1615-й, — когда две сотни казаков и стрельцов, выдержав в Кузнецком острожке десятидневную осаду, стбились все же от алтысарской орды и ушли, на Москве все еще мира не было.

Но 1618 год дал Москве возжеленный мир: требовалось время, чтобы совсем оправиться от голода и разорения, принесенных на русскую землю в годы смуты.

В это тяжелое время — годы 1616, 1617 и 1618-й — томские воеводы Боборыкин и Хрипунов тоже без дела не сидели, радели о пользе государству российскому.

Ясак в государеву казну шел непрерывно — в один год прислано от ясашных Кузнецких татар «85 сороков 6 соболей»¹,

3 сорока и 36 недособолей, 3721 пупок собольих и недособольих, 23 куницы в соболя счет, 15 лисиц красных без черев за 12 соболей, 3 бобра за 8 соболей, да 3 пластины собольи колотые ясачные, 3685 хвостов собольих и недособольих за 19 сороков...»².

За тем же ясаком в верховья Томи в 1616 году послан был из Томска казак Ананьин с людьми. Здесь, в шорских улусах, хорошо помнили прошлогодний бой на Томи, в сгоревшем острожке, — как пишет Л. П. Потапов, «казачий боевой прием произвел большое моральное действие на кузнецких татар»³, — теперь паштыки при уплате ясака «проявили усердие»:

«...и кузнецкие государь люди тебе государь шерговали и ясак с себя дали, и тебе государю ныне кузнецкие люди служат и прямят, и ясак государю дают»⁴.

Чтобы закрепить за собой шорские земли, в 1617 году томские воеводы решили ставить в Абинском улусе острог — на правом берегу Томи, напротив устья Кондомы.

В сентябре из Томска вышел вверх по Томи боярский сын Астафий Харламов с казаками, однако до назначенного места не добрался, не успел, решил зазимовать.

Воеводы Боборыкин и Хрипунов, сведав о том, ждать до весны, пока Томь вскроется, не пожелали: снарядили еще один отряд служилых людей, первому в подмогу. Повели его казачий голова Лавров и татарский голова Кокарев.

Лавров и Кокарев вели своих людей на лыжах тем же путем, вверх по Томи, с казаками Харламова соединились в феврале — дальше шли до назначенного места вместе.

Острог ставили в мае 1618 года, бояр-

¹ Соболей считали связками по 40 шкурок, итого $40 \times 85 + 6 = 3406$; недособоль — молодой либо плохой (после линьки) соболь; собольий пупок вырезается ремнем из брюшка в два пальца шириной.

² Л. П. Потапов. «Очерки по истории Шории», с. 189.

³ Там же, с. 13.

⁴ Л. П. Потапов. «Очерки по истории Шории», с. 189.

ский сын Харламов стал первым его воеводой: Лавров и Кокарев той же осенью вернулись в Томск.

Представление об этом первом Кузнецком остроге дает карта Николая Корнелия Витзена (Витсена), побывавшего в России в 1664 году в составе Посольства Нидерландских штатов. Добавим, что Николай Витзен был бургомистром Амстердама и что в юности Петр Великий многому у него научился, и прежде всего морскому делу. Но для нас всего важнее сейчас, что Витзен — автор сочинения «Ноорд ен ост Тартарие», то есть «Северная и восточная Татария», изданного в Амстердаме в 1692 году. Труды этому Витзен отдал четверть века, он поражает научной основательностью, снабжен множеством карт — в том числе есть в нем и карта, названная «Де Штадт Кузнетсков».

Рисунок города дан сверху, словно бы с очень высокой горы, на вершине которой растет могучее дерево. Под горой течет река «Тоом», за ней стоит деревянный острог с пятью башнями, внутри острога — детинец, у него башен три, и уж

в нем — службы и церковь. Слева от города-острога Витзен показал монастырь, за ним течет речушка, которую он назвал «Чернакофка».

Спустился сорок лет, в 1701 году, Семен Ремезов, автор «Чертежной книги Сибири», первого русского атласа из 23 карт, создал свою карту Кузнецкой земли. Обозначен на ней и «Град Кузнецкой» с довольно точным повторением рисунка с карты Н. Витзена, и монастырь. Реки «Чернакофки» теперь нет — она названа «Чеснаковка», «а по ней качают подгорных телеуты» — написал С. Ремезов. Сбозначены на карте С. Ремезова реки Абашева, Кондома, Оба (не Аба!) и Черная, «а по ней кочуют ясашных телеуты». По Томи Ремезов обозначил русские деревни Атаманово, Шабалино, Бедарево, Красный Яр...

Однако же не можем здесь не сказать, что и Николай Витзен, и Семен Ремезов — свидетели нового для России и Сибири времени: времени Петра Великого. Говорить же о Петровской эпохе надлежит отдельно — посему поставим пока на этом месте точку.

Федор Чиспияков

МЕЧТЫ И ДУМЫ

Агарып аккан агын Том
Ак торгу шулганып аккан суг,
Көгерит аккан көк Пырас
Көк торгу шулганып аккан суг.

Чазалып пүткен таглары
Чайзанъ ооларба көп полтур.
Чажарып турган пүктери
Чайзанъ кыстырба көп полтур.

Артыгба кежип парайба?
Анъ-куш чолынга кирейбе?
Көнүбе кежип парайба?
Көк өлонъ арлап чөрейбе?

Белая Томь, голубая Мрассу —
Быстро несут воды.
Ходит и думает шорец в лесу,
Мимо текут годы.

Стройные юноши ходят в горах,
Девушки ходят по лугу.
Здесь на земле и в далеких мирах
Жизнь протекает по кругу.

Птицы любят по небу летать,
Звери ходить без шума.
Мудрый шорец любит мечтать,
Думать свою думу.

Перевод с шорского Б. Рахманова

Степан Торбоков

ДОБЫЧА ОРЕХА

Ни свет ни заря —
По орехи
Нам, шишкарям,
Надо ехать.
Сажусь на коня
У ограды.
А конек у меня —
что надо.
Еду, молчу
Под ветками —
К моему кедрачу
Заветному.
Пусты пока
Торока на боках...
Миновал лога,

Дуроломину.
Здорово, тайга
Кедровая!
Расседаю коня —
Пусть гуляет.
Посижу у огня,
Помечтаю.
Отдохну чуток
И за дело —
Взлечу на сучок,
Будто белка.
Шишки падают вниз
Вроде града.
За старанье они
Мне награда.

Раскушу орех
На две половинки.
В самой зрелой поре
Сердцевинка.
Надо мной ветер выл —
Ну и ладно.
Я бы больше набил —
Да не жадный.
Полны торока

У коня на боках.
Сам погас костер,
Аль задуло.
Прохладой с гор
Потянуло.
То трусцой, то шажком
Еду с песней.
Ох, как быть шишкарем
Интересно.

*Перевод с шорского
Валентина Махалова*

Г. Ижболдин

ОЧАН

ПОВЕСТЬ

ОСЕНЬ УХОДИЛА ИЗ ШОРИИ

Осень уходила из Шории. Солнце все меньше давало земле тепла и света.

Тайга стихла и поблекла.

Небо тяжелело и опускалось все ниже.

Горы не спеша надевали на свои вершины белые шапки.

Первые морозы остановили на реках и скосали глухой хруст шуги.

Шла студеная зима.

БЕРЕЗА УЛЬГЕНА

В эту пору Очан с матерью провожали отца на промысел. Они шли по старой запорошенной тропе. Впереди легко скользил на лыжах отец. Сторонкой, обнюхивая еще не полностью засыпанные снегом пеньки и кочки, бежал белоголовый Акпаш.

Так шли с версту, до искалеченной временем и непогодой березы. Это была особенная береза, береза Ульгена, доброй силы тайги. Возле доброго дерева на минуту остановились.

Здесь Акпаш на прощание лизнул Очана. Здесь Анжук с доброй строгостью наказала собаке: «Смотри, Акпаш, хорошо береги хозяина...». Отсюда охотник Толай, похлопав сына по плечу и кивнув жене — дескать, не горюй, все будет как всегда! — пошел в горы.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ УЛУСА УЛТАНА

Юрта была низкой, тесной, с маленьким, в куриный глаз, окном. У окна стоял небольшой стол с тремя табуретками. Рядом — простенький ткацкий станок. К задней стенке, слева от входа в юрту, был приделан очаг. Тут же на толстой чурке стояла зернотерка, тут же была скамеечка.

Мать Очана присела к утасяющему очагу. На душе у нее было смутно. «После ухода Толая тоска что-то шибко берет. Дух теснит. Беду, что ли, сердце чувствует?» — думала она.

Очан занялся главным делом: стал восстанавливать огонь — единственную отраду бедных охотников.

Длинные, по аршину, сосновые поленья он аккуратно приставил к вогнутой стенке шаала. Под ними, на тлеющие голо-

вешки, искусно подложил хрупкие пихтовые ветки и усердно раздул искры в алые огоньки.

Очаг ожил, осветил юрту. Это и была жизнь.

— Ичий, что молчишь? — сказал Очан, подкладывая в очаг обломки сухостоя. — Расскажи мне сказку про богатыря Мустака.

— Тебе отец, однако, эту сказку вчера рассказывал.

— Еще хочу.

— Голова что-то совсем пустая стала, — вздохнула Анюк, но начала сказку:

— У старого Мустага это было. Стояли там когда-то три юрты: одна была пустой, а в тех жили два охотника...

— А у нас две пустых... Мы совсем одни, — подметил Очан.

— Эдак, сынок... Большие и маленькие умерли: хворь такая была. Мы — последние из улуса Ултана.

— А дедушка Ултан тоже умер?

— Потом умер... Добрый акка был. Большие слова говорил. С трубки всегда начинал. Постучит пальцем по голове Толая, твоего отца, и с улыбкой скажет, что пустая трубка не дымит. Думай хоть год, но скажи ясно. Слово человека — его честь. Не поддавайся, говорил, шайтану — и ему власти над тобой не будет. Велел много работать...

— Хороший дедушка был. Зачем умер? — пожалел Очан.

— Шибко старый стал. Совсем ослаб... Как-то утром сказал: «Пойду, однако, дети по стойбищам — с добрыми людьми прощаться»... Ходил все лето. А потом вернулся, никому слова не сказал, лег на нары. Два дня ничего не ел. Все на нас смотрел. В окно на тайгу смотрел... Неживой был, все на нас смотрел... Похоронили дедушку высоко на дереве, чтобы ближе к добрым духам был. С тех пор и живем одни. Твой отец смелый охотник — один на медведя ходит, крепко стреляет.

— Мне, однако, тоже ружье надо, — высказал Очан свою давнюю мечту. — Хочу на белку, на глухаря сам ходить.

— Правильно думаешь, сынок, — согласилась мать. — Отец вернется, купит тебе ружье.

ТОЛАЙ

В конце марта Толай с богатой добычей возвращался домой. Он с горы на гору, через бурелом и заросли тянул тяжелые нарты. На них были аккуратно уложены увесистая часть туши медведя, шкурки белок и соболей и недавно выштрошенный глухарь.

Приблизившись к родному улусу, Толай остановился, присел на нарты, размечтался. Сейчас он спустится по холодному склону Курентага к Мрассу, напьется в полынье самой свежей в мире воды, — и не успеет солнце скатиться к алтайцам за горы, как он войдет в свою юрту.

Очан бросится на руки. Обрадуется Анюк. А какой вкусной она наварит лапши с медвежатиной, напечет лепешек, согреет чаю с душистой травой... В юрте тепло... радость... разговор. Девять соболей! Анюк так много еще не видела. Когда братья были живы, семь, однако, приносил. Теперь за всю пушнину много денег дадут. Купить кое-что можно. А может, в Кузнецк уйти? Что тут одному торчать? Что ждать? Дождешь... Братья дождались. Все в одно лето от хвори брюха умерли. Вместе со своими бабами и ребятишками в ту землю ушли. Придет опять эта хворь — последняя юрта в улусе Ултана пустой будет. Надо идти в город. Слышал, русские скоро большой завод станут строить. Из тельбесской руды железо делать будут... Очан скоро большой станет — грамоте учить надо. Фельдшером, может, станет. Или, как русский Максим, уполномоченным станет. Этот Максим в Заайхане говорил, что в Москве коммунисты большое собрание проводили, дорогу, по которой надо шорцам дальше идти, искали. Нашли, говорят. По этой дороге шорцы со всеми людьми, как с братьями, пойдут. Всегда дружно жить.

будут. Все вместе работать будут. Всем надо работать. А то баи и купцы не шибко много работали. А этот Кирия Кривая Душа? Как с ним идти по одной дороге? Он то сюда, то туда всю жизнь виляет. Никакой работы ему нету. Обмануть, украсть, водку пить — вот его работа. Как с ним идти по одной дороге? Какой он брат? Один шорский позор! Правда, Акпаш??

Собака, сидевшая у ног хозяина, подняла на него беспокойные глаза, поводила чуткими ушами и коротко, словно выразив согласие, твякнула.

От воспоминаний о Кирияне Сыркашеве, заготовителе пушнины, человеке темном и жуликоватом, Толай ощутил горький осадок в душе. Тяжело поднялся он с нарт, набросил на плечи суровую бечевку, натянул — и медленно, обходя крупный валежник, направился вдоль северного склона Курентага.

Акпаш как сдурел: наверно, от радости крутится под ногами — скоро дом будет.

А собака сначала суетливо вертелась вокруг хозяина, перебивала ему путь, отвлекала в другую сторону, а когда Толай круто повернул вниз, к реке, по которой желтой лентой тянулась весенняя дорога, Акпаш бросился на него с непонятной злобой.

Охотник выругался и первый раз в жизни грубо оттолкнул Акпаша. И в этот миг враз, оборвав лесную тишину, грохнуло два выстрела. Толай покачнулся, уперся глазами в могучий Айхан, за которым его ждали жена и сын, стал и стоит. Выстрелы повторились. Потом все стихло для Толая и погасло.

СЫРКАШЕВ, ХРОМОЙ И ДРУГИЕ

Не успело доброе сердце Толая остыть, как из-за тупого выступа Курентага на гнедом жеребце, в легкой кошевке лихо подкатил к месту разбора коротконогий, с бегающими глазами Сыркашев. Ему навстречу, оставив у спущенных к реке

нарт окровавленный труп, гуськом выползли три замызганных, с редкой щетиной на опухших лицах человека. У каждого за плечами торчал короткий ствол карабина. Первый, слегка прихрамывая, нес еще и большой из дерюги мешок.

— Вытряхай! — нетерпеливо потребовал Сыркашев.

Хромой, не торопясь, освободил мешок. На снегу, под косыми лучами заходящего солнца, заискрились пушистые шкурки зверьков.

— Складай обратно!.. По одной! — командовал довольный заготовитель. — Вот, от Корнея, — он каждому убийце сунул в руки по пачке замусоленных рублевков.

Хромой недовольно нахмурился, зарычал:

— Мало даешь!

Сыркашев, игриво улыбаясь, засеменял к саням. За ним, почуяв дополнительный кусок, потянулся Хромой.

Из-под сидения в кошевке Сыркашев вытащил бутылку спирта:

— Забирай. Завтра ночью приходи в Картайгу — к Корнею пойдем. Этих не води. Пусть тут дохнут. Понял? Приказ это.

— По-о-нял... Один приду.

Заготовитель с пушницей Толая умчался вниз по Мрассу.

Проводив его, дружки спалили нарты, в последний раз вышли вместе, сбросили в дымящуюся полынью труп и, пытаясь убить воющую в пихтаче собаку, перешли ей ногу. Она покрутилась, повизжала и умолкла. Банда, окончив «охоту», разбрелась. Когда Хромой остался один, до него дошел смысл слов Сыркашева. Он зло развернул лыжи и помчался догонять дружков. Скоро в пихтаче послышались новые выстрелы.

АКПАШ

Когда немного стихла боль в ноге, Акпаш спустился к реке. Труп Толая, перевернутый течением вверх лицом, удерживался осевшей под водой льдиной. Жа-

лобно повизгивая, собака бросилась на выручку. Ухватив за рукав шабура зубами, Акпаш пытался вытащить хозяина из полыньи. Из последних сил он тянул друга из реки — и сорвался. Пока, барахтаясь в воде, выбирался на берег, смешивая свою кровь с кровью Толая, труп затонуло под лед.

Искалеченный, обледевший Акпаш к утру приковывался к юрте, неловко прилегал к двери и тихо завыл. Давно проснувшись Анюк испуганно насторожилась. Подошла к двери, прислушалась: Акпаш? Один?!

Она, забыв наказ мужа — не портить собаку теплом, — впустила Акпаша и, оглядев его, поняла, что в юрту пришла большая беда.

ОЧАН, ЛУНА И ВЛАДЫЧИЦА ЛУНЫ

Очан спал хоть и долго, но беспокойно. Снилось ему перед утром старая гора Айхан. В обиде он был на нее: всю жизнь она Луну от людей прячет. Потому люди и прозвали старуху-гору Айханом — Владычицей Луны. Только выйдет Луна из-за леса, только начнет светить — а гора бесшумно подтянет ее и спрячет за свою широкую спину. Так и держит всю ночь.

Долго смотрел Очан на проделки Айхана — и придумал поймать Луну и спустить на землю.

Поднялся Очан на вершину Айхана, раскрыл пошире торбу и ждет. Наконец видит: Луна из-за густого бора поднимается, огромная, круглая, вся в холодном сиянии. Выкатилась из тайги на небесные просторы и без помех мчится прямо на него. Очан уперся ногами в огромный камень, приготовился. А Луна вдруг круто повернула — и покатила за Айхан. Очан не растерялся. Он резко взмахнул пустой торбой, громко свистнул и полетел вслед за Луной.

Летел мимо сверкающих звезд, летел над Курентагом, над густым кедром — и увидел вдруг... отца. Тот, утопая в рыхлом снегу, медленно тянул тяжелую

парту, часто останавливался и подолгу смотрел на небо. Может, кого искал там, помощи просил; может, увидел сына, который летит, ничего не замечая. Наверно, забыл, как трудно жить на земле, — высоко летает.

Но Очан никого не забыл и высоко летает ради всех людей: всем нужен свет Луны ночью. Он машет отцу свободной рукой, он кричит, чтоб отец присел отдохнуть, он обещает вернуться на землю и помочь...

А Луна летит все быстрее, поднимается все выше, мчится в самую гущу звезд. Очан не может больше гнаться за ней: сам все больше думает об отце, об Акпаше, он все ближе опускается к Шории. Вот перед ним и гора всех гор — Мустаг, и пустая торба тянется к земле, цепляется за высокий кедр...

И проснулся Очан. Лежит Очан на жестких нарах и думает: «Придет ли сегодня отец с Акпашем? Может, надо помочь ему? Но куда пойдешь? На Мустаг, что ли, пойдешь?.. А где ичий? Куда опять ушла? Молчит, молчит — и уйдет. Говорит, горе чует. Какое горе? Зачем нам горе? Очаг, что ли, топить?»

АНЮК

Анюк, оставив спящего сына в юрте, направилась было в сторону Курентага. Акпаш одобрительно поднял голову, повил хвостом и, хромя, подался за хозяйкой. Она, бездумно изменив путь, зашла в старый пихтач, присела на сломанную бурей лесину. Вокруг без опаски сновали веселые белки, шумно пролетали крупные птицы, с омертвевших сучьев свисали седые бороды лишайника.

— Знаю, сердце подсказывает, ты, Акпаш, не виноват, — Анюк погладила собаку по голове, пожаловалась: — Шибко мне горько. Пошто пришел один? Где Толая оставил? А как теперь жить? Где медвежатину брать? Где муку, соль брать? Как жить? Как жить? Умирать, однако, надо...

Анюк сняла с шабуря пояс из дикой конопли, привязала к толстому суку пихты, склонила голову...

«А сын? — подумала она вдруг. — Ходить по тайге один будет. Отца, мать искать будет. С голоду умирать будет...»

— Пойду, однако, опять к Ульгену, — решила она. А ты, Акпаш, не ходи: тебе туда нельзя.

Но собака не отставала. Анюк покричала, построжилась, кинула в Акпаша деревянный обломок и угодила в болевую ногу.

Акпаш заскулил, отвернулся от хозяйки и навсегда ушел.

«ИЧИЙ, НЕ НАДО ПЛАКАТЬ»

Наступил вечер. Очан, присев у маленького окна, беспокойно ждал мать. Уже первые звезды загорались на небе, а мать все не приходила. Подбросив поленьев в едко дымящийся очаг, Очан медленно, как с тяжелой ношей, вышел из юрты.

Глухой лес окружал его черной стеной. Преодолевав страх, мальчик глянул в таинственную темноту. В первую минуту он увидел там множество огромных и уродливых шайтанов, готовых броситься на него. Рядом с ними затаились рыси, медведи, гибкие змеи... Были там и зубастые звери, вовсе не известные Очану. Над ними, на суку осины, в царской позе сидел филин, бессмысленно крутил большой головой. Но чем дальше глядывался Очан в дебри леса, тем меньше становилось там злых духов и зверей. Наконец все куда-то отступило и исчезло. Мальчика словно расковали. С него будто сбросили невидимые цепи. Он резко повернул за юрту и, не оглядываясь, пошел по той тропе, по которой когда-то уходил на промысел его отец с Акпашем. Очан шел и громко кричал. В его длинном, зовущем крике было одно слово: «И-чи-и-й!» Это слово заполнило всю тайгу. На высоком небе ярче загорелись звезды. На помощь Очану пришла Луна. И

когда ночное светило медленно поплыло над Мрассу к Айхану, сын увидел мать. Она, озаренная лунным сиянием, стояла на коленях перед искалеченной березой и умоляла доброго бога Ульгена вернуть ей мужа и одарить счастьем сына.

Дрожа от холода, Очан опустился на снег рядом с матерью и чуть слышно сказал:

— Ичий, не надо плакать. Пойдем в юрту. Месяц скоро за Айхан уйдет, совсем холодно будет. Пойдем, ичий. Мать вздрогнула, с трудом поднялась на больные ноги и побрела с Очаном к юрте.

Скоро из ветхой юрты жидкой струйкой побежал оживший дымок.

ОЧАН И НАЛИМ

Время шло.

После бурного половодья Мрассу вернулась в свои берега. Недалеко от ултановских юрт, на южном склоне горы, открылась широкая поляна. В окружении старого леса, больших глыб плотного снега и гнилого бурелома здесь появилась новая жизнь. На поляне сначала робко, в одиночку, расцвели подснежники, за ними в одну теплую ночь весело рассыпались по склону розово-пурпурные кандыки, а пониже, у бойкого ручья, проступили острые шильца колбы.

Мать Очана целыми днями собирала и сушила на зиму сначала желтые корни саранки и кандыка, нежную медуницу и полевой лук, а позднее — душистую землянику; целебную малину, красную и черную смородину, чернику и разнотравье.

Очан тоже делом занимался. Он то вместе с матерью тяжелым абылом обрабатывал недалеко от юрты узкую полоску ячменного поля, то с самодельным свистком и волосистой петлей на длинной, как удилище, палке ловил бурундуков, то в жаркие дни убегал рыбачить.

Рыбачил Очан самозабвенно. Особенно любил охоту на налимов. Пройдет версты три вниз по Мрассу, повалается

в мелкой траве с цветками на высоком берегу, а потом бредет вверх по реке и под камни заглядывает. Приподнимет камень за один край, мутную воду пропустит, смотрит — у другой кромки налима. Стоит у самого дна и усом водит. Тут его Очан трезубцем и прижмет.

Вытаскивал маленький рыболов налимов и на глубине. Однажды, ныряя от камня к камню, Очан незаметно для себя заплыл на глубину. Трезубцем здесь рыбу не возьмешь. Надо было возвращаться на мель, но остроглазый рыбак заметил под водой хороший камень, с порой у основания. У входа в нору виднелась дорожка крупного золотистого песка. «Здесь, однако, толстый налим живет, — подумал Очан. — Но как его взять?»

Подумал, подумал — и, решив, что налим не медведь, нырнул. Ощупал основание камня. Осторожно ввел руку в нору. Чуткие пальцы задели за холодное тело дремавшей рыбы. Она чуть шевельнулась. Очан обрадовался и оробел. Оторвался от камня, всплыл. Посмотрел вниз по течению: пережат недалеко. Глубоко вздохнул — и снова под камень. Налим проснулся. Его большая, с тупым покатым лбом голова была у входа. Очан стал водить пальцем по жестким губам рыбы. Сытый и ленивый в эту пору, налим капризничал и долго не хотел раскрывать рта. Наконец Очану удалось вызвать у рыбы желание проглотить червячка. Налим вяло раскрыл рот и втянул палец мальчика в себя. Вот уже и два, и три пальца в пасти рыбы, и сил нет больше держаться под водой. Очан резко схватил налима за жабры. Налим, словно испуганный зверь, рванул из норы и поволок худенького рыбака по широкой Мрасеу. Очан думал только об одном: лишь бы не выпустить рыбу. Сжимая зубами пальцы рыбака, огромный налим бросался то вверх, то вниз, то тянул вглубь, то устремлялся на поверхность.

Собрав силы, Очан потянул рыбу к пережатию. Ему помогала река: ласково

поддерживая, она осторожно вынесла мальчика с налимом на мель.

Вытянув рыбу на берег, Очан продел ей через жабры конопляный, с деревянным наконечником шнур и поволок по воде домой.

ОРЕХИ

В одно чистое утро сентября Очан с матерью отправились по крутой, каменистой тропе на Ореховую гору.

Кедровник жил кипучей жизнью: взлетали целые выводки молодых рябчиков; бойко трудились крикливые кедровки; с размахистого кедра, надежно стоявшего на утесе, шумно затарахтев, поднялся и полетел под склон горы тучный глухарь.

В глубине кедровника, раскинув лапки и вытянув пушистые хвосты, с дерева на дерево, с вершины на вершину перелезали белки; пониже шныряли бурундуки; на земле робко шуршали пузатенькие мышки.

Не обходили кедрач важные соболи и суетливые колонки. Нередко здесь ковылял медведь. Кедровый лес кормил всех.

На земле шишек было еще немного, и Очан получил от матери разрешение слазить на невысокий, с крепкими сучками от самого комля, кедр.

Мальчик обрадовался. Живое стукнул он тоненькую рябинку ножом под корешок, посвистывая, очистил от веток, хомутиком привязал к рябинке веревочку. Этот хомутик он перекинул через голову и хотел лезть.

— Очан... — мать секунду помолчала. — Посмотри, сынок, на небо подольше. Пусть сердце маленько утихнет. Пусть глаза не бегают туда-сюда... — мать удерживала сына, пока не почувствовала, что он спокоен. — Теперь иди. Не торопись. Не будь жадным. Ореха много.

Поправив на плече веревочку с палкой, Очан, цепляясь за сучки, полез к вершине. Мать с замиранием сердца следила за его движениями. Скоро на землю полетели крупные шишки. Собирая их, мать

успокоилась. Работали молча. Орех созрел — и от легкого прикосновения прутиком шишки падали одна за другой, гулко ударяясь о землю. Горка их росла.

Неожиданно мать громко вскрикнула:

— А-а-й!

— Что надо? — спокойно отозвался Очан с дерева.

— Сынок, сынок!.. Сходи на землю, — стонала мать.

Очан послушно слез и, пожимая плечами, устоял на мать. Она стояла на коленях и рассматривала клочки истлевшей одежды на маленьком скелете человека.

— Кто это? — не понимая, просто спросил Очан.

— Не знаю, — чуть слышно ответила мать. — Много парнишек умирает в тайге. Пойдем, сынок. Хватит нам.

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ, ЯНВАРЬ...

Все скунее грело осеннее солнце. Все чаще хмурилось небо. Большие лопухи таежной травы омертвели и, как мокрые тряпки, повисли на жестких стеблях. Сник пожелтевший папоротник. Узкие тропы стали грязными и скользкими. С высокого Айхана, словно хищная птица, распластав огромные белые крылья, опустилась на землю зима.

Мать плохо видела трахонными глазами Айхан, но возвращаясь как-то от Курентага с вязанкой дров, почувствовала, что по реке, прихватывая их берег, тянет холод. «Зима, однако, ползет», — подумала мать.

Наутро выпал снег.

«Большая, однако, сила у злого Эрлика, — думал в то утро Очан. — Всю землю в одну ночь испортил. Злой дух, однако, сильнее доброго Ульгена. Вода теперь совсем холодная стала...»

«Ячменя мало, — думала в то утро мать. — Медвежатины нет. Сушеной рыбы мало. Кореньев мало. Не прожить зи-

му. Надо больше сына кормить. Может, доживет до лета. А кому сирота нужен? Все шорцы так плохо живут, так плохо живут... Может, Антон зайдет с охоты? Давно не заходил... Шорец, а зовут Антон. Дедушка Ултан говорил, что в Заайхане русский поп живет. Всех шорцев в Мрассу под железным крестом купал и русское имя давал. Наверное, потому Антон маленько русским пахнет...»

Весь октябрь и почти весь ноябрь, пока спорили слабосильный — по мнению Очана — Ульген и злой сильный Эрлик, в тайге стояла непролазная слякоть. Вся жизнь — в грязи, тумане, холоде. Сила Эрлика преследовала все живое, скрывала крылья птиц и быстрые ноги зверей. Смелые и гордые в теплые времена, медведи стыдливо опускали большие головы, брели подальше от греха и, подыскивая в глуши удобное место, засыпали там до солнечных дней. Свободу и волю в эту пору имели только стервятники и шакалы. Они шныряли по чужим жилищам и гнездам, терзали робких и слабых.

А на земле и в небе все крепче примораживало. Наконец, захлестывая едким дымом ветхое жилье одиноких людей, зло завывала вьюга. И в последней юрте Ултана на долгие месяцы стало сыро, темно и холодно.

К середине зимы Анюк от жизни впроголодь, от непосильных забот и тревог ослабла, стала, задыхаясь, надрывно кашлять. Скрывая слабость, она держалась с сыном, как всегда, — ровно, спокойно, ласково, только двигаться стала медленнее, чаще отдыхала на нарах и подолгу смотрела на сына, словно пыталась наглядеться на долгие годы разлуки, увидеть его судьбу.

Когда спали морозы и немного утихли вьюги, Очан запросился в тайгу:

— Мне, ичий, в тайгу, однако, сходить надо. Пойду?

— Иди, сынок, — утасяющим голосом ответила мать. — Далеко, однако, не ходи. Очан послушался. Надеясь что-нибудь

добыть, он то спускался к реке, то поднимался в горы, то забирался в дебри.

К вечеру вернулся — с большой обидой на весь свет, с пустыми руками: ни рыбки, ни орешка, ни ягодки. Вернулся усталым и голодным. Мать дала ему, словно птенцу, щепотку ячменя, крошку сухой рыбы — и легла на нары. Очан всю еду смахнул разом в рот и никакой сытости не почувствовал. Голод стал терзать еще острее. Очан не мог справиться, заныл:

— Ичий, дай еще. Брюхо болит. Яшибко есть хочу. Дай, ичий. Одно зернышко, одну косточку...

Мать молчала.

— Жадная, — сказал Очан — и заплакал.

Анюк не выдержала, поднялась с нары — и глухо закашляла. Из горла хлынула кровь.

Очан умолк.

Потом он сидел с матерью на нарах, гладил ее по голове и повторял:

— Не надо кашлять, ичий. Я больше так не буду... Не буду...

У КОГО ПРОСИТЬ ПОМОЩИ?

Приближался март.

Однажды, когда Очан опять ушел из юрты, Анюк стала прикидывать, сколько дней можно еще протянуть на остатке зимних запасов.

Ячмень, рыбу и фунта два ягод она разделила на доли: день — долька, долька — день...

Получилось девять неравных пар. Дольки побольше — сыну. Посмотрела, подумала — и свои маленькие дольки присоединила к долькам сына.

Анюк знала, что умирает, — и все-таки надеялась на чудо, верила, что добрый Ульген, наконец, вмешается в ее жизнь, спасет Очана, вернет Толая... Когда все до зернышка, до ягодки, до рыбьей косточки было окончательно разложено, ей послышался скрип двери.

Она тяжело подняла больную голову — и, как в тумане, увидела мужа.

Толай оброс бородой и длинными волосами. Усы его были опущены. Он стоял у входа в тех же мягких чириках и коротком до колен шабуре, в которых уходил на промысел. Шабур был подпоясан сыromятным ремнем с самодельной пряжкой из красной меди. Справа на ремне — пороховница, слева — большой нож в деревянных ножнах. Через плечо перекинута ружье. В зубах — трубка. Трубка не дымит.

Постоял так Толай и, не сказав ни слова, исчез.

В юрте стало еще холоднее и тревожнее. Усилился мрак и чад. У Анюк кружилась голова. Сердце ныло от горя и боли.

«У кого просить помощи? Кто спасет нас? — спрашивала себя Анюк. — Может опять просить доброго Ульгена? Но столько раз уже просила. Ни на просьбы, ни на слезы не отзывается он. Совсем оглох, совсем ослеп! Ничего не слышит! Ничего не видит! Где его доброта? Все духи — как узют-каны: только зло умеют делать... А может, и нет их совсем? Дедушка Ултан говорил, что все шаманы обманщики и русский поп тоже обманщик...»

Анюк содрогнулась от собственного кощунства. Ее глаза остекленели. Рот открылся. Она онемела от страха — не за себя, а за сына: что если Ульген и его помощники выместят на нем свой гнев?

Со слезами и стоном упала Анюк на колени и стала просить у богов и духов прощения. Отдав этим мольбам остаток сил, в сумеречном состоянии она добралась до нары.

СОВСЕМ ОДИН

Очан вернулся в юрту под вечер. В его торбочке лежала ветка рябины, униженная ягодами. Эти ягоды они с матерью будут отщипывать по одной и есть, сидя на скамеечке у теплого очага.

Очан заменил лучину, догоравшую в

светце, и стал будить спящую на нарах мать:

— Ичий, вставай. Я тебе рябинку принес.

Мать не отзывалась.

Очан внимательно вгляделся в ее лицо. Глаза матери были открыты и смотрели куда-то в высоту. Наверное, на вершину той горы, куда ушел отец.

И вдруг Очан понял, что в юрте он совсем один, один в тайге, один на всем свете.

Он закричал — и кричал до тех пор, пока не пропал голос. Когда, обессилив, он затаих, возле юрты послышались шаги, дверь распахнулась — и при последней вспышке задуваемой ветром лучины Очан увидел человека, похожего на его отца.

УЛТАН И АРХИП, ТОЛАЙ И АНТОН

Шорец Архип Тортумашев когда-то получил от заайханского бая небольшую деланку кедровника. По соседству с ним были кедровник семьи Ултана. Там они каждую осень встречались, помогали друг другу и сдружились. Архип уговаривал Ултана перебраться в Заайхан. Обещал помочь поставить избушку. Но Ултан не хотел зависеть от шамана и по-па и предпочитал жить отдельно, своим маленьким улусом.

Время шло. У Архипа и Ултана в одно лето родились парнишки. Ултан назвал своего сына Толаем, а сыну Архипа поп дал имя Антон.

Ребята выросли здоровыми, умными, тоже дружили, но виделись редко. Раз в год или реже Антон приходил к Толаю из большого улуса.

АНТОН И ШАМАН

Осиротевшего Очана Антон привез на нартах в Заайхан. По древнему обычаю, на возвращение охотника с промысла собралось много народу. Дети и женщины толпились возле нарт, стараясь поближе разглядеть маленького мальчика, кото-

рый, сжав посиневшие губенки, беспокойно озирался.

Очан не мог понять, где находится, почему вокруг так много народу, почему все юрты большие и разные. Но это было похоже на улус из сказки. Люди были красивые и, кажется, не злые. Рядом был дядя Антон...

И Очан повеселел. Лишь один старик неприятно беспокоил Очана: он стоял в сторонке и пристально смотрел на мальчика колючими глазами. От этого сверлящего взгляда Очану стало нехорошо, голова кругом пошла.

Он опять сник, прижался к Антону. Старик подошел к охотнику, буркнул:

— Я, однако, парнишку возьму.

Коммунист Антон Тортумашев хорошо знал силу и власть шамана. В Заайхане испокон века было заведено при благополучном возвращении охотника с промысла отдавать шаману лучшего соболя, лучший кусок мяса, все лучшее, на что он укажет.

Советская власть, пришедшая в Заайхан, еще не переборола живучих порядков прошлого.

Но разве Очан — добыча?

— Парнишка потерял отца, — сказал Антон. — Ты заменишь ему отца? У парнишки умерла мать. Твоя старуха заменит ему мать?

— Не кричи шибко, — ответил шаман. — Ты лучше корми своих ребятишек. А мне этого сам Ульген послал, — и схватил Очана за руку.

Антон одной рукой прижал к себе Очана, другой схватился за нож.

Люди отступили в страхе: разве он забыл, что все, добытое и найденное охотником в горах и лесах Шории, — дар Ульгена?

Одна маленькая и сухая старушка выбралась из толпы, сплюнула и прохрипела:

— Ты, Антон, совсем дурак, что ли, стал? Совсем, однако, забыл, как надо кама слушать. Такой жадный, что ли, стал?

— Я, люди, не стал жадным... Пусть кам возьмет все, — Антон сбросил с нарт под ноги шкурки соболей, лисиц, колонков... — Бери, кам, все, но оставь парнишку.

Старик смотрел на пушнину, колебался.

Снова вмешалась старуха:

— Отдай, сынок... Так всегда было.

Старуху глухим гулом поддерживали остальные. Шаман осмелел. Резко дернул Очана за руку.

Антон вспомнил слова своего друга, уполномоченного Советской власти Мака-сима Столбова: «Ударом ножа власти шамана не убьешь».

Он убрал руку с плеча мальчика:

— Я знаю, что говорят тебе горные духи, кам... Ты всегда берешь у охотника, что хочешь. Но крепко запомни, Каракам: время твое проходит. Если парнишке будет худо, у него найдутся защитники.

ОЧАН, КАРАКАМ И СТАРУХА

У шамана своих детей не было. Рас-тили со старухой сироту из Сайги, да непокорный парнишка был, не ладила с ним старуха. Похоронить пришлось.

Теперь Каракам решил взять нового наследника. По глазам увидел — не пустой парнишка. Ему, подумал шаман, можно со временем открыть свои тайны. Его можно посвятить во все тонкости камлания. Из него, может быть, получится новый зайханский кам, посредник между миром горных духов и маленькими смертными шорцами. И будет он опорой Каракаму в старости.

Дом у шамана был богатый, с высоким крыльцом, с железной крышей. Когда Очан с шаманом зашли внутрь, в помещении царил покой. На широкой деревянной кровати, уставив мутные глаза в потолок, лежала тучная старуха. На коврике из белчиных шкурок дремал рыжий лохматый кот. По углу русской печки полз огромный таракан,

Старуха лениво повернула свое плоское, как у совы, лицо к вошедшим и, не моргая, уставилась на худенького, в рваных штанишках, крутолобенького Очана.

— Э-эзен, — не выдержав, пискнул мальчик.

— Эзен, — глухо выдавила в ответ жена шамана. — Чей?

— Наш сын будет, — сообщил Каракам. — Накормить надо.

За обедом Очан согрелся. Силы прибавилось. Осмелел. С брезгливым любопытством, будто увидел какое-то мерзкое существо, посмотрел на старуху. Без страха посмотрел в глаза шаману:

— Ты, дедушка, кто будешь? У тебя почто глаза колючие?

Шаман обиделся. Помрачнел.

— Не надо так! — укорила старуха. — Дедушка большая голова!

— Я — сын доброго духа Ульгена... — таинственно начал Каракам.

— А я — Очан, сын охотника Толая, — бойко выпалил мальчик.

Старуха собрала толстую кожу на узком лбу, зло заворчала:

— Ты, парнишка, дурак! Дедушку слушать надо. Он шишко много знает — тебя научит... Вот так, сидиген, сопляк! — и больно дернула Очана за ухо.

«МОЙ УМНЫЙ ТУНМА...»

Шаман постепенно знакомил Очана со своей теорией жизни.

— Мой умный тунма, — поучал он наследника, — слушай меня и думай, кто ты есть в нашей большой и богатой Шории. Она туда-сюда раскинулась по крутым берегам быстрых рек Томи и Мрас-су, Кондомы и Антроку, Кобырсу и Пы-засу... На нашей земле, как богатыри, над лесами и улусами стоят самые высокие на свете горы Мустаг, Кубес, Патын и наша строгая владычица Луны Айхан. Они да глухая тайга с топкими болотами охраняют нас от плохих людей. Вот почему никто не придет и никто нас...

— Дедушка, а мы не умрем, если один жить будем? — перебил Очан, вспомнив пустые юрты Ултана и смерть матери.

— Никого нам не надо! — грубо одернул Каракам наследника. — Каждый в своей юрте хан! Запомни это. У нас есть все: и лес, и зверь, и птица, и рыба. Еще в каждой маленькой речке золото есть. Вода по золоту, по дорогам камешкам плывет. В тайге все тропы по золоту виляют. Люди прямо по золоту ходят... Старые шорцы давно говорят, где-то на холодной стороне Мустага тяжелый камень узют-кана есть. Крепкий камень — железом делать можно. Вырастешь большой — можешь, найдешь. Шибко богатым будешь. Или, как я, камом будешь. Нарты по тайге таскать не будешь, а самая хорошая шкурка соболя твоя будет — охотники сами отдадут. Если умным камом будешь, шесть знатных женщин подошвы ног тебе растирать будут, семь красивых девок в голове вшей искать будут, тебя усыплять будут...

— Дедушка, — не выдержал Очан, — в улусе говорят, что ты обманщик. Гришна, которого ты лечил и сказал, что через три дня здоров будет, вчера совсем умер. Зачем так лечил?

Старик усмехнулся сухими губами:

— Мой умный тунма, на этом белом свете чего только два глаза не увидят, два уха чего только не услышат. Небо, и то не всем по душе. Однако небо рогами не проткнешь. Твердый кам от сплетни не шибко испортится. Хорошо запомни: умное вранье не хуже глупой правды. Людей всегда обманывали. Тотыш почему самый богатый бай был? Он всех обманывал. Принесет шорцу картинку на деревяшке и говорит: «Это икона. Русский бог тут. Бери, а мне давай два соболя. Выносить икону обратно никак нельзя — бога из дому прогонять нельзя: шибко накажет». За коробку спичек Тотыш белку брал. За «божью» папироску или «святой» табак тоже белку давай ему. А шорский торговец Куртугешев еще

умнее был. В улусе Осинник до Советской власти у него большие дома были. Амбары до крыши пушиной, медом, орехом были забиты. На свои деньги русскому богу большую, всю в золоте, церковь построил. Как обманет кого-нибудь хорошо, идет к русскому богу, душу спасать. Спасет, погуляет и опять обманывает... Теперь стало трудно врать. У меня плохо стало получаться. Старый стал. А ты учись.

Очан не особо прислушивался к длинным и нудным поучениям шамана. Силу Каракама он чувствовал на себе чуть-чуть, как тонкую паутинку, которая прилипла к нему и еле-еле тянется от гниющего дерева. В свободное время он бегал по Заайхану, показавшемуся ему сначала улусом из сказки, и узнавал очень интересные вещи.

От сына дяди Антона, Сени, он впервые услышал о русском Максиме, который открывает в Шории школы и строит больницы; он узнал, что дядя Антон — коммунист и что в улусе есть еще коммунисты; он узнал, что в тайге прячется страшный Корней и что у него в лесу какая-то «банда»... А еще в улусе часто звучало слово «новая жизнь».

«ГОРЫ, ОТКРОЙТЕ СВОИ ДВЕРИ!»

Однако новая жизнь по-настоящему еще не коснулась Очана. Скоро он уже ходил с расписным бубном за шаманом по улусам. Походка у шамана гордая, шаг твердый. Глубоко сидят маленькие глаза, взгляд их пронзителен. Волосы густые, серые, длинные. Рот плотно сжат. Шаман думает. Ни ветер, ни птицы, ни звери ему не мешают. Вот на тропе обозначился глубокий свежий след медведя: почуяв сильного человека, зверь свернул в глубь тайги.

Через версту или больше лес расступился, открыв небольшой улус. В ряд стоят домики на крутом берегу Мрассу. Зашли в старую покосившуюся избушку, где давно лежит тяжелобольной.

Каракам величественной походкой приблизился к постели, взял больного за руку, долгим взглядом поглядел в глаза. Понял: человек верит ему.

Степенно прошел кам в передний угол и сел напротив больного: не отрываясь, проникая в самую душу, смотрит и смотрит на него.

Вдоль стен на сосновых лавках в безмолвии сидит вся семья. Люди не сводят глаз с кама, следят за каждым его движением.

Молодая хозяйка наполняет самогоном чару — самодельную деревянную чашку — и дрожащими руками подает шаману:

— Прими от нас, кам.

Шаман сдержанно отпивает глоток.

Очан ударяет в бубен. Кам торжественно передает чару ближайшему из присутствующих. Чара медленно обходит круг и пустой возвращается к Каракаму. Молодая хозяйка принимает ее от шамана и взамен передает небольшой головной платок.

Кам приступает к таинству. Взмах платком — и следуют краткие возгласы, отрывистые движения, удары в бубен.

Кам тяжело, с хрипом, три раза втягивает в себя воздух и громовым голосом требует:

— Духи, откройте двери гор!

Духи гор сопротивляются: двери остаются закрытыми.

— Горы, откройте свои двери! — приказывает шаман. Он злится. Яростно скачет. Вихрем кружится по избе. Выкрикивает бранные слова. В иступлении падает на колени, вздымает вверх руки и под удары бубна угрожает духам гор...

Наступает пауза. Все ждут, затаив дыхание. Вскочив на ноги, Каракам победоносно объявляет:

— Горы открыли свои двери! Мои духи, духи исцеления, гоните вон духов болезни!

И шаман зверем прыгает к больному, изо всех сил, со свистом, три раза дует ему в ухо.

Очан точно, часто, ловко ударяет и ударяет в бубен.

Довольная хозяйка, посмотрев на повелевшего мужа, подает шаману уже полный туесок самогона и метелку из сухой травы.

Кам, взяв себя в руки после всех неистовств, спокойно, загадочно опускает метелку в самогон и обильно брызгает по избе на все четыре стороны.

Побрызгав, наливает в чару, жадно выпивает несколько глотков — и посылает по кругу вместе с туеском.

Все начинают негромко петь, сдержанно стучать ногами. Каракам с силой топает ногой:

— Злые духи ушли! Обращаясь к горам Шории, повелевает:

— Горы, закройте свои двери! И объявляет больному:

— Через три дня, Архип, здоров будешь!

МАКСИМ СТОЛБОВ

Уполномоченный Советской власти Максим Столбов, выполняя задание партии по строительству новой жизни, шестой год неделями, а то и месяцами подряд ходил по улусам южной Шории. За его плечами была «одна большая и тысяща попутных забот». Но ни днем, ни ночью, ни в дороге, ни в душных и грязных жилищах охотников не оставляла его одна дума. Это была дума о школе. Максиму хорошо было известно то, о чем с тревогой писала «Учительская газета»:

«Кузнецкий юг, населенный татаро-шорской народностью, — это огромный угол района, пребывающий во тьме и невежестве. Здесь еще до сих пор сильна власть шамана, а также имеет место влияние бывших миссионеров. Вот почему недавний шорский съезд учителей сосредоточил на вопросе народного образования исключительное внимание...

Признано, что местное шорское учительство еще далеко от марксистско-ле-

нинского мировоззрения и нуждается в переподготовке. Местные школы, избы-читальни, ликпункты размещены в плохо приспособленных помещениях, дети полураздеты, грязные и голодные...»

Максим Столбов открыл несколько школ в Шории — в домах бывших баев, в амбарах торгашей. По настоянию Столбова начали строить школу в Курентаге. Улус был не маленький и не из бедных, но дело продвигалось медленно.

По знакомой тропе Максим Столбов очередной раз шел в Курентаг. Недалеко от перекрестка Курентаг — Заайхан встретил мальчика лет девяти. В замызганной рубашонке, в плохоньких штанишках, с открытой головой тот мчался за бурундуком.

— Ты чей? — спросил Столбов маленького охотника.

— Ничей, — бойко ответил мальчик.

— А как тебя зовут?

— Очан. А тебя как зовут? — Очан почувствовал в большом человеке доброту и смело смотрел на него.

— Максим. Максим Васильевич. А ты, геройчик, не боишься один по тайге шастать? Медведю в лапы попасть? Видел, какие у него когти?

— Видел. Дядя Антон недавно показывал.

— Какой это дядя Антон?

— Абу-у!.. Дядю Антона не знаешь! — удивился Очан. У него еще Сеня есть, Белая Лапка есть.

— Теперь знаю, — Максим от души любовался мальчиком. — Выходит, ты из Заайхана. Далековато забрел. Смелый, видать.

— Ты тоже смелый, видать.

— Я, Очан, большой, и у меня, видишь, какой нож.

— Аппак тоже большой. У него, знаешь, какие когти? Острее ножа, — Очан, догадываясь, что перед ним тот самый русский Максим, о котором рассказывал Сеня Тортумашев, — становился все доверчивее.

— Медведь меня, Очан, не тронет. А ты один по тайге не ходи.

— А я не один. Я с дедушкой. Пошли, покажу.

МАКСИМ И КАРАКАМ

Каракам сидел на трухлявой колодине, рядом с гнилым пнем, из которого росла чистая, веселая, годиков семи пихточка.

— Здравствуйте, кам, — Столбов присел рядом. Очан примостился напротив, на плоском камушке.

— Эзенок, Максим, — глухим голосом ответил Каракам. — Куда тебя русский бог несет? Может, к нам в Заайхан идешь?

— В Курентаге дело есть. К вам — завтра зайду. Как здоровье? Давно не встречались.

— Узкая тропка в тайге всегда к хорошим словам ведет, — поблагодарил Каракам. — Здоровье мое ничто. Жить маленько можно. Только дружки твои мешают. Ты тоже мешаешь. Всю мою жизнь ломаешь. Ругаешь меня принародно. Пропломое лето ругал? Шибко ругал. Я молчал. Долго не камлал. Теперь опять камлаю... Не буду камлать, кто людей лечить будет? Где твой дохтур? Нету. Получается, ты обманщик. Где твоя хорошая коммунизма? Нету. Как у попа рай. Я так не говорю. У меня рая нету, коммунизма тоже нету. У меня есть тайга, горы, реки, а там — звери, птица, рыба есть. Ходи, стреляй, лови — хорошо жить будешь. Обмана нету.

— Я разве говорил когда, что коммунизм вот тут, за этой горой? — Максим показал рукой на Айхан. — Я разве когда-нибудь сказал: «Горы, откройте свои двери и пустите нас в коммунизм?» Не говорил. Это твои, кам, злые выдумки. Всему миру сказано, что коммунисты России нашли верную дорогу к счастливой жизни. Не сбиться бы только в пути. А ты, кам, сбиваешь. С правильной дороги людей сбиваешь.

— Говори, говори. Одна головешка ды-

мит, два головешка горит. Говори, в чем твоя правда.

— Тогда слушай еще. Золото, железо в горах, звери, птицы, орех, ягоды в лесу, рыба в реках — все на земле и под землей не твое и не мое — народное. Жить надо справедливо. Сам говоришь, кто много ходит по горам, тот хорошо живет. Правильно говоришь. А вот ты, Каракам, на охоту не ходишь, на прииске землю не копаешь, камни не ворочаешь, а в твоём амбаре — пушнина: соболь, лисица, белка. Золотишко имеешь. Откуда? Обманом нагреб. Так жить, кам, нельзя. Коли не хочешь, чтоб тебя за обман ругали, перестань людям голову морочить...

Очан слушал разговор, понимал, что идет жаркий спор — и нисколько не сомневался, что прав Максим и что он побеждает.

Такого расположения, как к этому большому сильному человеку, Очан еще не испытывал ни к кому.

ХРОМОЙ, КАРАКАМ И НЕМНОЖКО ОЧАН

Шаман и наследник пришли домой поздно вечером. Старуха встретила их на крыльце.

— У нас гость, — сообщила она Каракаму. — Давно тебя ждет.

— Кто? — строго спросил шаман.

— Хромой какой-то. Говорит, прислал его наш племянник Корней.

Каракам твердо вошел в дом, хмуро поздоровался с гостем, посмотрел в глаза: не понравились — бегают туда-сюда. «Глупый и нечестный», — оценил кам и, кивнув старухе, подсказал:

— Парнишке спать надо. Нам арачка дай.

Каракамиха, цыкнув на мальчика, поставила на стол чуть не полную четверть самогона, конину, лепешки — и завалилась на свою широкую кровать.

Очан расстелил на полу в другой ком-

нате медвежьё шкуру, улегся и с любопытством стал прислушиваться.

Чем больше пили, тем громче говорили. Хромой хвастался, что живут они с Корнеем весело, богато, что всякого добра у них на сто лет хватит.

— Награбили! — неуважительно оборвал Каракам. — Чужим добром хвастаешь, над чужим горем радуешься! Говори, стерва, зачем пришел? Беду принес?

— Зачем беду? Корней приказал...

— Что приказал? Кому приказал? Мне приказал? — распаляясь, кричал кам. — Что молчишь? Говори, говори!

— Русский Максим шибко мешает нам. В Сайге пушнину алтайского купца отобрал. Заготовителя Сыркашева кое в чем подозревает... Корней приказ дал...

— Ну! Что рот закрыл?

— Убить надо Максима.

— Абу-у! — удивленно, с тонкой нотой одобрения протянул Каракам. — Однако ко мне зря пришел. Я убивать никого не буду. Сам знаешь, бык зайца догонит в котле.

— Корней такой приказ дал, — твердил бандит. — Он час главный в Заайхане. Ему подчиняться надо.

— Ты подчиняйся. Я дуракам не подчиняюсь.

— Корней сказал, чтобы ты мне помог. Ты знаешь, где сейчас русский Максим?

— Завтра из Курентага в Заайхан прямушкой пойдет. Вот, встречай, — Каракам ехидно хихикнул. — Если от твоих штанов шибко не запахнет, может, убьешь.

— Не пугай, старик... Еще Корней тебе записку прислал. Ты грамотный, что ли?

— Давай...

Шаман долго мозолил помятый лист бумаги и, когда дошел до конца, вслух подумал:

— За границу? Зачем за границу? Кто вас там ждет?

— У кого есть золото, того везде ждут, — важно ответил поддужный Кор-

ней. — Мне твой племянш говорил, что у тебя тоже золото есть. Может, с нами удирать будешь? Тебя со старухой взять можно.

— До перевала? — старик горько усмехнулся.

— Зачем так плохо говоришь? Племянш тебя вон как уважает. Старуху твою тоже уважает.

— Врешь, стерва! — вспыхнул Каракам. — Вам наше золото надо, соболю надо!

— Корней сказал, что тебя здесь живьем сожрут.

— Не сожрут! Свою башку береги! — у шамана возникла жестокая мысль. «Только не сегодня. Пусть убьет Максима». И, сдерживая себя, шаман добавил:

— Меня в Заайхане уважают. Старуху берите за границу. Моей старухе там пойдет жить...

Когда все заснуло, Очан бесшумно, ползком, добрался до ружья с небольшой сумкой из шкуры дикой козы, в которой были патроны с пулями для русского Максима. Проверил ружье: не заряжено. В сумке — с десяток приготовленных к «охоте» патронов. Очан передохнул, преодолел волнение и, овладев собой, исполнил задуманное...

ГОРШОК С ЗОЛОТОМ

Утром, после ухода Хромого, Очан услышал обрывки разговора Каракама со старухой.

— Надо пушнину Советской власти сдать. Так, однако, правильно будет, — твердо сказал шаман.

— Можно сдать, — согласилась Каракама. — А золото в другое место спрятать надо.

— Можно спрятать, — согласился и шаман. — В огороде, у камня, закопаем...

Через четверть часа Очан поднялся с мягкой шкуры, на цыпочках подошел к массивному косяку окна и посмотрел на огород.

В утреннем тумане, возле торчащего,

как клык, камня, шаман копался у грядки с луком. К нему подошла с тяжелым ведром жена. Старик вынул из ведра горшок, обмотанный тряпками, и опустил в землю рядом с камнем...

РЫБАЛКА НЕ ПОЛУЧИЛАСЬ

Позавтракав, Очан ушел рыбачить. Но рыбалка на этот раз не получилась. Очан думал о другом. Никогда еще так крепко Очан не думал: мысли стучат в лоб, колотят в виски... Где Хромой? Жив ли Максим? Что дорогие камушки? Может Каракамаха с Корнеем за границу их увезут? Куда это — за границу?

Рыба давно стянула червя с крючка, но Очан ничего не замечал. С кем поговорить? Сеня Тортумашев иногда помогает ячмень молотить... Про Максима рассказывает... С Сеней поговорить?

Когда Очан возвращался с неудачной рыбалки, у высокой, далеко выступавшей в реку Утюг-горы его остановила смелая мысль. Около этой горы из-за большой и беспокойной глубины никто не купался. Он на спор с заайханскими парнями один раз нырял в эту яму. Дно достал, но ничего не поднял для доказательства: дно омута сплошь было покрыто крупными камнями.

Парни не поверили, что он добирался до дна. Так у всех и осталось в сознании, что яма эта — бездонная, что живут в пропасти одни узют-кани, потому и вода в ней бурлит. Похитить горшок и опустить его в этот омут — вот чем закончились необычные размышления Очана.

Он вприпрыжку выскочил на торную проселочную тропу и увидел знакомую женщину. Та шла из Курентага и плакала.

— Тетя Марфа...

— Беда, Очан... Большая беда. Русско-го Максима плохой человек убил.

— Убил?! Это правда?!

— Правда, Очан, правда. Сама видела. Пять раз прямо в грудь Максиму стрелял. Сама все видела.

«СТОЙ! СТОЙ, МАКСИМ!»

Хромой расстреливал Максима в упор. В роковое это мгновение мелькнула у Максима мысль спастись от пули, бежать, но тут же другая перекрыла ее: «Стой! Стой, Максим!»

И Максим стоял. Стоял, не показывая тупой спины и слепого затылка.

А после третьего выстрела разрядился сам: оглушительно, на всю тайгу захотал.

Бандит, недавно опроставший, видимо, бутылку сивухи, понял Столбова по-своему и, путаясь в бурьяне, бросился бежать. Где-то на тропе послышался визг женщины, топот: очевидно, она убегала в страхе.

Потом все стихло. Будто ничего и не было.

«Не вздремнул ли я», — подумал уполномоченный о дурной встрече и продолжал стоять. Он словно забыл, в какую сторону надо идти. Постоял, тряхнул головой — и вяло потянулся в Заайхан.

МАКСИМ, ЗМЕЯ И РЕЧКА СВЕТАЯ

Тропа вывела Столбова на высокую, залитую солнцем гриву, а затем, повиляв вокруг жестких кустов акации, круто повернула вниз. Максим Столбов спустился в глубокий лог. Было что-то исцеляющее, животворное во всех проявлениях мира нетронутой тайги.

Столбов услышал одинокий, вежливо приглашающий голос рябчика: «Си-с-и-ить!»

Никого не боясь, по тропе пробежал бурундук. Флегматичная копылуха, шумя хвоей, замедленно поднялась со старого кедра и грузно полетела вдоль лога.

Максим видел все как будто впервые. По дну лога, пробираясь сквозь кустарник и густой бурьян, ныряя под завалы бурелома, ловко обходя каменные выступы, бежала к своей цели маленькая реч-

ка Светлая. Она была чиста, быстра и неумоима.

Столбов присел у самого берега на толстую колодину. Рядом раздалось шипение: двойным кольцом расположилась на колодине большая черная змея. Голова была ее приподнята. Змея повернула голову к Максиму и, будто зная о его минувшей беде, принялась, сочувствуя, ритмично кивать. Столбов удивился змеей мудрости и посмотрел в ее чистые спокойные глаза. Она не отвернулась, а в ответ высунула тонкий язычок и что-то прошептала.

— Вот это да! — опять удивился Максим. — За что же на тебя, красавица, много плохого наговаривают?

Чернокожая опять приоткрыла ротик и, покачав язычком, снова что-то прошептала.

«Объясняется», — подумал Максим...

Между тем, в каких-то десяти шагах от Столбова появился крупный марал. Он зашел в воду и пил, изредка отрываясь и прислушиваясь. Утолив жажду, марал перемахнул речку и скрылся в темном пихтаче.

Пора!

Столбов зачерпнул пригоршню холодной воды, без особого удовольствия выпил на пустой желудок и влажными руками провел по небритому лицу.

Неуклюже перебрел он каменистую речку и тяжело пошел в гору — из мира удивительных и не нуждающихся в человеке существ в трудный мир людей.

ОГРОМНОЕ РУЖЬЕ, ПАТРОНЫ — НА МЕДВЕДЯ

Очан поверил Марфе: ведь мог же ночью, в спешке, какой-нибудь патрон не разрядить... Вихрем примчался он в дом шамана, снял в кладовке ружье, выбрал в сумке пару патронов на медведя.

И с тяжелым ружьем во весь дух пустился разыскивать Хромого.

Медленно идущий, вроде бы прихрамывающий человек обнаружился на тропе,

выводящей из глухого леса. К Заайхану идет, — понял Очан. Сторонкой подкрался он поближе, затаился в кустах, держа наготове ружье...

Человек должен был поравняться с Очаном... Да это же не Хромой! — увидел Очан. — Это же дядя Максим!

Мальчик зашевелился в кустах, захрустели сучья под ногами.

— Кто идет? — остановился Столбов.

— Это я, дядя Максим! Это я!

— Кто — ты?

— Очан я... Помнишь? — Очан выбрался на тропу. Максим с удивлением смотрел на маленького шорского мальчика, вооруженного огромным ружьем.

— Что ты здесь делаешь?

Очан бессвязно передал разговор Хромому с Каракамом, рассказал о том, как ночью повывтаскивал пули из патронов Хромого, как сегодня встретил тетю Марфу...

И, рассказав это все, Очан вдруг зашмыгал носом.

— Ладно, браток, не плачь. Спасибо тебе за все. Я перед тобой, ясное дело, в вечном долгу, — Столбов прижал к себе мальчика. — Сейчас беги домой. А потом я возьму тебя, расти будешь с моими ребятами.

«НЕ ВЕСЕЛО ТЕБЕ, ВИДАТЬ, ДРУЖКА...»

Вечером в дом шамана, задыхаясь, свалился Хромой. Очан уже спал на медвежьей шкуре, но вдруг проснулся в страхе. Сердце застучало так, что старому Каракаму, однако, слышно.

Но шаману было не до наследника.

— Зачем опять пришел? — недовольно спросил он бандита.

— Тебе слово сказать надо. Что делать, никак не знаю, — виновато и трусливо ответил Хромой.

— Говори, если есть слово.

— Русский Максим, однако, шайтан, — пожаловался убийца. — Прямо в лоб

стрелял, в грудь ему стрелял. Он сто-и-т. Смеется еще.

— Я тебе, паршивый собака, что говорил!? — зарычал шаман. — Максим страшнее апшака. Глаза прямо в душу бьют. А ты — поганый трус! Испугался. Теперь: шайтан, шайтан! Уходи! Сам знаешь, что мне за тебя будет. Уходи.

Гость, не высказав своих намерений, исчез.

Каракам задумался. Завтра Максим все узнает... Хромой далеко не пойдет: приказ Корнея выполнять надо... Коммунист Тортумашев весь Заайхан поднимет, поймает Хромого. Паршивый собака все расскажет. Про всех...

Каракам принял решение. С тем же самым ружьем, которое в этот день таскал по лесу Очан, он пошел следом за Хромым.

В полверсте от улуса бандит уселся было на трухлявый пенек. Повертел головой — и перешел на другой, подальше от тропы. «Хорошо сидит» подумал кам о госте, как о рябчике.

Хромой снял с плеча ружье, оперся на него, замер.

«Не весело, видать, тебе, дружка, — подумал Каракам. — Все потерял, а что нашел? Смерть нашел. Ты больше никому не нужен. Лучше один умри, чем всем нам в тюрьму садиться».

Шаман мягко, беззвучно, как опытный зверь, сделал несколько шагов и хладнокровно выстрелил Хромому в затылок.

Хромой будто ждал этого. Он спокойно, без стопа, свалился с пня, придавил ложу ружья и захрипел.

Шаман выстрелил еще.

«НАДО БЫ ЗАКРЫТОЕ СОБРАНИЕ СДЕЛАТЬ»

Был уже вечер, когда Максим Столбов зашел к своему заайханскому другу, коммунисту Антону Тортумашеву.

В Антоновой избе царил безжизнен-

бая, деревянная типшина, хотя изба была полна народу.

На широкой лавке сидели член партии, местный кузнец Мирон Никанорович Топанов; родственник Антона, коммунист Трофим Отургашев; старший сын Антона Сеня и сам хозяин, лучший охотник улуса Антон Тортумашев.

К печке жались самая бедная в Заайхане многодетная страдальца Марфа Токмашева, худенькая, с непокрытой головой мать Антона и его жена с младшими ребятишками.

Все странно воззрились на вошедшего Столбова, и никто не отозвался на его приветствие. Только Марфа прошептала в страхе:

— Шайтан! — и выскочила на улицу.

— Почему такие невеселые? — с недоумением улыбнулся Максим.

— Ты ли это, брат? — Антон, наконец, крепко обнял друга. — Живой, значит...

Вмешалась мать Антона:

— Ты пошто это, сын, по тайге-то без ружья ходишь? Про мою седую голову совсем не думаешь, старое сердце не жалеешь.

— Да что случилось?

— Что случилось! Вон Марфа сама видела, как тебя у Кривой сосны убили. Мужики вот собрались, хотят бандита поймать.

— Марфа Григорьевна, к моему счастью, маленько ошиблась, — улыбался Столбов.

— Абу-у! — протянула старушка. — Ты, сыночек, что ли Ульген?

— Какое там... — отмахнулся уполномоченный. — Давайте лучше поговорим о делах.

— Плохие дела, Василич, — сказал Тортумашев. — Надо бы закрытое собрание сделать.

Женщины поняли, вышли с детьми из избы.

— А ты, Семен? — обратился Антон к старшему сыну.

— Он, однако, нам не помешает, — сказал Столбов. — По поручению райкома

я должен вручить Тортумашеву Семену Антоновичу комсомольский билет.

Максим Васильевич показал всем маленькую книжечку.

— Будь достоин, Семен, высокого звания. Комсомолец!

— Возражение присутствовать Сеньке на собрании коммунистов есть? — волнуясь, спросил Антон.

— Нету возражения, — ответил кузнец.

— Нету возражения, — поддержал Трофим Отургашев.

Собрание поручили вести кузнецу.

— Вот что, — твердо сказал председатель собрания. — Корней тут опять с дружкой шныряет. Контрабанду развел. Людей убивает. Пожар в улусах делает. Грабит. Вопрос такой на повестке: «Надо поймать бандита». Прибавки какие есть?

— Прошу, товарищи, внести еще один вопрос, — сказал Столбов. — Вопрос о больнице. Почему в Заайхане больница не строится? Люди слепнут от трахомы, умирают от чахотки, зовут на помощь шамана, а коммунисты только руками разводят...

— Надо бы, Василич, дохтура нам прислать, — оправдывался Отургашев, которому еще год назад было поручено заготовить и подвезти на место строительства лес.

— Врач будет, — сказал уполномоченный. — Но он один больницу не построит. Лес-то хоть заготовили?

— Бревна маленько есть. Доски надо нилить...

— Пильщиков и плотников после страды направляю. Да и сами действуйте. После больницы клуб надо строить. Хватит проповеди попа слушать.

— Попа у нас больше нету, — сообщил Антон. — Ризу, кадило, крест, все свое добро на дверь повесил и ушел. На крест вот еще бумагу прицепил — тебе бумага, — Тортумашев отогнул на углу стола клеенку, подал Столбову исписанный лист.

Уполномоченный прочитал:

«Максим! Все это хозяйство передаю тебе по наследству. Я понял: мое время кончилось. Я что мог сделал для сближения шорской души с русской. Пусть сделает больше — могущий. Передай от меня Каракаму, что по вере и правде ему следовало подохнуть давно. Пусть благодарит своего Ульгена, что я щадил его. А ныне я прошу: Бог всемилостивый, укрепи мой дух и меня возвысь над скорбной суетой. Земной поклон всем плавающим и мя помнящим.

Подпись:

Никто как бог, а я Макар — пророк его».

— Поселите в дом священника Марфу Григорьевну с детьми. Не откладывайте, — распорядился Столбов. — И беритесь дружнее за строительство больницы. Пусть весь улус одно дело делает... Давай, Мирон Никанорович, второй вопрос.

— Тебе слово, Антон Архипович, — сказал председатель собрания.

Антон поднялся:

— Корней совсем бешеный собака стал! Как зверь, на людей бросается. Тебя вот, товарищ уполномоченный, тоже, однако, Корней стрелял. Уничтожить зверя надо. У меня все.

— Не знаю я, товарищи, Корнея, а этого заметил: немного вроде прихрамывал.

— Хромой? — удивился Трофим Отургашев. — Он далеко от Заайхана не пойдет... Этого зверя я знаю... Ловить его сейчас надо...

— Надо узнать, где вся банда скрывается, — заявил Тортумашев. — Яша Шелтреков на Карасу был, в каменную дыру, где Корней пушнину прятал, смотрел. Пушнины нету. Корнеевы мертвые дружки лежат там. Следы зверь замечает. Хромому тоже конец будет. Яша, однако, Корнею конец сделает.

— Корней нужен живым, — сказал Столбов. — Надо узнать связи и всех судить. Убивает Корней ненадежных...

— Кончать собрание надо! — нервни-

чал Трофим Отургашев. — Поймать Хромого надо. Я час охотников соберу.

В эту минуту на пороге неслышно, как призрак, появился и стал Каракам.

Все разом смолкли. Каракам пронзительно усталился на Столбова.

— Пришел сказать тебе, Максим, — хладнокровно и продуманно сообщил он, — что я убил твоего врага.

— Кого же? — спросил Столбов после некоторой паузы.

— Того, кто хотел убить тебя. Теперь ты знаешь, кто тебе друг.

— Это ты, кам, зря сделал! — жестко упрекнул Столбов. — Советская власть запрещает беззаконие.

— Лучше враг мертвый, чем живой, — уверенно оправдывался шаман.

— Лучше, когда совсем нет врагов. А этого можно добиться не самосудом... — оборвал Столбов и вдруг понял:

— Ты, хитрый старик! Трупом одного бандита пытаешься прикрыть всю банду! Пока можешь быть свободен.

Каракам больше не сказал ни слова. Все заметили, что после слов уполномоченного он сник, обреченно сторбился, опустил голову. Вышел шаман — тяжело переставляя ноги, совсем не так, как зашел.

«НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПРО ОЧАНА»

Из Заайхана путь Столбова лежал в Ортон. Прощаясь с заайхановскими коммунистами, уполномоченный обратился к кузнецу:

— Мирон Никанорович, помоги, дорогой. Ты твердый человек, рабочий класс в Заайхане. У шамана парнишка живет — Очан: присматривай за ним, не давай в обиду.

И комсомольцу Сене Тортумашеву Столбов наказал:

— К тебе, Семен, большая просьба: береги Очана.

И сказал всем:

— Не забывайте про Очана.

КРАСИВЫЕ КАМУШКИ

В доме шамана воцарилась тоскливая скука. Прекратились походы на «исцеления». Каракам был явно чем-то угнетен. Подозрительная Каракамыха, не доверяя даже старику, днем и ночью присматривала за кладом.

Очан, между тем, искал случая похитить горшок. Он рассудил, что если красивые камушки так шибко нужны Хромому и Корнею, Каракаму и Каракамыхе, то, значит, они пригодятся и всем людям Заайхана.

Раз так, камушки надо спрятать по-лучше. Наконец случай вроде бы представился. К Каракаму приехал заготовитель пушнины Кирьян Сыркашев:

— Звал? Что сдать хошь? Может, другой разговор есть?

— Сам знаешь, как люблю Советскую власть, — лукаво ответил шаман.

— Знаю... Не криви душой, выкладывай.

— Моя душа не крива, — обиделся старик. Твоя душа крива.

— Доказать надо, — огрызнулся Сыркашев.

— Я доказать могу. Сколько соболей у Шулбая описал? Сто семьдесят три. А сколько Советской власти дал? Двадцать паршивых шкурок дал! Я все знаю. Двести пудов ореха, семь бочка меда в Томск плавил? Четыре больших плота кедрача весной в Кузнецк плавил? Обратно сколько золота привез? Советской власти почти не дал золото? Бумажки красивые не берешь. Красивые камушки тебе подавай. Стерва.

— Хватит, старик, уймись.

— Не хочешь честно, Максиму все скажу, — угрожал Каракам именем того, ко-го сам больше всех боялся.

— Не кричи шибко, — струхнул заготовитель. — Не бойся, тебя не обижу. Показывай, что накопил.

— Что накопил... Белка немного есть, лиса, два-три соболя есть...

— Ха! Два-три! — воскликнул загото-

витель. — Да у тебя двести-триста! Сгноить хочешь?

— Не ори. Зачем зря болтать? Ты бы, Кирья Рофеич, мне маленько золота за соболя дал.

— Хороший соболя есть — дам, за плохого — не дам.

Шаман успокоился, позвал старуху, и они втроем ушли в амбар сортировать пушнину.

Очан знал, что старики долго будут торговаться с заготовителем. Он знал, что они будут спорить, рядиться, ругаться, мириться, пить араку, а то и русскую водку...

Как только торговая компания скрылась в амбаре, Очан с торбой под мышкой шмыгнул в огород.

Там он раскопал закатанный в тряпки горшок и, прижимаясь к земле, в торбе перенес за ограду, в высокую крапиву.

На обратном пути, отряхнув со штанов глину, заглянул в амбар. Шумная торговля была в разгаре. Никто не обращал на него внимания. Мальчик постоял у двери, выждал, пока шум не стих, попросился:

— Дедушка, я пойду рыбачить?

— Иди, иди! — отмахнулась Каракамыха, пересчитывая за ловким заготовителем шкурки соболей.

— Иди, не мешай тут, — прошепел шаман.

Скоро с небольшим переметом и с горшком в торбе Очан был уже возле приметной скалы. Скала была похожа на огромный уют, который беспрерывно гладил широкую ленту плывущей под него реки. У основания скалы выступала большая плита. Под нее Очан и должен был опустить золото.

Стояла тишина. Мальчику захотелось посмотреть на красивые камушки и маленько взять. Поиграть. Он не спеша размотал грязные тряпки, развязал на горле горшка облезлую клеенку и высыпал на нее разной формы самородки.

Золото было чистое. Играя с рекой и солнцем, оно весело поблескивало. Ото-

брав пяток ярких камушков, похожих на рыжих таракашек и солнечных жучков, и смочив «букашек» водой, Очан стал перекачивать из одной ладони в другую. Он так увлекся этой царской игрой, что не сразу услышал за спиной грубое та-рахтение галечника.

Очан оглянулся — никого нет. Быстро собрал золото в горшок, завязал крепко и... от сильного, хотя и мягкого толчка болетел вместе с горшком в воду.

Опустив горшок, Очан всплыл. От берега, довольно урча, покачиваясь на коротких лапах, уходил за скалу медвежонок.

Очан поругался на косолапого шутника, выжал одежду и отправился в Заайхан.

«О, КУДАИ, КУДАИ!..»

Пробиваясь сквозь глухие леса, минуя скалистые горы, изредка отдыхая в зеленых долинах, скитаясь по темным ущельям, спешит своим путем голубая Мрассу. С каждой волной река приносит в Заайхан все новые радостные вести прогрозу, прогремевшую над великой Россией, про утихшие боли и первые обновления.

Только Очан все еще не видит счастливых перемен: заслонили ему свет и жизнь старые Каракамы. А в последние дни в старуху словно шалыга, бес, вселился. С утра до вечера она шипит, шипит. И всему виной — мертвая голова. Возвращалась как-то старуха из лавки, видит: на берегу реки люди собрались, о чем-то громко, оживленно толкуют, будто у них радость какая.

— Наталья, что так громко кричите? — спросила Каракамыха у одной из самых звонкоголосых женщин.

— Ты разве не слышала? — отвечала шустрая, с острыми глазами шорка Наталья. — Корнею-то его дружка голову струбил и в грязной торбе носит. Всем показывает. Здесь тоже показывал. Как живая гляди-и-т. Маленько страшно.

— Это правда? — в горьком сомнении спросила старуха.

— Правда, правда, — подтвердила словоохотливая женщина. — Вон хоть у Марфы спроси. Она тоже видела человека с торбой...

— О, куда! куда! — не дослушав Наталью, возопила Каракамыха. — Зачем ты отнял у нас защитника? На кого теперь надеяться? Старик слабый, совсем дурак стал, я больная, бедная сирота; Очан совсем чужой, неслухник...

В стороне от всех Каракамыха опустилась на толстое полусгнившее бревно у высокого берега Мрассу.

Река в этом месте течет спокойно, бесшумно, но сильно. Она как будто утверждает: меня не остановить, я все равно дойду до своего завершения, все равно донесу свои воды до больших вод...

Старуха не понимала Мрассу. Она видела только мутную, малоподвижную часть ее у самого берега. Основной поток закрыли от нее обида и озлобление за гибель Корнея.

Красивая голова сильного молодого племянника валяется в чем-то грязном мешке?

Но всего месяц назад Корней в раздутых по бокам штанах, заложив здоровенные руки за спину, гордо расхаживал по их дому, и, сверкая злыми глазами, изрекал план расправы с Советской властью...

Где же он? Темное лицо старухи уродливо искажалось, она плакала. Откуда-то подошел заметно хмельной Каракам:

— Ты пошто тут сидишь? Пошто слезы?

— Ты, старый дурак, не знаешь, что ли, — Корнея-то убили! — прорыдала старуха.

— Сбесилась совсем, однако, баба! В ту субботу Матвея из Картайги сам в лавке видел: водку Корнею брал...

— В субботу водку пили, воскресенье пришло — Корнею голову отрубили. Все дружки, как крысы, разбежались. О, куда! куда!...

Каракам протрезвел. Непривычный страх охватил его. «Не в ту сторону шел Корней... — подумал шаман. — Против огня и камень треснет».

— Хана пришла, баба, — заключил кам. — Очана не шибко-то обижай. Наш спаситель будет. Сама знаешь, Толай с Колчаком бился... Мы его сына кормим, одеваем, жалеем...

— Не люблю парнишку. Шибко не люблю, — призналась Каракамыха. — Совсем чужой стал. Пришибу!

«РУБИ ДРОВА, НЕСИ ВОДА, МЕЛИ ЯЧМЕНЬ!»

Теперь Очан только и слышал от старухи:

— Эй, сидиген! Руби дрова, неси вода, мели ячмень! — и все приказания с подзатыльниками. А когда входила в раж, кричала с визгом:

— Эй, сидиген!.. Бей, дуй самовар, пол мой, беги амбар!..

Особенно она мучила мальчика работой на ручной мельнице из двух каменных плит. За день взрослый шорец смазывал на такой зернотерке фунтов пятнадцать. Каракамыха же от ребенка требовала смолоть ведро ячменя да еще давала множество других поручений. В конце дня все дела Очана придирчиво проверяла. Совсем плохо было бы Очану, если бы не помогал ему иногда Сеня Тортумашев.

ЗОЛОТА У НИХ БОЛЬШЕ НЕТ

Каракамыхе взбрело в голову проверить свой горшок. Подошла старуха к большому камню в огороде — и показалось ей, что все здесь как-то не так. Екнуло дряхлое сердце, опустилась старуха на колени и, ломая ногти, стала яростно выбрасывать из ямки землю. Горшка не было. Нашла шамана. Старик спокойно выслушал, недоверчиво посмотрел на жеману — не лукавит ли? — взял щтыковку и — к пустой яме. Копать не пришлось:

видно и так, что золота у них больше нет.

— Очан! — вырвалось у старухи.

— А не Сенька ли Тортумашев? Он все шныряет тут, — возразил шаман.

— Очан! — стонала старуха.

— Не ребячьего это ума дело, — чувствуя свою ответственность за воспитание наследника, защищал Очана шаман.

«ОДНИ КОСТОЧКИ ОТ ТЕБЯ ОСТАНУТСЯ!»

Очан крутил ненавистную зернотерку, когда к нему в амбар спокойно вошел Каракам. Старик подсел к наследнику на коротенькую скамейку и доброжелательно спросил:

— Ты, однако, шибко устал?

— Нет, дедушка, не устал, — не признался мальчик.

— У тебя вчера Сенька Антонов был? Он хорошо помогает тебе ячмень молоть?

Очан смутился, опустил голову, промолчал.

Шаман хотел продолжать допрос, но в это время вошла старуха и с порога громко заругалась:

— Ты, сидиген, что копал в огороде?

— Ничо не копал! — ошетинился наследник.

— Не кричи, баба. Может Антонов Сенька взял, — гнул свое старик, устраивая ловушку для Очана.

— Я сбегаю к Сене. Если взял — отдаст, — Очан соскочил со скамейки.

Шаман, дернув мальчика за руку, усадил его на место и, словно захлопнув капкан, подтвердил:

— Отдаст! Пошто не отдаст? А что отдаст? А? Говори, говори! Что отдаст?

Очан молчал.

— Молчишь? — сказал шаман. — Сиди здесь. Мы пойдем, а ты сиди здесь. Сам знаешь, какие крысы в амбаре. Не скажешь, где золото, одни косточки от тебя останутся.

Сколько не торкался Очан в запертую дверь, она не поддавалась. И никто извне вообще не отзывался на его стук.

Обессиленный Очан сидел на скамейке в темном амбаре и неопределенно чего-то ждал. Долго ждал. Истомился. С утра ничего не ел... Клонило ко сну...

...Опять ичий пришла... Очан обрадовался матери. Она приходила к нему и раньше. Особенно часто бывала в первые дни жизни у шамана, но являлась во сне все по ночам. А вот так еще не было.

Очан приподнялся, протянул к матери худенькие, измученные зернотеркой руки. Мать стояла перед ним, не касаясь пола, в воздухе. Лицо ее сияло. Глаза излучали радость, покой, счастье. Очан помнил: такой она была когда-то давно, когда они вместе собирали по берегу Мрассу луговые цветы...

— Ичий, возьми меня к себе, — попросил Очан. — Мне плохо тут. — Он шагнул к матери, но она вдруг исчезла, ничего не ответив. В амбаре снова стало тихо, темно и страшно.

КАРАКАМ И КАРАКАМИХА

Весь уклад жизни старого шамана разрушался. Все у него отняли: камлания, племянника, золото... Даже Очана, из которого он рассчитывал вырастить наследника, неумолимое новое время повернуло против него. Как жить?

— Пойду в Картайгу, — сказал шаман старухе. — Надо хорошо узнать про Корнея. Ты смотри за амбаром. Сенька Антонов опять возле дома вертелся. Что-то здесь нечисто.

— Пришибу Очана! — твердила ополоумевшая старуха.

— Потом... Сначала узнать все надо. Думай башкой, — внушал ей кам.

Но Каракамиха не умела думать. Оставшись одна, она ждала только ночи, чтобы расправиться с Очаном.

В горах медленно темнело. Коротенькие переулки и широкие двери Заайхана пустели. Старики улуса, привыкшие укладываться на ночной покой вместе с птицами, дымили перед сном в просмоленные никотином трубки.

Чуть ниже Заайхана, у высокого утеса, стояла небольшая долбянка. В лодке на свежем сене была расстелена медвежья шкура. На носу лодки была приложена железная чаша с сухими сосновыми корнями. Недалеко от лодки, на узком уступе утеса, стоял и беспокойно смотрел по сторонам невысокий паренек лет шестнадцати. Это был заайханский комсомолец Сеня Тортумашев.

КАРАКАМИХА И УЛЬГЕН

Каракамиха, ожидая полной темноты, сидела на табуретке у окна и изредка прикладывалась к бутылке с самогоном. Иногда она, как голодная сова, смотрела в сторону амбара. В помутневшем от самогона и злобы мозгу перебирала она свои старые грехи — и готовилась к новому.

Но когда время накрыло Заайхан черным пологом, старуха трусливо вздрогнула. Ей показалось, что с горы Ульгена, на которую кам каждую весну после первого крика кукушки совершал восхождение, спускается, широко раскинув руки, огромный человек во всем белом.

— Ульген!.. — тупо стукнуло в голове старухи. Она сползла с табуретки и застесилась: то жирным телом жалась в угол с оловянным крестом, то прятала оплывшее лицо в пирамиду пышных подушек на деревянной кровати, то останавливалась посреди избы и, косматая, растрепанная, слезно умоляла святого Ульгена пощадить ее.

Высокий в белом неотвратимо приближался к владениям шамана.

Старуху охватил страх расплаты.

Она дико бросала взгляды то на сте-

ны, то на дверь, то на окна. Все почему-то густо покрылось кровью, а с потолка медленно, прямо на ее голову, опускался большой, многолапый, как живая коряга, паук. Вот чудовище приблизилось и грубо зацепило страшной лапой за распущенные космы.

Старуха бешено взвыла и грохнулась на пол.

В ОРТОН, К МАКСИМУ

А высокий человек в белом спокойно вошел в амбар, приласкал оробевшего было Очана и вышел вместе с ним.

Они не спеша поднялись к уступу. Паренек на скале, увидев их, радостно закричал:

— Дядя Мирон!.. Очан!.. Жив!

— Слава Ульгену, — подтвердил кузнец и добавил:

— Еще дедушка Ултан говорил, что

эта старуха пакостлива, но труслива. А трусу с нечистой совестью всегда что-нибудь кажется. Да еще такой шабур! — Мирон Никанорович, улыбаясь, сбросил с плеч длинную холстину и, усадив Очана в лодку, спросил паренька:

— Сеня, бумагу не потерял?

Сеня сунул руку за пазуху — бумага зашуршала.

— Тут.

— В Ортоне дяде Максиму отдашь. Он вас ждет у Тихона Кадымаева. Очана возьмет, а ты сразу обратно.

— Дядя Максим меня возьмет? — просиял Очан.

— Да. А теперь все. Надо плыть. — Кузнец зажег в чаше смолистые корни, качнул корму, на которой ловко уселся Сеня, и бесшумно оттолкнул лодку от берега.

Сильная река подхватила ребят и охотно понесла в Ортон.

Литературная обработка Л. Никоновой

СЫН ТАЙГИ

Валерий Зубарев

СТАРЦЕВА ГРИВА

Солнце нынче рублем, а не гривной
одаряет собой небосвод.
Но как память
Над Старцевой гривой
дым железный клубится,
живет.

В ней шаманящий шорец над горном...
и державное слово — печать:
«...Чтоб калмыкам
ни белым,
ни черным
ни мечей,
ни кольчуг
не ковать».

Отклубились...
Но дым
черно-белый,
комбината Кузнецкого дым,
задышал над былинкой несмелой,
замешал молодое с седым.

Чтобы я, со своим интересом
в электричках
столичных метро
по кузнечим катаючись рельсам,
про себя усмехнулся хитро.

Чтобы всею закваскою кровной
я прочувствовал:
для меня
волей сердца и Ставки Верховной
выплавалась в мартенах броня.

Чтобы ходкая, как поговорка,
защитив от Берлина Берлин,
легендарная тридцатьчетверка
не терялась в просторах былин.

Чтоб, когда оробелый ученый
наконечник копья находил,
мне навевал дым
бело-черный
ржанье конское,
звоны удил...

Владимир Иванов

ШОРСКАЯ ИЗБА

Мы с другом шли до перевала.
Вела нас старая тропа.
И неожиданно предстала
Пред нами шорская изба.
Живут, как в небыли старинной,
Здесь, может, только чудеса...
Под многослойной паутиной
Берестяные туеса.
Метла, ступа, чурбан у печки
И деревянных плошек ряд —
Для глаз диковинные вещи
О днях минувших говорят.

Следов хозяйских нет в помине —
Свой дом оставил человек...
Изба убогая в лощине
Свой тихий доживает век.
И, мнитися, думает с тоской:
«Покинув сказочное время,
Подавшись в город за судьбой,
как,
сын тайги,
несешь там бремя
всеобщей суеты людской?»

Михаил Анохин

ПЕСНЯ ГОР

Медленно всходит луна
Желтая,
Как монгол.
Снега и снега — страна,
Которую я обрел.
Кедрами перевит
Свод бездонных небес.
Шорец на пятках сидит,
Песню поет про лес.
Бьется у кадыка
В вене синяя кровь.
Слушаю старика,
Не понимая слов.
Песня, как жизнь, длинна,
Короток
Костра
Век.
Таежная сторона,
Обветренный человек.
Он весь словно сук усох,
Но песня летела в мир.
Под Кенигсбергом оглох
От рева осадных мортир.
Я чувствовал,
В песне той
Стальные были слова.

И он,
Как никто другой,
На это имел права.
Ты песню его поймешь,
Оценишь,
Как ценят жизнь.
Прислушайся,
Всходит рожь
Сквозь тело истлевших
Гильз,
Жизнь моя коротка,
Но вечная песня гор,
Длинная,
Как века,
Вырвется на простор,
А я?
Да чего там я?!
Жаворонок поет,
Серой стрелой змея
Свой совершает ход.
Нет того старика,
Но песня его живет:
— В сердце моем — тайга,
В сердце моем — снега,
В сердце моем — народ.

Семен Печеник

* * *

По каменным морщинам
Горной Шории,
Как по истлевшим
Древним писменам,
Гуляет эхо грозовой истории
И гул невнятный
Долетает к нам.

Мне чудится:
За сводами тумана
Звенят подковы, сабли, стремена.
Земля впитала кровь рабов и ханов
И этой кровью до краев полна.

Мерещатся мне
Тумены в походе,
Галдя, смыкая смертные ряды,
Они вдали,
Как призраки, проходят
В свечение Марса —
Умершей звезды...
Здесь глубь веков,
Куда мы тоже канем,
И все, что отшумело в свой черед,
Застыло,
Стало неподвижным камнем.
И только время
Двигается вперед.

Александр Зайцев

ОКОЛИЦА

1

По дороге на Чулеш редактор «Красной Шории» Геннадий Иванович Лебедев остановил машину в Первомайке. Слева, на косогоре, чернели в сероватом утреннем тумане брошенные избы, вправо убегала в пихтачи узенькая тропка, где виднелось покосившееся прясло, курился синий дымок жилья.

На пороге нас встретил невысокий седой шорец. Протянул дружески руку для знакомства: «Мукаил».

Вышла, такого же небольшого росточка, сусруга. Тоже приветливо поздоровалась за руку и представилась: «Туся».

Поговорили о здоровье, об урожае шишки в тайге, о картошке в огороде.

— Плохой здоровье, совсем старый стал, — жаловался Михаил Иванович. — Тайга пропадать не дает, однако. Два корова держим, свинью, шесть овец, две собаки. Флягу масла запасли. Хороший качество. Скажи, Геннадий Ваныч, заготовителям, пускай приедут. И корову продам, пожалуйста.

Вот уже сколько лет после войны живут Михаил Иванович Ачулаков и Евдокия Самойловна в этом почерневшем от времени домишке, на отшибе некогда большого и шумного придорожного поселка. С первого до последнего дня прошел войну шорский охотник на Ленинградском фронте и в Восточной Пруссии, медаль «За отвагу» получил. Потом работал в колхозе бригадиром, кладовщиком, пчеловодом.

А когда не стало колхоза, людям в Первомайке тайгой промышлять пришлось. Сами

кормились и государству пользу приносили. Вспомнил Михаил Иванович бывшего соседа, горняка-пенсионера Гулямова — 200 баранов держал. А теперь совсем разъехались люди. Один остался в Первомайке Шишкин Иван, да вот он еще, Ачулаков, на обочине мается. Плохо без людей. В прошлом году чуть медведь не задрал. А нынче волки пять овец зарезали. Надо, однако, в Ключевом доме покушать...

Отчего же так захудала Первомайка? Дорога и целых две линии электропередач — рядом. Сенокосы и выпаса кругом немеряные. Правда, дорога, по непроходимости, посуровой иной фронтальной будет, а обе ЛЭП идут мимо вдаль. Люди, сколько не просили подключить свет, до последних дней жили с лампами-кerosинками.

Наверно, все-таки ошибаются разных районных и областных масштабов служащие, считая, что для шорцев, для потомственного таежника вовсе никакого комфорта и не требуется.

Мы попытались проехать в Пурлу — подсобное хозяйство Шерегешского рудника. Но даже мощному японскому вездеходу «Ниссан» это оказалось не по силам. Пришлось несколько верст месить грязь пешком.

— Я бы тут всю жизнь жила и работала, — говорит доярка Елена Башева. — Да вот негде.

На подсобном, рядом с капитально отстроенным коровником, для людей сооружены два убогих даже нештукатуренных внутри барака. Живут в них неделями доярки, скотники,

строители все вместе, в одном неразгороженном помещении.

Дороги в Пурлу практически нет — только развез на ГАЗ-66 или на тракторе. Башева и ее муж — скотник Алексей Герасимович — ходят на работу из маленького таежного поселка Кизес пешком. Еще четверо ходят из Кичей. Это недалеко, конечно, шесть-восемь километров, и для привыкших к таежным тропам шорцев — не проблема. И все таки... У Елены Михайловны четверо детей, какое-никакое хозяйство. Ей определенность, оседлость для нормальной жизни нужна.

Далеко в тайге за Кондомой и Караголом есть маленький поселок староверов — Зайцева заимка. С годами она, между прочим, в отличие от множества других растет и крепнет. Сейчас там десять дворов: Зайцевы, Санниковы, Глумовы. В каждом по три-четыре лошади, по столько же, а то и больше коров, целые отары овец, утки, гуси, куры. Держат пасеки. Заготавливают кедровый орех, добывают таежного зверя. В определенное время прилетает сюда с необходимыми товарами вертолет. А поднимается тяжело груженный самой разнообразной продукцией крестьянского двора. Между прочим, более разворотливые по сравнению с нашими алтайские кооператоры уже наладили туда грунтовую дорогу и скупают скот десятками голов.

Нынешним летом долго жил в Таштаголе молодой охотник Савелий Санников. Одет по моде, как и все молодые горожане. В руках, опять же по городской моде, громко орущий импортный магнитофон. Савелий искал дефицитные японские кассеты и... невесту из хорошей старообрядческой семьи. И представьте, нашел все что надо. Невесту — аж в Калинске, за Кузнецовым. Стало быть, и еще на один двор прирастет нынче Зайцева заимка.

К сожалению, нельзя этого сказать о Горной Шории в целом. Перед войной здесь было 74 колхоза, около 200 населенных пунктов. А в 1960 году решили, что главное и единственное дело Шории — железная руда. И по сему колхозы расформировали, два сельских района аннулировали. И начался медленный, но неукротимый отток населения из сельской таежной местности. Сегодня в Горной Шории

осталось менее 120 населенных пунктов, в том числе и таких мелких, как Первомайка, которых ежегодно списывается до пяти.

Колхозы, хоть и маломощные, имели восемь тысяч гектаров пашни и более 50 тысяч гектаров сенокосов и пастбищ. В 1940 году, например, они собрали 55 тысяч центнеров зерна. В 1959 году, последнем для существования колхозов, — крупного рогатого скота в районе насчитывалось 14577 голов. А к 1986-му осталось 3788. В два раза уменьшилось поголовье свиней, в три раза — так необходимых в тайге лошадей.

Личные хозяйства Горной Шории своеобразны и ни на какие другие в области не похожи. Если на равнине крестьянин откармливает свинью в свободное от работы время, то тут, в тайге, где не пашут и не сеют, домашнее скотоводство становится основным занятием человека.

Живущий вблизи большого города расчетливый хозяин может заломить на базаре за добротный продукт своего двора цену гораздо выше так называемой сложившейся. Шорский же крестьянин от базара далеко и имеет дело только с государством. Фактически 6162 личных хозяйства района — это маленькие фермы, работающие на государство по принципу кооперации. Человек не обогащается, как иногда бывает, личным хозяйством, он им кормится. Вот почему обилие скотного двора так много весит в жизни обитателей горной окраины Кузбасса. Лишние корова, свинья, полдюжины овец существуют тут не для увеличения счета на сберкнижке, а для обмена на одежду, соль, керосин, мыло и прочие жизненные necessities.

И если мы вовремя не подключили свет к маленькой таежной деревеньке, если до безобразного состояния запустили дорогу к ней, да еще сенокосные угодья урезали, то, значит, на нет свели и без того до предела скромный жизненный уровень человека. И ему ничего другого не остается, как подаваться в город, где и свет, и асфальт, и хлеб на прилавке. Так вот и получается, что земля, на которой этот хлеб растет, теряет работника. А город проигрывает даже вдвое: и кормильца нет и лишний едок прибавился...

Продовольственный вопрос всегда здесь стоял остро. Наверное, с первого же дня злопамятного шестидесятого года, когда поспешно и непродуманно закрыли в Шории сельское хозяйство. Ведь сельхозугодья — отвоеванные когда-то у тайги тяжким трудом сенокосы и пастбища — остались. И люди пользовались ими всяк по-своему. Но жизнь показала, что такой, чисто индивидуальный, подход, а проще говоря, самотек, ведет к запустению. За 25 лет — с 1960 по 1985 годы — численность крупного рогатого скота в Шории сократилась в четыре раза.

Резко идет на убыль не только количество, но и качество скота. Рассказывают ради шутки о свинье шорской породы. Их одна-две почти в каждом дворе, крутятся в ожидании подачки у порога дома вместе со стаей голодных собак. Такие же поджарые, остроухие и злые.

— Очень выносливый, — горделиво говорит хозяин, указывая на свинью. — Не гляди, что маленький — уже пять лет исполнилось...

Неприхотливы, ко всему привычны и шорские коровы, но молока дают мало.

В мае 1983 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР территории в 12 тысяч квадратных километров (на две тысячи, как тут подчеркивают, превосходящей государство Ливан) возвращен статус района. С этого момента началось медленное и трудное возрождение сельского хозяйства Горной Шории. Трудное, потому что считают его некоторые почему-то делом легким и второстепенным, по крайней мере, гораздо более легким, чем добыча железной руды.

Директор Шерегешского рудника Анатолий Артемьевич Гертер рассказывает, как начинали они в прошлом году осваивать подсобное хозяйство на Пурле.

До этого Гертера и других руководителей рудника долго уговаривали, ломали. Но не то, чтобы они вдруг прозрели и в какой-то момент прониклись идеей до глубины души. Просто объединение «Сибруда» проявило — пока еще не известно, похвальную ли? — решительность. Не посоветовавшись, не предупредив, завезли

вдруг 46 нетелей высокоудойной черно-пестрой породы. Затем — еще два таких же стада коров и бычков для откорма.

На руднике — паника: что делать? Собрали совет старейшин: дело нешуточное — каждая нетель стоит 1200 рублей. На улице не бросить, определять куда-то надо. Организовали десант инженерно-технических работников для строительства коровника. Все плотницкие работы взял на себя пенсионер, бывший проходчик Александр Андреевич Власов, механизацию — начальник мехцеха Виктор Викторович Брякин, электрификацию и телефонизацию — электрослесарь Владимир Дмитриевич Рудаков, заготовку кормов на зиму — сигналист шахтного подъема Дмитрий Михайлович Шавров. На строительстве, сенокосе и раздое нетелей люди работали по вахтовому методу. Работали безотказно, с интересом: что получится?

А получается пока, похоже, не совсем то, что надо.

В прошлом году в Пурле посеяли 50 гектаров озимой ржи. Нынче, 20 сентября, она уже месяц сверх срока стояла на корню.

— Ничего, — не терял между тем оптимизма Гертер. — Недавно нашли в леспромхозе списанный комбайн, отремонтировали, механизатора подготовили, на днях начнем уборку. Я думаю, центнеров по 10—12 с гектара возьмем.

Второй вопрос. При всей своей решительности, генеральный директор «Запсибруды» Виктор Андреевич Коваленко не учел, что 100 коров, посланные им по разнарядке в Шерегеш, должны на будущий год дать примерно столько же телят хорошей породы. Быков же, необходимых для воспроизводства стада, Коваленко в Калуге вместе с нетелями купить не догадался. Потому что не посоветовался предварительно со специалистами областного объединения по племенной работе. И в Шерегеше пришлось пользоваться «услугами» местных быков шорской породы, единственное неоспоримое достоинство которых — густая шерсть торчком. Можно представить, какое потомство даст на будущий год элитное поголовье Пурлинской фермы...

Третья, легко разрешимая в условиях механизированного сельского хозяйства Кузбасса, но вот уже более пяти лет упорно не решаемая, проблема — переработка молока.

Молодые коровы-первотелки на Пурле дают по девять-десять литров молока в день. Но потреблять его в пищу без обработки санитарно-дезинфекция не разрешает. Молоком поят телят и свиней.

Еще в 1982 году бюро обкома КПСС и облисполком в своем постановлении о плане экономического и социального развития Горной Шории на 1983—1987 гг. обязало областное объединение молочной промышленности открыть в Таштаголе предприятие по приему и переработке молока. Нет смысла и жаль бумаги для перечисления всевозможных причин и отговорок руководства этого объединения, до сих пор даже и не приступившего к выполнению решения.

Не выполнили решений бюро обкома КПСС и облисполкома по развитию Горной Шории Кемеровская железная дорога, управления торговли, общественного питания и лесного хозяйства облисполкома, объединение «Сибруда», трест «Новосибирскдорстрой». В 1985 году Таштагольский горисполком приступил к составлению проекта нового плана развития города и района на 1986—1999 годы. В областные управления было направлено 34 письменных запроса. Получено на сегодняшний день 12 ответов, семь из которых отрицательные.

Абсолютно никакой помощи не оказывает району в развитии сельского хозяйства облагропром. Директор Шерегешского рудника А. А. Гертер, как наверняка и многие другие руководители, мечтает получить хотя бы толковые методические материалы или подучиться на специальных для организаторов подсобных хозяйств семинарах. Но ничего этого пока нет и не предвидится.

В Таштаголе говорят, что многочисленные проблемы подсобных хозяйств, да и продовольственную программу в целом решают здесь путем проб и ошибок. И они, эти пробы и ошибки, чем дальше, тем дороже. Например, себестоимость килограмма мяса в живом

весе в 1981 году составляла 4 рубля 16 копеек. В 1986-м возросла до 6 рублей 35 копеек. Убытки от производства мяса по всем подсобным в эти годы возросли с 15,5 до 512 тысяч рублей. То есть в 34 раза, в то время как само производство увеличилось лишь в семь раз. Вот такова прогрессия некомпетентности, укorenившейся в Горной Шории не только по вине местных руководителей.

Четвертая беда Горной Шории — дороги, вернее, бездорожье.

Мы ехали в один из наиболее обжитых поселков Шории — Ключевой — на ГАЗ-66. Могучий вездеход то и дело заносило в скользком глинистом месиве, стягивало в метровую колею.

— Это еще ничего, — виртуозно управляясь с баранкой, улыбался коопромхозовский шофер Саша. — Вот на Белку дорога — там даже моему газону делать нечего.

Трудно было представить, что же это там за дорога такая, если она еще хуже, чем на Ключевой. Но в Шории, похоже, привыкли к бездорожью.

У брошенного поселка Белка геологи нашли месторождение фосфоритов, содержащих до 43 процентов P_2O_5 . Содержание настолько интенсивно, что хоть сразу размалывай и вноси в почву. Фосфориты пятидесятиметровым пластом залегают всего в трех-семи метрах от поверхности. Разведано пока около 30 миллионов тонн. Но и этого всей Западной Сибири, остро нуждающейся в фосфорных удобрениях, хватит лет на пятьдесят.

На Белке побывали (прилетев на вертолете, естественно) представители всех заинтересованных министерств. Решено возить фосфориты самосвалами, правда, еще неизвестно куда, а затем, после дробления и обжига, железной дорогой — по всей стране. Уже и план на будущий год спущен. Как всегда, мы торопимся, забывая народную мудрость о том, что поспешность необходима лишь в таком малопочтенном занятии, как ловля блох. Дороги нет. Но возить все равно будем. По руслам ручьев, по временным насыпям и лежневкам, как везят сегодня лес к сплавленным речкам.

На Пурле, превращенной трелевочниками и

лесовозами в грязную дорожную колею, мы видели штабеля осинника, подготовленного к сплаву будущего года. Осиновые бревна не ошкурены, как это положено по технологии, торцы водопроницаемым составом не обработаны. Значит, половина заготовленной осины ляжет весной на дно Пурлы, Кичей, Пызаса, Мрассу, не доплывая до мысковских запаней. И занимается этим оголтелым варварством наряду с другими и местный лесхоз, которому полагается по службе не уничтожать, а сохранять лес и реки.

Встретились мы на одной из торных дорог и со строителями Таштагольского хозрасчетного строительно-монтажного участка Ю. И. Белавина из объединения «Алтайводстрой». Они строят 100-километровую дорогу от Таштагола до поселка Талон в Алтайском крае. Дело в том, что по своей территории к богатым лесосечным фондам Талона пробиться невозможно — горы. Лесозаготовители решили возить древесину в Таштагол, где уже построили нижний склад с подъездными железнодорожными путями, и кружным путем доставлять в вагонах на Алтай.

Сравните: 30 и 600. Первая цифра — расстояние в километрах от Пурлы до Таштагола, где шорские лесники, немного пошевелив мозгами, так же могли бы иметь раздельную площадку у железной дороги, а не загаживать гнилой осиной прекрасные горные реки. Вторая — путь алтайского леса из Талона на Алтай. Он ровно в двадцать раз длиннее, но, наверное, во столько же и разумнее, и в конечном итоге, экономичней молевого сплава, продолжающегося по Мрассу и ее притокам.

Откуда это бездумное наплевательское безразличие к своей земле? Ведь таштагольцы по давней традиции именуют ее не иначе как Швейцарией (хотя вряд ли это может быть для Шории достойным комплиментом), толкуют о необходимости превращения ее в Заповедник. И сами же так ее запустили, так изнахратили, что и заповедовать скоро нечего будет.

Впрочем, об этом, о разумном начале в хозяйственном освоении края, шевелить мозгами надо не только горношорским лесникам...

В Ключевой мы ехали знакомиться с первым в районе семейным кооперативом.

Создали его недавно. И мужчины — председатель Владимир Николаевич Ачулаков, Сергей Николаевич Полушкин, Дмитрий Андреевич Челбогашев — сразу же уехали за 20 километров в бывший поселок Верх-Сюту, где когда-то был колхоз имени Хрущева, а теперь обосновывается «центральная усадьба» кооператива. Строят там скотный двор и жилье.

В отсутствие председателя ведем разговор с членом кооператива Валентиной Афанасьевой Полушкиной.

— Всего нас три семьи. Друг другу родственники. Мамин брат Григорий Семенович Ачулаков даже из Таштагола приехал. Объединили в общее хозяйство двух лошадей, семь голов крупного рогатого скота и трех овец. Вот и все пока. Думаем довести стадо молодняка на откорме до 50 голов. Будем собирать ягоды, грибы, орехи, построим большую пасеку, посадим картошки побольше. Мы так все распланировали, что даже ребятишкам работы хватит.

Валентина принесла устав кооператива, по которому рост артели возможен до 50 человек, протокол первого собрания, единогласно присвоившего кооперативу наименование «Восход». То есть, это первая ласточка в Таштагольском районе, если говорить о вовлечении частного хозяйства в дело практического выполнения общественной продовольственной программы.

По существу ничего нового в этом кооперативе вроде бы и нет. Маленький семейный колхозик. И все же. Тут значительно ближе и осязаемей становится конечный результат работы, возрастает чувство хозяина.

— Мы подсчитали: отдача каждого участника такого кооператива по сравнению с неорганизованным сдатчиком должна возрасти в три раза, — говорит директор Таштагольского кооппромхоза Федор Сергеевич Кисеев. — Поможем им вначале трактором, строительными, а затем пусть сами разворачиваются. Следующий кооператив предполагается организовать в отдаленном поселке Челису-Анзас,

Кисеев уже ведет переговоры с тамошним председателем сельсовета Даниилом Касимовичем Шипеевым. Надеется, что поддержит идею и председатель Усть-Анзасского сельсовета Дмитрий Николаевич Торчаков. У них по Мрассу немало подходящих для хорошего хозяйствования угодий у Шор-Тайги, Усть-Анзаса, Чазы-Бука. Важно подобрать в кооперативы надежных мужиков, чтобы не подвели, не опозлили идею.

— Да и у нас еще резервов немало, — вступает в разговор секретарь Кызыл-Шорского сельсовета Нина Николаевна Окушакова. — Только в Ключевом общественным производством не охвачено 117 молодых работников и 140 пенсионеров. А помимо этого в Совет входят прииск Чулеш, небольшие поселки Лабьши, Карбалык, Сайзак, Сокушта, Верх-Кочура с хорошими условиями для хозяйства. Но скота держим мало. На тысячу человек — 376 коров и телят, 93 коня да 150 овец. Молодежь считает, что в одиночку скотоводством заниматься трудно. Может, это и так. Вот тут «Восход» и станет хорошим примером. За ним народ наблюдает внимательно.

Наверно, действительно правильный это для Шории путь. Вернее, один из путей. В Қазе и Мундыбаше — в рудничных поселках несколько семей взялись откармливать по четыре-пять поросят. Конечно, крайне мало еще, и это вряд ли пока можно назвать семейным подрядом, но ведь как говорят, лиха беда — начало.

Развитие подсобных хозяйств предприятий, кооперативов, семейного подряда, садоводства и огородничества, создание новых совхозов — вот пути решения продовольственной программы в Горной Шории.

Государство выделяет Таштаголу 35 килограммов мяса на человека в год. А научно обоснованная норма потребления — 78 килограммов. Стало быть, более половины ее надо восполнить своими силами. В 1986 году подсобные хозяйства рудников произвели (на трудящегося, конечно, а не на каждого едока) — по 10,2 кг мяса, 16,5 кг молока, 3,5 кг (по кочану!) капусты. Очень мало! Всего на 22 процента выполняется научно обоснованная норма питания по молоку, на 74 — по яйцам. За четыре года район не справился с основ-

ными заданиями по развитию подсобных хозяйств, намеченными планом экономического и социального развития на 1983—1987 годы. Так, план роста поголовья крупного рогатого скота выполнен всего на 14,5; лошадей — на 27,5; свиней — на 47; посадки картофеля — на 5,5 процента.

Хотя, скажем прямо, сделано немало. Взять хотя бы такую не главную статью дохода продовольственной программы, как коллективное садоводство. В окрестностях Таштагола и рудников создано более пяти тысяч участков. Специально для садоводов открыли два магазина стройматериалов, работающих по предварительным заказам, упорядочили движение автобусов. В прошлом году садовые участки дали одиннадцать тысяч тонн картофеля и овощей, 490 тонн фруктов и ягод. Неплохой плюс к общему достатку.

Но не доходят еще руки в районе до упорядочения всех плюсов.

Вот, например, хорошее дело начинается в Ключевом: с помощью местных жителей лесозаготовительное предприятие строит новый совхоз. Но его руководитель В. А. Богомолов уже сегодня заявляет, что местных на работу в совхоз брать не будет. Почему — не объясняет. Странная амбиция новому хозяйству во вред — уходит местный народ со стройки.

Или взять закуп продуктов у населения. Этим сегодня занимается в районе четыре конторы: кооппромхоз, торг, потребкооперация и лесхоз. И впрямь: один с сошкой, семеро с ложкой! Причем каждый предлагает цену выше, чем у конкурента. В результате и появляются сумасшедшие цены, которые в районе называют не кооперативными, а спекулятивными, грабительскими.

Мы подсчитали с Ф. С. Кисеевым все расходы и затраты на производство колбасы из закупленного в индивидуальном хозяйстве мяса. Средняя цена килограмма хорошей мясной колбасы получается в пределах пяти-шести рублей, но никак не десяти-двенадцати, до чего взвинтили ее кооператоры.

Между тем лесхоз, например, увлекшись несвойственным для себя бизнесом, прямые обязанности, то есть охрану и восстановление леса, как уже упоминалось, выполняет безоб-

разно. Из рук вон плохо торгуют в городе и районе торг и потребкооперация. Кто сведет все эти концы? К сожалению, пока никому. Образованный в мае 1983 года Таштагольский район практически существует лишь на бумаге. Тут вообще применительно к Горной Шории слово район не произносится. Всему общирному краю по-прежнему имя — город Таштагол. Нет сельхозотдела в горкоме партии, нет его и в горисполкоме (если не считать землеустроителя и старшего агронома без специального образования). А если был бы на район хоть один опытный агроном да еще один толковый зоотехник в придачу, не шумела бы рожь вплоть до октября месяца пустым колосом, не занимались бы злостным вредительством на ниве воспроизводства местные быки-диверсанты.

Всей продовольственной программой города (и района) руководит заместитель председателя горисполкома Василий Павлович Бутаков. Нет сомнений в его добросовестности и самоотдаче. Но многое ли успеет и сумеет один человек? В его обязанности, помимо продовольственной программы, стоящей в списке примерно на четвертом-пятом месте, входят: учет и распределение жилья (отнимающее до 70 процентов сил и времени), бытовое обслуживание, автотранспорт, связь, индивидуально-трудовая деятельность, охрана окружающей среды, кооперация, охотничье хозяйство, землеустройство, садоводство и еще ряд забот масштабом помельче.

В мае прошлого года сессия городского Совета приняла решение о комплексной программе развития сельских Советов района на 1986—1990 годы. Нынче в марте принято еще одно решение о мерах по обеспечению населения продовольственными товарами в свете требований XXVII съезда КПСС. Цели, как и в невыполненном постановлении за 1982 год, намечены хорошие, задания до каждого коллектива доведены конкретные. Дело теперь лишь за тем, чтобы добиться наконец их практического осуществления.

И, наверное, мало толку будет, если продовольственную программу решать только местными силами, по принципу самостоятельности. Очевидно, пришло время построже спрашивать с руководителей областных организаций, охотно намечающих меры и ничего из года в год конкретно не делающих.

Если рудная Шория в Кузбассе звучит гордо, то ее таежные поселки, улусы, займки по-прежнему пока — дальняя таштагольская окoliца. Вспомним, как толковал это слово Владимир Иванович Даль: окольная, окружная, непрямая дорога, в стороне от жилья. А ведь в шорской тайге, в разнотравье луговского раздолья ее речных долин и распадков скрыты и немалые резервы увеличения «добычи» продукции сельского хозяйства. Для них надо поскорее открывать такой же, как и для превосходной шорской руды, прямой путь. Поближе к «жилью». Для всех и для каждого.

Таштагольский район

Борис Синявский

БОЛЬНАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Заметки о «карманной экономике»

Шаблонно и привычно именуют Горную Шорию жемчужиной не только Кузбасса, но и всей Западной Сибири. Если и есть в этом сравнении преувеличение, то совсем небольшое. И на самом деле жемчужина — редкая по красоте, уникальная по совокупности богатств — как рассыпанных по матушке-земле, так и спрятанных в глубинах ее.

Но давайте заглянем в любое популярное справочное издание и увидим, что жемчуг относится к очень хрупким драгоценным породам природы. Его надо хранить в особых условиях. Жемчуг, потеряв связь с живым телом человека, начинает болеть, теряет силу, высыхает, рассыпается в пыль.

Не то ли происходит и с жемчужиной Кузбасса — Горной Шорией? Не закрыли ли мы сами себе глаза словесами о самобытности края, о его неповторимости настолько, что не стали замечать его боли!

Хозяйственная деятельность человека наносит Горной Шории непоправимый ущерб. Взгляд промышленника на эту землю упал давно: еще Акинфий Демидов, владелец территории, которая теперь величается Кузбасом, поглядывал сюда вожделенно, но у Акинфия пока и на Урале, поближе, руда водилась. Уголь же кузнецкий попытался было он приспособить для выплавки металла, но решил: дороже получается, чем использование древесного — из сосны — местного уголька. На том и заморозил Акинфий кузнецкие богатства до той поры, пока по цареву указу не перешли они в собственность Двора.

В 1932 году в Горной Шории был основан старейший железндобывающий рудник Темиртау — для снабжения сырьем Кузнецкого металлургического комбината. Полвека исправно исполнял он свои функции, спокойно до

поры мирился с тем, что к его запасам применяли безответственный эпитет «неисчерпаемые». Нет ничего на белом свете неисчерпаемого, подытожился Темиртау. Это мало кого беспокоило, так как совсем рядом располагалось новое месторождение — Сухаринское, запасы которого геологи оценивали в 60 миллионов тонн.

Когда же пробили к Сухаринскому подземный квершлаг длиной семь километров, те же геологи заявили: запасы тут по крайней мере раза в три меньше предполагавшихся. Таким образом, после того как дорогостоящий квершлаг был уже пройден, когда были произведены и прочие затраты, рудник, рассчитанный проектантами института «Кузбассгипроруда» еще на 50 лет эксплуатации, решено было закрыть, закрыв при этом, разумеется, и развитие социальной базы на этом месте.

А почему, собственно, не оказалось руды на Сухаринском! Не ошиблись ли геологи еще раз и не брошено ли будет хорошее месторождение! Вопросы эти, по всей видимости, не смущают ни производственные объединения «Запсибгеология», «Сибруда», ни институт «Гипроруда». И все потому, что они так и не рассмотрели в Горной Шории жемчужину, так и не научились относиться к ней по-хозяйски. Они были и остались довольно своенравными гостями, которым, по сути, все равно, где открывать новый рудник — рядом ли со старым или в ста километрах дальше. Так же решаются и вопросы экологии.

Горная Шория расположена на «макушке» Кузбасса. От чистоты ее вод, ее воздуха зависит вся экологическая обстановка бассейна. Истина вроде и прописная, но она не спасает реку Кондому, главную водную артерию Горной Шории. Главный врач СЭС Таштагола Прозорова утверждает, что Кондома в летнее время принимает вредных веществ в сто и

больше раз выше положенной нормы. В реку сбрасывает неочищенные шахтные воды Таштагольское рудоуправление, строители используют ее в качестве мусоропровода. Дошло до того, что в Таштаголе дефицитом стала чистая питьевая вода, — куда же дальше.

А виной тому все та же политика «гостей», все та же «карманная экономика», при которой берется лишь близко лежащий рубль, а бросается на ветер чуть подальше расположенная сотня.

Городу нужен был аэропорт, и его построили на берегу Кондомы, убрав при этом кустарник, осушив озерца, болотца, разорив родники, — таким образом уничтожили естественные аккумуляторы, питавшие реку водой. Добавьте к этому варварское уничтожение горношорского леса, которое, разумеется, проводится в непосредственной близости от рек, — картина станет более чем ясной.

Десятилетиями в Горной Шории складывалось положение, при котором то же производственное объединение «Сибруда» выступало в роли «удельного князя». При этом, разумеется, никакие природоохранительные вопросы не решались. В районе Шерегеша губительные процессы стали необратимыми. Любому мало-мальски разумному человеку ясно, что дальнейшее бесконтрольное, издевательское природопользование тут недопустимо.

Настоятельно необходимо — причем немедленно! — организовать в Шории два заповедника, продумать и создать целостную систему расселения людей в районе, решить первоочередные и перспективные градостроительные задачи. Надо две сферы — искусственного и естественного — привести в гармонию, осознавая при этом, что процесс отчуждения природы зашел слишком далеко.

Практически все, кто бывал в Горной Шории, бывал и в Шерегеше, горнячком поселке, прилепившемся к подножию Мустага. Если рассматривать расположение поселка с точки зрения экзотики, то лучше и не придумаешь, но для нормального человеческого житья не совсем то, что надо бы.

Говорят, что первоначально поселок предполагалось ставить дальше от промплощадки, в широкой и солнечной долине реки Шерек, но туда надо было прокладывать железную дорогу. В очередной раз покусились на близко лежащий рубль.

Мощность Шерегешского рудника впечат-

ляет — четыре миллиона тонн руды в год, а в перспективе до шести миллионов, но сам Шерегеш известен не только этим своим промышленным потенциалом, но и уникальной, одной из лучших в Союзе, горнолыжной трассой, превосходными кедрочками, заповедным высокогорьем Мустага, чистой водой.

Но все это было десять лет назад. Теперь хвойный лес на подступах к поселку интенсивно вырубается, реки мелеют, а над самим поселком нависла страшная беда — отвал, тридцатичетырехмиллионкубовый «пирог» из отработанной породы, начиненный парами углекислоты, окислами серы.

Теперь шерегешцам не до сохранения первоначального вида окрестностей своего поселка — не до жиру, быть бы живу.

Быстро лысеет лесистый склон горы Зеленой [название-то какое!], вырублен пихтач, очередь за кедрочком. Но как же такое могло произойти! Не потому ли, что судьбу Шерегеша решили или «бывшие» или «новые»? Новый директор рудника ссылается на генеральный план, который, дескать, ему теперь закон. А план тот появился потому, что бывший заведующий городской СЭС В. Кляузер спокойно подписал проект его, бывший председатель горисполкома В. Перфильев подмахнул прошение об отводе земель под отвал, направляемое в облисполком. Предшественники как того, так и другого оказались «не в курсе». Какой спрос с тех, кто «уже не» и кто «еще не»!

Тут следует произнести слово «архитектура». Мы часто не совсем правильно его понимаем, а ведь архитектура не что иное, как грамотное зонирование местности с учетом ее особенностей: погодно-климатических, почвенных, ландшафтных, растительных. В увязывании всех этих составных и заключается градостроительная задача. А в Горной Шории до сей поры нет совместного комплексного документа «Сибруды», «Гипроруды», иных организаций, который бы учитывал все вопросы вкупе. «Сибруда» уничтожила своим отвалом зону отдыха Шерегеша, и представитель объединения объяснил факт бесхитростно просто: юридически, дескать, зона была не оформлена. Какова казуистика! Неужто теперь всю Шорию огородить и таблички понаставить — эту ель не трогать, этих птиц не убивать, эту речку не губить!

Отвал можно было организовать в другой стороне, а даже и так — вывозить щебень по

железной дороге. Для этого тресту «Таштаголшахторудстрой» надо-то было освоить всего ничего — каких-то 300 тысяч рублей.

Чрезвычайно остро, острее, чем вопрос о Темиртау, стоит вопрос с Таштагольским рудоуправлением, с самим городом Таштаголом. Запасов руды в действующей шахте осталось 12—14 миллионов тонн. А это означает, что надо расширять зону разработок.

Не исключено, что придется переносить и город Таштагол. Но куда! Единственный район, где под землей нет руды — это Усть-Шалым, но пока нет никаких проектных разработок, из которых видны были бы перспективы главного города Горной Шории, а отсюда и неуверенность местных жителей в завтрашнем дне и еще большее засилье «гостевого» митрополитства.

Валентин Махалов

В ГОСТЯХ У АПОЛЛОНА,

или Рассказ о нашем первом путешествии
по горной реке —
с некоторыми забавными подробностями

Задумка эта родилась в голове Евгения Сергеевича, «Старшого», писателя. Его в те годы почему-то потянуло на «легкий жанр». Неожиданно для всех он написал оперетту. Ее поставили в местном театре, и она имела пусть невеликий, но успех.

Так вот: то ли Евгений Сергеевич вынашивал тогда замысел очередной оперетты или водевиля и решил проиграть его на нас, своих товарищах, то ли ему просто захотелось нас повеселить, встряхнуть от привычной размеренности городской жизни. Не знаю. Но как бы то ни было, идея принадлежала ему. И высказал он ее в самый подходящий момент — в какой-то из праздников за дружеским столом, когда все были настроены на развеселый лад и любая шутка принималась с легкой душой.

— А что если, мужики, махнуть нам этим летом всем скопом куда-нибудь на природу? — сказал Евгений Сергеевич. — В Горную Шорию, например? Эдак недельки на две-три. Создадим свой «флот», выберем адмирала и под его водительством айда в тайгу к горным речкам поближе, а?

Мысль понравилась всем, хотя от нее заметно пахло легким жанром. Таежники из нас, прямо скажем, были никудышные. Тайгу всерьез знал разве что один Евгений Сергеевич.

— Так быть тебе адмиралом! — дружно прокричали мы с плохо скрытым подбостра-

ствием, очевидно, рассчитывая на будущие адмиралские поблажки и милость.

— Это дело не пойдет, — запротивился кандидат в адмиралы, дальновидно соображая, какую тяжкую ношу пробуем мы возложить на него. — Я, братцы, за демократию. Олег, давай шляпу — будем тянуть жребий.

— Будем! — дружно откликнулись четверо, добровольно подставляя плечи под ослепительные адмиралские звезды.

И тут Евгений Сергеевич сделал самый талантливый ход в своей комбинации, которая украсила нашу жизнь на многие годы. На пяти бумажках, свернутых в трубочку, он тайком от нас написал одно слово — «адмирал». Перетряс бумажки в шляпе и первому дал тянуть жребий самому что ни на есть нетаежному человеку — Генаше. Тот ни разу в жизни не держал в руках ни ружья, ни удочки, а о тайге и горных речках читал разве что в книгах.

Генаша нырнул рукой на дно шляпы, вытянул бумажку, раскрутил ее. Лицо его страдальчески сморщилось.

— Адмирал... — прошептал он непослушными губами.

— За адмирала и его доблестный флот! — поднял тост Евгений Сергеевич.

Генаша хватил первую порцию высокой славы, его худые плечи дрогнули так, будто на них уже легли тяжелые адмиралские погоны.

Шутка могла так и закончиться просто шут-

кой. Но не таков был характер у Старшого. Так мы его называли, так я буду его величать дальше. Начатое дело он привык доводить до конца. Он всегда считал, что если уж актер вышел на сцену, то он должен играть до финала. И уйти с нее или под гром аплодисментов, или под свист и улюлюканье публики, поскальзываясь на гнилых яблоках.

Уже на другой день каждый из нас получил копию первого адмиральского приказа, написанного, как мы догадывались, по прямой подсказке Старшого, за практические и мудрые советы которого Генаша ухватился сразу же, как утопающий за соломинку.

Приказ гласил: § 1. «Всему наличному составу флота явиться 10 июля (ровно через две недели) в «штаб-квартиру» адмирала в походной форме и быть готовым к отплытию по маршруту областной центр — Горная Шория».

Во втором параграфе приказа указывалось, что форма флоту заказана на пошив в ателье «Аэлита» и потому каждому из нас надо было сдать в кассу флота столько-то рублей и копеек.

Приказ, как это и полагалось, был лапидарен по стилю и подписан сурово и коротко — АДМИРАЛ.

Старшой, наверное, немного переиграл, когда из московской командировки привез знаки отличия — «золотые» и «серебряные» шевроны. Кроме того, мичманки, тельняшки, ремни и другие мелочи флотского обихода. Но главное, что он привез из столицы — великолепные трехколенные удила из бамбука, которым мог позавидовать даже самый уважающий себя рыбак...

К десятому июля, как и предписывалось приказом, весь наличный состав флота в количестве пяти человек был готов к первой в своей жизни навигации.

Чины распределял сам адмирал. Решительно, беспрекословно, с полным непониманием их значения. Высший после себя чин он доверил все-таки Старшому. Он присвоил ему звание боцмана и вручил, после некоторого размышления, четыре золотых шеврона — по два на каждый рукав. Олега и Владимира он по-

верстал в матросы. Меня, как самого младшего по возрасту, определил в юнги.

Как выяснилось потом, в распределении званий выявилась незаурядная дальновидность адмирала. Этим он раз и навсегда укрепил свое сиетельное единоначалие, и нам, смертным, кроме возможности созерцания его на морском Олимпе, открыл бескрайнюю, как океан, перспективу движения по служебной лестнице. К слову сказать, все оставшиеся золотые шевроны были нашиты адмиралом на свою куртку. Их было почему-то нечетное количество: пять пошло на правый рукав и только четыре на левый. Так что адмирал, будучи одетым по форме, старался повернуться к своим подчиненным правам боком...

Одиннадцатого июля вечерним поездом мы отбыли в направлении Горной Шории. А через сутки с небольшим машина-попутка привезла нас в Усть-Кабырзу. Мы выгрузили свои тяжелые рюкзаки на берегу Мрассу. Именно отсюда должна была начинаться наша водная дорога в самые верховья горной реки, к гордым вершинам адмиральской славы.

Село Усть-Кабырза, отныне нареченное адмиралом портовым, немало подивилось странной форме нашей одежды, гадая, кто мы такие. Потом Кабырза единодушно приняла нас за геологов. Фантазии местных жителей явно не хватило на то, чтобы догадаться, что в гости к ним нагрянул флот адмирала Генаша. Зато Генашу кабырзинцы сразу признали за начальника. Еще бы! В его пользу свидетельствовал независимый вид и, конечно, золотые шевроны. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что Генаша немного стеснялся своей воинской бижутерии и старался не покидать безлюдный берег реки.

И все-таки перед самым отплытием, когда мы уже загружали походным скарбом лодку-тайдонку, арендованную у местного рыбака, адмирал рискнул показаться на улицах Усть-Кабырзы. Просто у него назрела необходимость заглянуть в местный магазинчик, проверить, все ли возможные продукты закупил на борт матрос Олег, назначенный им на должность интенданта.

Убедившись в добросовестности матроса, адмирал Генаша гордо высагивал вдоль изгороди по дощатому тротуару. И вдруг увидел вопиющую несправедливость.

За изгородью, млея от избытка солнца и материнских чувств, развалилась большущая свинья. К ее набухшим сосцам прилепилась дюжина упитанных поросят. Сзади них, тщетно пытаясь втиснуться в плотный строй сосунков, суетился худенький поросенок, которому, видно, редко доставался сладкий сок матери.

Генаша решил восстановить обиженного в его законных правах. Он перелез через забор, отпихнул от сосцов двух особо усердных поросят и сунул на их место недокормыша.

Что произошло дальше, надо себе представить. Свинья вскочила и бросилась в бешеную атаку на блюстителя справедливости. В первые секунды адмирал пробовал было сохранить свое достоинство, но, вовремя сообразив, что со свиньей шутки плохи, резво перемахнул через забор и пустился наутек. Свидетелями этого бегства были младшие чины флота и два-три местных жителя, которым этот бесплатный спектакль доставил несомненное удовольствие...

Старшой оказался мастером на все руки. Его стараниями был раздобыт заметно подержанный (но еще на ходу!) мотор «Вихрь» (с возвратом, конечно), и он, пошаманив над ним часа три, сказал нам твердым голосом:

— Если от двадцати пяти лошадей в моторе уцелела хотя бы половина, быть нам на речке Кизас, где ждут не дождутся нас хариусы и таймени.

Мы были убеждены, что от Кабырзы до Кизаса рукой подать. Чуть больше полсотни километров. Пустяк при такой технике и при таком мотористе, как Старшой, который (кто из нас этого не знал!) в войну был авиационным механиком.

Адмирал подал сигнал к отплытию, взревел мотор, и наша тайдонка ринулась наперерез легким ребристым волнам, которые весело катила нам навстречу стремительная Мрассу.

Благополучно миновали первый перекал, ушли за поворот от придирчивых глаз кабырзинских жителей, и каждый из нас вздохнул облегченно: если случится что неладное, то, по крайней мере, не на виду у людей.

Чем выше поднималась наша лодка, тем чаще попадались нам мелкие перекалы, и тогда мы дружно вываливались за борт и волокли тайдонку по галечнику с упорством, достойным первопроходцев, которые пробивали путь «из варяг в греки».

Поначалу нам казалось, что до Кизаса мы доплывем с ветерком за каких-то два-три часа. После пяти часов пути оптимизма у нас заметно поубавилось. Только поздним вечером, когда он совсем угас, нашим отупевшим от ожиданий и надежд взглядам предстало несколько покосившихся береговых избенок. Приветствуя нас, хрипло пролаял большой кудлатый пес, и мы вздохнули будто единой грудью:

— Кизас!

Место для лагеря облюбовали на левом берегу, неподалеку от пасеки. В Кабырзе нам говорили, что пасечник — человек добрый, с ним легко будет войти в контакт. Так оно и оказалось.

Едва мы успели выгрузить свои вещички, к нам подошел пожилой шорец и приветливо поздоровался.

— Рыбаки, однако, — заговорил он, улыбаясь. — Хайруз будет, уха будет. Тальмень тоже будет. Хорошо!

Слова шорца взбодрили нас. Адмирал хлопал его по плечу и сказал в душевном порыве:

— Спасибо, старина.

— Зачем «старина», — залопотал шорец. — Аполлоном меня звать. Так, однако.

Мы не расхохотались только из вежливости.

Так у нашего интенданта Олега, который считал себя стройным и неотразимым для женщин, совсем неожиданно появился соперник, сразу же затмивший его красотой и древностью своего имени.

Пасечник Аполлон оказался толковым мужиком, склонным к юмору. Уже через несколько минут мы узнали, что он стал обладателем столь громкого имени благодаря

пьяному попу, который крестил его уже далеко не в младенческом возрасте. После крестин они, к взаимному удовольствию, распели с попом лагушок медовухи и спели обрядовую песню, слова которой Аполлон, к сожалению, не запомнил...

Старшой оказался среди нас и самым опытным рыбаком. В первый день рыбалки он наловил почти полную сумку отменных хариусов, наш общий вклад был куда скромнее. Интендант Олег выловил десяток хариушишек размером с ладошку, мне повезло чуть больше. Генаша пришел с рыбалки вовсе пустым. Этот факт он объяснил просто: мол, изучал реку, стратегию и тактику ловли хариуса и в конце концов пришел к выводу, что этот вид рыбалки не для него, его душа больше расположена к спиннингу.

Мы оценили находчивость адмирала. Ясно, спиннинг как бы заранее давал ему многие преимущества перед нами, рыбаками-удочниками. Во-первых, эта снасть не из простых и требует времени для освоения. А значит, приходить в лагерь с уловом, особенно на первых порах, совсем не обязательно. Во-вторых, на спиннинг ловится только крупная рыба. В случае удачи — ты герой дня. Кому не понятно, что один выловленный таймень затмит самый богатый улов рыбака-хариусятника.

Спиннингом в нашей компании владел только Володя, но и он в первый день пришел с пустыми руками, хотя исхлестал все близлежащие плесы и перекаты.

Так вот, адмирал пошел на выучку к Володе и для начала стал изучать материальную часть непостижимо сложной для себя снасти, учился крепить блесны и грузила, постигал таинства заброса и распутывания «бород». Что касается «бород», Генаша научился их делать сразу, а вот распутывать затейливо перекрещенные кольца лески ему было явно трудно, но занимался он этим делом на диво терпеливо и мужественно.

Свои тренировки, дабы сохранить блесны и грузила, Генаша проводил на лугу. Денька через три, обретая некоторую уверенность и

сноровку, он решился на свой первый боевой выход.

Единственным свидетелем «пробы воды» адмиралом был Олег, который в этот день оставался дневальным по лагерю. Вот что он потом рассказал нам тайком от Генаша, справедливо опасаясь при этом адмиральского гнева.

«Плотно позавтракав, в полной рыбацкой амуниции, закинув на плечо двуручный клееный спиннинг, Генаша отправился к ближайшему плесу, где, по его словам, уже не один раз вечерами играл таймень.

Я, конечно, не удержался от любопытства и последовал за высоким начальством, хоронясь от его глаз.

Подойдя к плесу, Генаша долго примеривался для первого заброса и наконец, собравшись с духом, резанул спиннингом плотный июльский воздух. И тут же жалобно вскрикнул. Блесна пропорола ему штаны и, видать, всерьез добралась до мягкого места. Генаша затравленно огляделся вокруг и с легким постаныванием стал извлекать блесну, поразившую совсем не запланированную им цель.

Возвратиться в лагерь и воспользоваться там походной аптечкой адмирал не пожелал, вместо этого он, мужественно преодолевая боль в ягодиче, стал распутывать «бороду», которая накалилась на катушке.

На это дело у Генаша ушло минут сорок. Этого времени ему вполне хватило для восстановления душевного равновесия. И он приготовился ко второму забросу.

Опасаясь новой травмы, он широко размахнулся и с разворота, уподобляясь дискоболу, запустил тяжелую блесну в воздух. На этот раз бросок был сделан образцово, но непослушная блесна почему-то пошла не над водой, а залетела на самую макушку березы, стоящей рядом, и накрепко села там на якорь.

Генаша раз-другой попробовал потянуть блесну на себя, но гудела от напряжения леска, гнулась гибкая верхинка березы, а блесна не хотела отцепляться.

Поняв безнадежность ситуации, вконец расстроенный, Генаша попробовал было одолеть расстояние от корня до вершины березы, но,

вовремя почувствовав, что и это ему не под силу, спустился на землю и вперил свои тоскливые очи в недоступные ему небеса.

«Что делать? — наверняка размышлял он. — Пойти в лагерь за топором, срубить эту чертову березу? А если об этом узнают товарищи? Насмешек ведь не оберешься».

Понимая, что в этот день рыбалка окончилась для него бесславно, Генаша достал нож и с ожесточением чиркнул им по леске-миллиметровке. В этот решительный момент у него теплилась слабая надежда, что вечером ему удастся выкланчить у Володи запасной моток жилки.

С этими мыслями адмирал стал, что называется, сматывать удочки».

Если бы он знал, что за его рыбацкими опытами все это время наблюдали внимательные и чуть насмешливые глаза интенданта, то не миновать было бы Олегу понижения в чине и адмиральского гнева, который громом готов был свалиться на первую попавшуюся ему в эти минуты голову.

Не знал Генаша, что через каких-то три дня его рыбацкие подвиги напрочь затмит не кто иной, как интендант Олег, который пока еще пребывал в этом чине, хотя частично и разболтал флоту о двух адмиральских забросах.

Генаша по таинственным ухмылкам Старшего, по моему еле сдерживаемому смеху (когда он выпрашивал новую леску у Володи) понял, что ему не удалось уберечься от постороннего глаза на плесе. Значит, соображал он, его выследил интендант. И то, что флот пока ни разу не посмеялся откровенно над его неудачами, он ставил в заслугу своему адмиральному авторитету.

И все-таки на Олега он затаил обиду. Мог бы тот и помолчать. Но придраться к своему интенданту адмирал просто-таки пока не мог. Олег свои служебные обязанности исполнял образцово: старательно хлопотал у костра, его кулинарные способности были выше всяких похвал. Когда он был дневальным, все знали, что с едой в этот день будет полный порядок. Его гурьевские каши с изюмом,

жаркое из грибов, запеченные в золе хариусы в собственном соку делали наш флотский стол не только праздничным, но, пожалуй, и завидным для любого гурмана-горожанина.

А вот к рыбалке особого пристрастия Олег не питал, скорее был равнодушен к ней. И еще он побивался тайги, ее сурового нрава. Во время рыбалки он старался держаться поближе к лагерю и вполне довольствовался даже самым скромным уловом. Родись Олег в первобытном обществе, он наверняка стал бы хранителем огня, охота на зверя не была бы его делом.

Все мы, даже адмирал, к своему дневальству относились с явной нелюбовью. Этого нельзя было сказать об Олеге. Будь его воля, он с удовольствием сделал бы эту должность постоянной и никому бы не уступил ее ни за какие коврижки. Особенно здесь, в тайге.

Генаша первым использовал эту слабость своего интенданта. Не имея ровно никакого опыта в кулинарных вопросах и рискуя вконец растерять свой авторитет в день своего дежурства по лагерю, адмирал назначил Олега своим консультантом. Интендант принял это назначение с плохо скрытым восторгом и, забросив свою удочку в кусты, начал с вечера готовиться к совместному дежурству с Генашей.

Он приготовил обильный ужин с прямым расчетом, что его хватит и на завтрак. Это давало дневальным возможность прихватить лишний часок сладкого утреннего сна.

Первым в то утро поднялся Володя. Накануне ему удалось выловить пару увесистых тайменей, а самый крупный хищник в поллуда весом сошел у него с блесны почти у самого берега. Так вот, Володя намерен был свести с ним счеты. А сделать это лучше всего на утренней зорьке.

Старшой и я вылезли из палатки следом за спиннингистом и, прихватив с вечера приготовленный Олегом сухой паек, отправились вверх по Кизасу...

О событиях в этот день можно было написать особо, но тогда не столь понятным бы-

ло бы торжество адмирала, которого столь блистательно затмил его интендант.

Началось с того, что Олег предложил Генаше сочинить для флота настоящий адмиральский ужин.

— Такое заварганим, — заранее закатывая от удовольствия глаза, вещал интендант, — что и лучшим ресторанам Лондона не снилось.

— Давай, — одобрил дерзкую инициативу Олега адмирал. — Да так, чтобы флот ахнул.

— Ахнет! — пообещал Олег.

Вместе они провели ревизию флотского запаса продуктов. И немного приуныли. Нескольких пачек горохового концентрата и гречневой каши, вермишель да крупасечка слегка охладили их фантазию. Но ненадолго.

— Эврика! — воскликнул интендант. — В кассе флота есть лишние деньги! Так ведь, товарищ адмирал?

— Есть, — согласился Генаша, пока еще не понимая глубинный замысел своего подчиненного.

— Так вот, — продолжал Олег, — магазинов, конечно, поблизости тут никто не построил. Разживемся у шорцев продуктами. Купим у них мясо, масло, молоко, ведро картошки.

— Это всю казну в распыл пустит, — усомнился адмирал.

— Обойдемся червонцем! — поспешил успокоить его Олег. — Как-никак здесь не городской рынок, а натуральное хозяйство. Большая цены не заломят.

— Действуй! — повелительно разрешил Генаша.

Но действовать пришлось вдвоем. За провизией надо было переправляться на другой берег Мрассу. Там жили три шорские семьи.

Вооружившись шестом, прихватив с собою ведро и мешок, адмирал и интендант с малым риском переплыли Мрассу. Они уже стали переходить вброд небольшой ручей, отделяющий избы от места их высадки, и в этот момент их встретил оглушительным лаем здоровенный лохматый пес. Олег, не отличавшийся храбростью, так и застыл посредине ручья.

— С детства боюсь собак, — откровенно сознался он.

И адмирал, сам немного уже перетрухнувший, отобрал у Олега ведро и мешок, храбро шагнул вперед.

В это время из ближнего дома вышла старуха-шорка, прикрикнула на собаку...

Пока Генаша покупал продукты, его интендант стоял по колено в ледяной воде и подавал громким голосом практические советы своему начальнику. Изредка он вздрагивал, заслышав строгое рычание собаки.

Старуха плохо понимала по-русски, но Генаша, наполовину на пальцах, объяснил ей суть дела.

Шорка, немного помешкав, полезла в погреб, достала картошку, молоко и мясо.

Генаша расплатился. Перелил молоко из крынок в ведро. Отнес ведро Олегу, потом вернулся за мясом и картошкой.

Под прощальный лай собаки друзья уже почти преодолели бурный ручей, но тут случилось непредвиденное. Олег поскользнулся на мыльном донном камне и, нелепо взмахнув руками, рухнул в воду. От него вниз по течению потянулся длинный белый шлейф пролитого молока.

Адмирал от неожиданности выронил мешок с продуктами, но быстро сумел выловить его, утопив в ручье половину картошки и пару кусков вяленого мяса.

За всем этим наблюдали шорцы, высыпавшие от мала до велика на берег. Это был для них бесплатный спектакль, и сдержать они смех просто никак не могли.

Но не зря говорят, что беда не приходит в одиночку. Едва наши герои выбрались на берег из ручья, как увидели, что их плохо зачлененную лодку отбило от берега и волны переката волокут ее вниз по течению. Не знаю, как бы они выкрутились потом перед флотом, если бы не расторопный мальчишка шорец, который, смекнув, в чем дело, бросился в реку наперерез уплывающей посудине. Ему удалось перехватить лодку и подтащить ее к берегу.

Так, затеянный Олегом адмиральский ужин уже в самом начале принес столько хлопот нашим кулиарам. Но сам адмирал извлек из всего случившегося определенную выгоду. Его интендант полностью скомпрометировал

себя в глазах своего «высокого начальства», а значит, и всего флота. Отмщение, которого так жаждал Генаша, наступило.

И все-таки адмиральский ужин получился на славу. Олег, спасая свой пошатнувшийся авторитет, превзошел самого себя. Наверно, поэтому адмирал умолчал на этот раз об истории с собакой, о забеленном ручье, о казусе с лодкой. Умолчал до удобного случая.

А случай этот мог представиться в любой час, так как недостатка во всякого рода забавных происшествиях флот адмирала Генаша во время этой навигации, прямо скажем, не испытывал. Иногда казалось, что все эти смешные ситуации специально подстраивал Старшой. Они вполне могли ему согдиться при создании нового веселого водевиля.

...Много лет прошло с того памятного времени. Потихоньку как-то сам собой распался наш флот, хотя просуществовал он ни много ни мало — больше десятка лет. Помню, кое-кто из наших коллег по писательской работе подшучивал над нами: не слишком ли, мол, затянулась ваша игра? не пора ли посерьезнеть, мужики?

А мне, да и друзьям моим тоже, по сей день жаль, что рановато мы посерьезнели. И еще одного жаль, что не сумели мы передать по наследству новому поколению молодых писателей нашу игру и ее железные уставные правила, одним из которых было — терпимость к недостаткам товарищей. Сколько высокого смысла и человечности скрывалось за этой простенькой фразой! Она как бы воспитывала в нас не только уважение друг к другу, но и уважение и любовь ко всему существу, любовь к матери нашей природе.

Недаром я слово «игра» поставил в кавычки. А остальные — нет. Еще и еще раз вспоминаю с волнением душевным наши флотские навигации. Как они обогащали нас, раскрепощали и очищали душу и чувства. Таежная жизнь научила нас многому. Она укрепила не только нашу дружбу и здоровье. Она помогла нам понять и осмыслить многие необходимые для писателя вещи. Не зря говорят в народе, что природа учит добру и мудрости.

Я больше чем уверен, что она, мать-природа, помогла каждому из нас и в делах творческих. Когда случится мне перечитывать книги моих товарищей по флоту, то я еще и еще раз убеждаюсь — не прошли даром те счастливые дни нашего близкого общения с природой. Разве бы смог наш адмирал Генаша написать без этого общения великолепную повесть «Хочу удивляться», наполненную восхищением и любовью ко всему земному. Разве бы смог наш Старшой — Евгений Сергеевич, человек по натуре суровый, сочинить для детей две исполненные лиризма книжки о тайге, о птицах, зверях и травах.

А почитайте повести и рассказы нашего спиннингиста Володи. Как написан в них пейзаж! С какой любовью и знанием говорит он о тайге.

Да, они, мои флотские друзья-товарищи, сколько раз и словом и делом вставали на защиту природы родного края и особенно жемчужины нашей кузнецкой земли — Горной Шории. Слово этой защиты звучало не только в их книгах, но и с самых высоких трибун. Тот же Володя в совсем недавние времена опубликовал в журнале «Наш современник» острозащитную драму «Дамба», в которой ведет тревожащий душу разговор на тему «человек и экология». Сейчас эта драма выходит к зрителю, на театральные подмостки.

Идет время. Полнится оно новыми обретенными, тревогами и потерями. Уже давно нет среди нас Старшого — большого сибирского писателя. Уехал из Кузбасса обживать иные края Олег. При редких встречах он нет-нет да и изольет непроходящую тоску о тех счастливых флотских летах.

Выросло новое поколение писателей. Многие из них, наших младших товарищей, только понаслышке знают о флоте адмирала Генаша и относят наши «флотские дни» к разряду чудачеств. Иногда кому-то из нас, «старичков», удается заманить их в тайгу. Но как они, молодые, тяжелы на подъем.

А вдруг когда-нибудь повезет и им — встанет за дружеским столом новый Старшой и скажет:

— А что, мужики, рванем-ка в Горную Шорию! Эдак недельки на две-три,

Василий Куспеков

КАРАГАЙ

Теперь уже немногие помнят, что на вершине Кыр-Теги (Сыркашинской горы) росла красавица сосна. Какой ветер занес ее в наши кедровые и пихтовые края, никто не знал, только старики вот что рассказывают.

Давным-давно в тайге поселился лесной народ — шорцы. Занимались они охотой, рыбной ловлей и не знали, что такое голод и болезни.

Только болотистую долину, что отделяла холодную Усу от полноводной Томи, редко согревали огни охотничьих костров.

Однажды злой ураган прошел над тайгой, наломал бурелому, разогнал зверей, вывел речки из берегов. Горе пришло в шорские улусы. По неделям бродили по тайге охотники, и редко-редко удавалось подстрелить дичь. Хариус косяками ходил в прозрачных водах Усы, но никакими снастями его взять было нельзя. И уговорили тогда шорцы всех шаманов сходить к Шаман-горе. Долго, сердито туманилась ее вершина, потом спустился древний старик и сказал:

— Там, за Кара-Ташем, у Хозяина тайги родилась дочь Карагай. И это в честь ее рождения выпустил Хозяин злой ураган. Это ей в приданое готовит он всех таежных зверей и всех речных рыб. Найдется ли у вас богатырь, достойный руки дочери Хозяина тайги? Только он сможет вернуть вам счастье.

Густой туман спустился с вершины, и старик исчез, а шаманы разошлись по улусам, разнося печальную весть. Слышали они только об одном таком богатыре, но не знали, где его найти.

Охотники пустились в поиски. Исходили всю тайгу. Много времени прошло. Уже осина потеряла лист, бурундук давно кладовые забил и медведь приготовился к спячке, когда охотник в долине Томи набрел на одного человека. Он мало чем отличался от остальных охотников, только умел из черного камня добывать огонь. Обрадовался охотник, сразу узнал богатыря Черного Камня.

Молча выслушал богатырь печальный рассказ охотника. Потом разложил огромный костер из черного камня, и, когда языки пламени достигли роста высокой пихты, из костра, громко заржав, выскочил огненный конь, волоча по земле золотую сбрую.

— Пусть ждет народ, привезу я им счастье! — сказал богатырь Черного Камня, и конь его поскакал в сторону Кара-Таша.

Прошли месяцы, прошли годы. Поросли густым кедром вершины гор. Умножился род охотников, а зверь все еще редкость в тайге, и рыба все еще не идет в снасти, и нет вестей от богатыря Черного Камня. Много перелетных птиц пролетело через Кара-Таш, но ни одна из них охотникам ничего не могла сказать о богатыре.

Однажды, когда сильный мороз сковал непослушные реки и глубокие снега упали в тайге, рано утром охотников вдруг разбудил страшный гром и вслед за ним яркое солнце вспыхнуло в тайге. Оно становилось все больше и больше — пока наконец не превратилось в коня Черного Камня. Сам богатырь сидел в золотом седле и держал в руках невиданную в здешних краях птицу.

— Вот она, Карагай, — сказал богатырь. Охотники рассердились на него за обман. Зачем им красивая птица, если она все равно не вернет зверей?

Засмеялся богатырь, слез с коня и говорит:

— Много лет прожил я в гостях у Хозяина тайги, ожидая, когда подрастет его дочь. С великими почестями принимал меня Хозяин, но зорко следил, чтобы не встречались мы с Карагай. Но вот подросла она, я рассказал ей, как ее отец обидел таежный народ, и решили мы бежать к вам. А чтобы сторожа не узнали, обернулась она птицей. Вот смотрите. — Бросил богатырь птицу на землю. И превратилась она в красивую девушку.

Целый месяц длилась свадьба. Все охотники пришли поздравить молодых. Радость и веселье вернулись в улусы. Тайга зашумела от множества звериных криков, реки засеребрились от множества рыб. А в это время приближалась беда.

Разгневался Хозяин тайги на сбежавшую дочь и богатыря Черного

Камня. Послал он вслед беглецам пихтовую тайгу, чтобы возвратит и наказать их.

Пируют охотники, славят молодых, но вдруг выскочил из тайги быстрый олень и закричал:

— Берегись, богатырь, тайга идет.

Оглянулся богатырь Черного Камня, а мрачные пихты уже окружили весь улус. Бросился он с невестой бежать на Кара-Тегеш. Добежали почти до вершины и остановились. Долго сражался богатырь с пихтами, но стала одолевать тайга. Тогда поднялись они с невестой на самую вершину и прокричали оттуда охотникам:

— Будьте же всегда счастливы в охоте и в жизни, не забывайте нас!

Опустился богатырь к ногам своей невесты и превратился в большой камень. А Карагай стала стройной светлокожей сосной. И отступила удивленная и испуганная тайга. И даже жестокий Хозяин ее смирился, когда услышал о том, что его дочь подарила свою жизнь таежным людям.

С тех пор прошли многие сотни лет. Росла и все шире разбрасывала свои красивые лапчатые сучья сосна, и внизу у ее корня каждое лето расцветали самые красивые таежные цветы, а самой верной клятвой у охотников была та, которую они давали, держась рукой за кору сосны. И перед тем как отправляться на большую охоту, охотник приходил посидеть на черном камне около сосны, и охота всегда была удачной.

*Публикацию подготовила З. А. Куспекова.
г. Междуреченск*

В. Васильев

НАЙОН

РАССКАЗ

Крупный широкогрудый пес темного окраса лежал на солнечном припеке, положив лобастую голову на передние лапы. Изредка он косил взглядом на резвящихся рядом собак, которые, завернув кренделем хвосты, носились друг за дружкой возле дома рыбака Ивана Залесова. Сам хозяин сидел на крылечке, смоля одну за другой дешевенькие папироски. Он только что вернулся с промысла, наскоро перекусил, и теперь ему было самое время отдохнуть от трудов праведных, поразмыслить о жизни.

— Собак покормить надо бы, — подумал Залесов. — Как-никак сегодня за день они верст сорок отмахали берегом, идя по его лодочному следу. Да и с лосем больше часа промаялись, глотки до хрипоты свои рвали.

Залесов досадливо поморщился, вспомнив о лосе.

— И все этот чертов Найон. Ишь, как глядит, вражина. До чего до зверя жаден — продыху никому не даст.

Найон, будто понимая, что речь идет о нем, дрожливо перебрал ушами, кольнул хозяина узкими щелочками глаз.

— Теперь с неделю на меня злиться будет, дурья башка, — ворчливо забормотал старый рыбак. — Ему правила охоты не втолкуешь. Для него — что весна, что осень. Был бы зверь...

Через несколько минут Залесов снова вышел на крыльцо с двумя вялеными налимами в руках. Осторожно, как бы виновато, приблизился к Найону, положил перед ним рыбину. Пес не принял подношения, более того — отвернул голову в сторону, сонно прикрыл глаза.

— Видал? — обернулся ко мне Залесов. — Что я говорил? Обиженного из себя корчит.

Лайки прекратили игру, сгрудились в трех шагах от хозяина, ожидая кормежки. А тот продолжал жаловаться мне на Найона:

— Ведь какой обычай завел? Пока сам не пожрет, другие — не подходи. Собаки его, как огня, боятся. И все молчком. Даже голосу не подаст, хватит клыками — и весь разговор. Особенно его кормлю...

Иван Степанович Залесов в верховьях Мрассу человек известный. Профессиональный рыбак и охотник, он вырос в этом заповедном краю, начал промышлять по зверю и рыбе еще парнишкой под призором отца. И вот, почитай, тридцать с лишним годков отдал он промыслу.

— Собаки в нашем деле — всему голова, — говорит он. — Без них в тайге ни шагу не ступишь. Батя мой их за всегда по несколько штук держал, хотя надежу до конца имел только на

одну, самую верную. У меня их тоже целая свора. И вот Найон...

— Кто ему такое имя придумал, — спрашиваю я.

— Батя и придумал. Он ведь до самой старости с ружьишком в тайгу ходил, пока глазами совсем не ослаб. Охотник был знатный. Так вот Найона он на ноги ставил. У него тогда вроде как и клички не было. Щенок, и все тут. Кличку ему батя за храбрость дал. Так местные охотники только сильных и смелых людей зовут. Да и озеро у нас с таким названием есть. У этого озера и встретился отец мой с медведем...

Пять лет назад это было. В последнюю батину осень. Пошел он по первому снегу соболешку поглядеть. Позвал с собой свою любимицу Мальву. Та стара уже была, а за соболем ходила исправно. И вот этот щен, — Иван Степанович кивнул в сторону Найона, — увязался за ними. Тогда он еще совсем мальком был. Ну, батя шугнул его поначалу, а потом смягчился. Видать, решил: дорога недалняя, снег легкий — пусть обвыкнет.

Соболешку он в тот день так и не поднял, хотя наброды видел. Близко к вечеру напоролся батя на матерого медведя. Да еще стреляного. Могло все добром обойтись, не дала бы Мальва в обиду хозяина. Но сплоховал батя, не сумел первым выстрелом посадить медведя. Раньше с ним такого не приключалось. Второй раз пальнуть не поспел — сел на него медведь. Мальва рвала зверя за «штаны», не струсил в схватке с медведем и щенок. Он, как оса, кружил возле медвежьей морды, не давая зверю ладом оседлать баты.

Первой пала на окровавленный снег от страшного удара когтистой лапы старая Мальва. Медведь сломал ей хребет. В эти короткие мгновения

борьбы зверя с собакой мой отец изловчился и, собрав остаток сил, несколько раз погрузил свой охотничий нож в податливую медвежью тушу. Зверь тяжело рухнул на него. Батя потерял сознание... Очнулся он от жалобного повизгивания. Щенок перепачканной в крови мордой терся о его колючую щеку, трогал лицо горячим шершавым языком.

С превеликим трудом высвободился батя из-под мертвого зверя, пошатываясь, встал на ноги. В трех шагах от себя он увидел умирающую Мальву, а у ног его крутился, припадая на искалеченную щеку, маленький храбрец, которому суждено было с этого времени стать Найоном...

Найон, будто понимая, что рассказ шел о нем, повернул морду к хозяину, но к рыбе так и не притронулся.

— Осуждает меня, чертушка, — уже много ласковее проговорил Залесов. — А за что, спрашивается?

— Действительно, за что? — спросил я.

— По его разумению, растяпа я, а никакой не охотник. Лося в семи верстах отсюда упустил. Готового, можно сказать, привязанного. Найон его со сворой в воду загнал и держал до прихода моей лодки. А я, видите ли, стрелять зверя не стал. Не время сейчас. Собак разогнал, лося волю дал. Вот он и уросит.

Помолчав, Иван Степанович заговорил снова с укоризной в голосе:

— И вот всегда так, чуть что — в обиду. А когда отец его из тайги приволок увечного, кто его выходил? Ухаживал за ним, пожалуй, не меньше, чем за батей. Отец после схватки с медведем всего полгода прожил. Шибко помял его зверь. А Найон вон как вымахал. Сильнее и надежнее его собаки в поселке нет. Богатырь, одним словом.

В. Сотников. Ожидание. Эскиз. Тушь

45 K.

